

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 20, № 3, Август 2021

Специальная тема номера:

**МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
С НАРОДАМИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В XVI–XIX ВВ.**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 20, № 3, AUGUST 2021

Special Theme of the Issue:

**POLITICAL COMMUNICATION MODELS OF THE RUSSIAN STATE
WITH THE PEOPLES OF THE URAL-VOLGA REGION, SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE 16TH–19TH CENTURIES**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 23.08.2021. Выход в свет 30.08.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 620. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, St. Catharines, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Амстердам, Голландия*
(*M.Kemper@uva.nl*)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия* (*moseykina-mn@rudn.ru*)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия* (*arslanov-ra@rudn.ru*)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия* (*kornoukhova-gg@rudn.ru*)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Сент-Катаринс, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

POLITICAL COMMUNICATION MODELS OF THE RUSSIAN STATE

WITH THE PEOPLES OF THE URAL-VOLGA REGION, SIBERIA AND CENTRAL ASIA IN THE 16TH–19TH CENTURIES

- Andrey S. Zuev, and Viktoriya A. Slugina**, The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries 340
- Andrian A. Borisov**, The ulus elite of the Yakuts in the communicative space of the Russian state in the 17th and 19th centuries 353
- Maxim V. Moiseev**, I.D. Khokhlov's mission to Bukhara in 1620–1623 and the communication networks of Russian diplomacy in Central Asia 365
- Vadim V. Trepavlov**, Keeping cultural codes: the customs and ceremonies of ethnic minorities under Russian rule 378
- Ivan D. Puzyrev**, Siberian Bukharans in Russian mission: gathering intelligence in Russia's south-eastern borderlands, 17th–18th centuries 388
- Konstantin A. Abdrakhmanov**, Caravan trade of Central Asian merchants with Russia in the first quarter of the 19th century 399
- Svetlana N. Brezhneva**, The visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice 411

ARTICLES

- Alexey V. Vasilyev**, Military clergy reorganization in the Paul's I of Russia military reform 426
- Efim I. Pivovarov, Vitaly F. Ershov, Maria V. Katagoshchina**, Post-Soviet diasporas in the age of the internet 437
- Elena V. Kriazheva-Kartseva, and Asrinda A. Idrus**, Missionary activities of the Russian orthodox church in Southeast Asia at the beginning of the 21st century 448

BOOK REVIEWS

- Elena P. Serapionova**, Review on: Michaela Kuthanová, ed. *Z historie exilu. Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu* [From exile history. Emigration from the Territory of Former Russian Empire to the Interwar Czechoslovakia]. Prague: Památník národního písemnictví Publ., 2019. 176 p. 461
- Irina V. Oktiabrskaja**, Review on: Amanzholova, Dina A. *Sovetskii proekt v Kazahstane: vlast i etnichnost, 1920–1930-e gg.* [The Soviet project in Kazakhstan: the power and ethnicity, 1920–1930]. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 488 p. 465
- Marina V. Mongush**, Review on: Sinitsyn, F.L. *Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki: istoriya, politika, naseleniye* [Soviet state and nomads: history, politics, population]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2019. 318 p. 470

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С НАРОДАМИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVI–XIX ВВ.

- Зуев А.С., Слугина В.В.** Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII в. 340
- Борисов А.А.** Улусная элита якутов в коммуникативном пространстве Российского государства в XVII – середине XVIII в. 353
- Моисеев М.В.** Миссия И.Д. Хохлова в Бухару в 1620–1623 гг. и коммуникационные сети русской дипломатии в Центральной Азии 365
- Трепавлов В.В.** Эксплуатация культурных кодов. Обычаи «иноземцев/иноверцев/инородцев» в российских административных практиках 378
- Пузырев Д.И.** Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. 388
- Абдрахманов К.А.** Караванная торговля среднеазиатских купцов с Россией в первой четверти XIX в. 399
- Брежнева С.Н.** Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика 411

СТАТЬИ

- Васильев А.В.** Реорганизация военного духовенства в ходе военной реформы императора Павла I 426
- Пивовар Е.И., Ершов В.Ф., Катагощина М.В.** Постсоветские диаспоры в век глобальной информационной цивилизации 437
- Кряжева-Карцева Е.В., Идрис А.А.** Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии в начале XXI в. 448

РЕЦЕНЗИИ

- Серapiroнова Е.П.** Рецензия на книгу: Z historie exilu. Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu / Michaela Kuthanová, ed. Praha: Památník národního písemnictví, 2019. 176 p. 461
- Октябрьская И.В.** Рецензия на книгу: Аманжолова Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 488 с. 465
- Монгуш М.В.** Рецензия на книгу: Синицын Ф.Л. Советское государство и кочевники: история, политика, население. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с. 470

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-340-352>

Научная статья / Research article

Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII в.

А.С. Зуев^а, В.А. Слугина^б

^аНовосибирский государственный университет,
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1,
zuev.nsu@gmail.com

^бИнститут истории СО РАН,
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
slugina881@gmail.com

Аннотация: В контексте изучения русской политической культуры конца XVI – начала XVIII в. раскрывается вопрос о приемах политического обоснования правомерности власти российского монарха над обширными территориями Сибири, включенными в состав Российского государства. Авторы статьи, проанализировав информацию из летописей, посольских и делопроизводственных документов, впервые в историографии выявили и систематизировали основные политико-идеологические и правовые аргументы, которые наиболее часто применяло российское правительство в целях легитимации власти российского монарха над Сибирью и ее народами. Аргументы классифицированы на внешнеполитические, адресованные главам иностранных государств, и внутривнутриполитические, предназначавшиеся сибирским народам и русским людям. Установлено, что к внешнеполитическим аргументам относились обоснования легитимности московских царей через упоминание «давности» и «прочности» включения сибирских территорий в сферу российского влияния (при этом дипломаты умалчивали факты сопротивления местного населения). Внутривнутриполитическая коммуникация с народами Сибири строилась на объявлении коренным жителям права царя владеть Сибирской землей как вотчиной и управлять сибирскими народами как «государевыми холопами». Русские люди (комбатанты и колонисты) также усваивали указанные аргументы, дополняя их религиозно-политическими представлениями о «богоизбранности» царской власти. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что набор и механизмы трансляции аргументов, обосновывавших легитимность российского монарха как правителя, обладавшего всеми правами на владение Сибирью, серьезно отличались в зависимости от адресатов-контрагентов, однако содержание этих аргументов-обоснований во многом совпадало.

Ключевые слова: легитимация, царь, монархия, сибирские народы, Российское государство, политическая коммуникация

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60006.

Для цитирования: Зуев А.С., Слугина В.А. Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 340–352. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-340-352>

© Зуев А.С., Слугина В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries

Andrey S. Zuev^a, Viktoriya A. Slugina^b

^aNovosibirsk State University,
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
zuev.nsu@gmail.com

^bInstitute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
slugina881@gmail.com

Abstract: The article studies the methods that substantiated the legitimacy of the power of the Russian monarch over the vast territories of Siberia. The context of this study is the Russian political culture of the late 16th to early 18th centuries. Based on information from chronicles as well as diplomatic and administrative documents, the authors identify and systematize the main political, ideological, and legal arguments that were most often used by the Russian government to justify the Tsars' rule over Siberia. The arguments can be divided into two groups according to the target audience: the first group was intended for conversation with the heads of foreign countries, the second one addressed the Siberian peoples and also the Russian people broadly. In foreign policy, the representatives of the Moscow Tsar emphasized the “antiquity” and the “strength” of the bond between these territories and the Russian state. The diplomats tended to exaggerate the scale of the Russian military, socio-economic, political, and cultural (religious) development of the new territories. At the same time, they were silent about the resistance of the local population to the tsarist servicemen. At home the authorities applied other legal arguments to bolster their legitimacy. In interaction with indigenous populations, the Russian governors and service people usually forced the communities (in the form of an ultimatum) to accept the claim that the Tsar owned the Siberian lands as a fiefdom. With this the socio-political status of the Siberian peoples radically changed: they became subjects to the Russian Tsar, as kholops or yasak-payers. The Russian combatants and colonists, in direct contact with the indigenous population, informed the Siberian peoples about recent government directives and fully identified with the official claim to authority. In the eyes of the Russian population, an additional element was the religious and political idea that the Tsar had been chosen by God, from which followed the duty to expand the Russian Orthodox tsardom.

Keywords: legitimation, tsar, monarchy, Siberian peoples, Russian state, political communication

Acknowledgements and Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-39-60006.

For citation: Zuev, Andrey S., and Slugina, Viktoriya A. “The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 340–352. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-340-352>

Введение

Российская экспансия на восток, начавшаяся во второй половине XVI в., привела к превращению преимущественно моноэтнического (русского) Московского княжества в полиэтническую Российскую империю. Ключевую роль в этом процессе сыграло включение в состав России Сибири – обширных североазиатских территорий от Урала до Тихого океана¹. Благодаря «взятию» Сибири Россия стала одним из самых больших государств в мире, существенно усилила свое внутреннее разнообразие – этническое, культурное, религиозное, социальное, экономическое, усложнилось ее внутригосударственное устройство.

При всей детальности проработки истории «сибирского взятия» за пределами исторических исследований осталось рассмотрение процесса российской экспансии в

¹ Именно в таких территориальных рамках – на уровне ментальной географии и административно-территориального деления – понималась Сибирь в русском дискурсе до второй половины XIX в., когда из нее был выделен Дальний Восток как особый географический образ.

Сибирь в контексте публичной политики соответствующей эпохи. Историки, следуя за логикой делопроизводственных документов, рассматривали политику в отношении сибирских территорий как набор или последовательность конкретных тактических распоряжений центральной власти, направленных воеводам для реализации на местах. Они в целом не принимали во внимание тот факт, что сами заказчики и исполнители политических решений обладали рефлексией по отношению к правомочности российского присутствия в Сибири. Как следствие в историографии остаются нераскрытыми роль и значение политической коммуникации, публичной риторики центральной власти и служилой бюрократии, конструируемой вокруг «сибирского взятия». Нарративы-объяснения правомочности российского монарха на управление Сибирью, выработанные центральной властью, специально не выделялись из огромного массива дошедших до нас делопроизводственных и актовых источников.

В данной статье внимание будет сосредоточено на выявлении и анализе аргументов, которые применялись российской властью в конце XVI – начале XVIII в. для легитимации (общественного признания законности) власти русского царя над народами и территориями Сибири. Эти аргументы посредством нормативно-распорядительных документов и летописных текстов распространялись внутри государства и транслировались вовне, превращаясь в устойчивые штампы. Легитимация как юридическое понятие включает в себя большой набор культурных, политических и правовых компонентов и задействует разнообразные формы репрезентации власти². Мы же сконцентрируемся на рассмотрении только тех элементов и задействованных механизмов легитимации, которые включались в разнообразные коммуникативные каналы и публично транслировались в письменной или устной форме. Представители властной элиты Российского государства были включены в системы внешне- и внутривластных межэтнических коммуникативных взаимодействий, в ходе осуществления которых было необходимо идейно обосновывать правомерность инкорпорации уральских и сибирских территорий в состав Российского государства.

Адресатов (реципиентов) транслируемых аргументов, исходя из характера их политического взаимодействия с Российским государством, можно разделить на три основные группы.

Первая группа: правители иностранных государств, на суверенитет которых Российское государство не покушалось и с которыми находилось в дипломатических отношениях.

Вторая группа: народы, обитавшие в Сибири и на ее южных границах. Это те народы, которые в рассматриваемое время либо были подчинены российской власти, либо российская власть желала их подчинить. В документах того времени все они номинировались иноземцами³.

Третья группа: русские – все русские люди, которые подчиняли и осваивали Сибирь, выступая в роли комбатантов и колонистов. Особо оговорим, что термин «русские» мы используем не в качестве этнонима, а в качестве политонима. Этнический состав государевых служилых людей, покорявших Сибирь, был весьма разнообразным, среди них были не только собственно русские, но и представители народов Поволжья, Урала, Сибири, а также выходцы из стран Европы. Однако факт нахождения на службе русскому/российскому царю и/или принадлежности к пра-

² Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 222–235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>

³ Иноземцами русские в XVII в. называли жителей «иных (нерусских или изначально не русских) земель», применительно к Сибири – коренных жителей.

вославленной вере означали в те времена включенность в социально-политическое общество тех, кто непосредственно ассоциировался с русской/российской властью и, соответственно, кардинально отличался от тех, кто к этому сообществу не принадлежал, в нашем случае – от сибирских иноземцев.

Политико-идеологическое обоснование прав российского монарха на владение территориями Сибири. Адресат – правители иностранных государств

В политико-идеологическом дискурсе российской власти право на владение Сибирью стало озвучиваться задолго до появления там постоянных русских поселений и русского населения. Установление при великих князьях Иване III и Василии III, а затем при царе Иване IV протекторатно-даннических отношений с рядом остяжских и вогульских вождей дало основание российским монархам «присвоить» их земли себе. Одним из способов обеспечения номинального присвоения зауральских территорий было включение их наименований в великокняжеский, а затем и в царский полный титул⁴.

В 1555–1558 гг. соправители Сибирского юрта Едигер и Булат признали Ивана IV своим протектором, обязались ему служить и выплачивать дань⁵, и уже в 1556 г. в царский титул был включен оборот «вся Сибирские <...> страны повелитель». В конце 1550-х – начале 1570-х гг. сибирская часть царского титула включала следующие компоненты: «великий князь <...> югорский, <...> обдорский, кондинский и все Сибирские земли <...> повелитель»⁶.

На рубеже 1560-х – 1570-х гг. протекторатно-данническую модель взаимоотношений русская сторона пыталась выстроить и с новым правителем Сибирского юрта – Кучумом. Москва призывала его подтвердить политическую зависимость Сибирского юрта от Российского царства. Несмотря на то, что эта попытка была unsuccessful – в 1573 г. Кучум восстановил свой суверенитет, отказавшись выплачивать дань царю, – Иван IV продолжал считать Сибирский юрт подвластной ему территорией, о чем свидетельствует использование в его титулатуре оборота «Сибирские земли повелитель»⁷.

После похода в Сибирь в 1581 (или 1582) – 1584 гг. вольных казаков во главе с Ермаком, разгромивших Сибирский юрт, московская дипломатия аргументировала «законность» русского вторжения в Сибирь необходимостью наказать Кучума, который вышел из повиновения своему сюзеру – русскому царю. Кроме того, Москва по дипломатическим каналам известила иностранных правителей, что Сибирь, издавна являвшаяся вотчиной российских монархов, перешла под прямое управление государя «вся Руси» и все местные народы исправно платят ему нало-

⁴ См. об этом: Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 131–132.

⁵ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1904. Т. 13. С. 248, 276, 285, 313, 370; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. // Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 479–480; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 204–205.

⁶ См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (СГГД). М., 1819. Ч. 2. С. 63–65; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. // Сб. ИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 724; Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 687, 689, 695, 697, 698, 724, 726, 728.

⁷ Формулировки полного царского титула 1570-х гг. см.: Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 730, 736, 737, 738, 739, 749.

ги – «дань»⁸. Иными словами, в коммуникации с иностранными государствами факт завоевания Сибирского юрта интерпретировался представителями российской политической элиты того времени как справедливое «возвращение» наследственной вотчины князей Рюриковичей (начиная с Ивана III). Подобные апелляции к «давности» владения Рюриковичами определенными территориями и указание на законность возвращения этих территорий российская сторона использовала не впервые. Аналогичная аргументация применялась для обоснования подчинения Новгорода, захвата бывших древнерусских земель у Великого княжества Литовского, завоевания Казанского и Астраханского ханств, а также попытки овладения землями Ливонского ордена.

Территориальный «сибирский» компонент оперативно был включен в русские дипломатические документы. Иностранному контрагенту с конца XVI в. неизменно транслировалось утверждение, что Сибирь является составной частью Российского государства и, соответственно, находится во владении российских монархов. При этом в нарративах внешнеполитической документации конца XVI – начала XVII в. прослеживается устойчивый набор положений, обосновывавший правомерность экспансии Российского государства в Сибирь. Российская сторона извещала иностранных правителей:

– о ведущей роли Российского государства в организации военного похода на Сибирский юрт (роль казаков Ермака во «взятии Сибири» преуменьшалась либо замалчивалась);

– о значительных (сильно преувеличенных) успехах русской колонизации Сибири – строительстве большого числа городов, экономическом освоении территории, наличии русского населения и государственного управления;

– о политических и экономических перспективах, полученных Российским государством благодаря новым территориям, граничащим с богатым Китаем;

– о лояльности сибирских народов российской власти и распространении среди них христианства (при этом факты сопротивления с их стороны умалчивались)⁹.

Перечисление достижений российской власти на новых территориях явно было направлено на формирование позитивного представления о русской экспансии и прочности русского присутствия в Сибири, на репрезентацию российского монарха как сильного и могущественного правителя – «царя царей», которому под-

⁸ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 922; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1: 1556–1586 гг. // Сб. ИРИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 414; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 46.

⁹ См.: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. Стб. 939, 1042–1043, 1121–1122; 1852; СПб., 1852. Т. 2. Стб. 292, 364, 466, 989; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1. С. 414–415; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1. С. 94; 1892. Т. 2. С. 51; 1898. Т. 3. С. 226, 352; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4 // Сб. ИРИО. М., 1912. Т. 137. С. 417; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 5: 1609–1615 гг. // Сб. ИРИО. М., 1913. Т. 142. С. 339, 526; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2 (С 1581 по 1604 год) // Сб. ИРИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 297; Посольская книга по связям России с Англией. 1613–1614 гг. М., 1979. С. 130, 131; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 65, 66; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 27, 98, 341; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь... М., 1972. С. 47–48, 51. См. также: *Игнаткин П.С.* Официальный образ Сибири в Московском государстве конца XVI – начала XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 99–103; *Рябина Е.А.* Внешняя политика Кучума-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 90–92.

чиняются все новые и новые правители и народы. Такая репрезентация амбиций, полномочий и могущества русского царя в соответствии с европейской политической культурой того времени уравнивала его статус с императорским, что в свою очередь маркировало Российское государство как «настоящее» царство – империю, которая, исполняя «божественный замысел», расширяет свою территорию и увеличивает число подданных.

В 1599 г. (после гибели в 1598 г. сибирского хана Кучума) в полную титулатуру российского монарха был включен титул «царь сибирский», который окончательно утвердился уже в титулатуре монархов династии Романовых¹⁰. Тем самым фиксировалась незыблемость прав русского царя на владение Сибирью.

К концу первой четверти XVII в. в русской дипломатической документации упоминаний «сибирских сюжетов» стало значительно меньше, а сама аргументация законности российского монарха на владение и управление новыми территориями была скорректирована. Русское движение «встреч солнцу» уже вышло за пределы бывшего Сибирского юрта, и, соответственно, апелляции к «наследию Рюриковичей» в качестве объяснения легитимности включения новых территорий в состав Российского государства стало недостаточно. Политические элиты того времени прекрасно понимали, что эти новые сибирские территории никогда не являлись «вотчинами» династии Рюриковичей, а обитавшие на них народы никогда не признавали власть российских монархов над ними.

В связи с этим во внешнеполитической документации XVII в. при опоре на логику апелляции к «давности» русского присутствия на сибирских территориях (идейно близкую к аргументации, применявшейся московскими правителями в XV–XVI вв. при «собрании русских земель») акцент стал делаться на давность и неизменность обложения народов Сибири данью-ясаком в пользу царской казны. Этот аргумент – давность и неизменность статуса сибирских иноземцев как ясачных людей – подданных русского царя – особенно активно озвучивался российской дипломатией главам кочевых этнополитических объединений (калмыков, джунгаров, монголов), когда речь заходила о праве царя на владение южносибирскими землями и народами¹¹.

Политико-правовое обоснование включения народов Сибири в состав Российского государства. Адресат – народы Сибири

Иной набор аргументов российская власть предлагала сибирским народам. Русские служилые люди при общении с иноземцами, которые никогда не были под российской властью или перестали ей подчиняться, должны были призвать их «под высокую государеву руку» в «вечное холопство», т.е. в подданство царю, и огласить им государево жалованное слово (другие варианты – милостивое слово, царское жалованье, царская милость)¹².

¹⁰ Каишанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. С. 16–20; Пчелов Е.В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования. С. 14; Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 69–71.

¹¹ См., например: Русско-монгольские отношения (РМО). 1607–1636: Сб. док. М., 1959. С. 96–97; РМО. 1654–1685: Сб. док. М., 1996. С. 27, 47, 230, 231, 241, 279–280, 294, 295, 306, 307, 312, 381, 414; РМО. 1685–1691: Сб. док. М., 2000. С. 92, 105, 151, 212.

¹² См., например: Акты исторические (АИ). СПб., 1842. Т. 4. С. 72–74, 540; Дополнения к актам историческим (ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. С. 256–257; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 411, 412, 418, 436; 2000. Т. 2. С. 193, 239; 2005. Т. 3. С. 130, 131, 176, 154–156, 159, 170, 176, 185, 186, 219, 224, 225, 258, 366; Памятники Сибирской истории XVIII века (ПСИ). СПб., 1882. Кн. 1. С. 232, 234–235; 1885. Кн. 2. С. 483, 507, 509, 510, 517, 526, 539.

Указания на необходимость приглашать сибирских иноземцев в подданство через оглашение специального текста – жалованного слова, написанного от имени царя, встречаются в документальных источниках с конца XVI в., однако в отчетной документации (в отписках воевод и служилых людей) содержится мало информации о собственно процедуре его декламации «на местах». Тем не менее, с большой долей уверенности можно полагать, что служилые люди все же разъясняли представителям потестарных элит сибирских народов условия предлагаемого им статуса «ясачных холопов» русского царя и использовали для этих объяснений положение жалованного слова.

С 1599 г. текст жалованного слова стал неотъемлемой частью наказов (инструкций), выдаваемых сибирским воеводам сначала Казанским, а затем Сибирским приказом при их вступлении в должность¹³.

В жалованном слове, адресованном сибирским иноземцам, излагались два генеральных взаимосвязанных положения. Во-первых, говорилось о том, что царь/великий государь разрешает иноземцам жить по-прежнему на их «родовых» землях и свободно заниматься хозяйственной деятельностью, жалует им свою милость, покровительство и защиту от обид со стороны русских людей и от нападений любых врагов, предоставляет им право подачи жалоб, обеспечивает праведный суд и отсутствие злоупотреблений при сборе ясака. Во-вторых, излагались обязанности иноземцев: сохранять верность, служить и платить ясак великому государю, извещать воевод о готовящихся или начавшихся антирусских восстаниях, ловить заговорщиков и изменников и передавать их служилым людям, содействовать приведению в российское подданство «немирных» иноземцев и расширению круга плательщиков ясака – ясачных людей. В случае правонарушений, отказа от уплаты ясака, измены, нападений на русских людей жалованное слово угрожало иноземцам «царским гневом» и «ратным боем». Реализацию на практике монарших благодеяний, контроль за иноземцами и их наказание за неисполнение обязательств должны были осуществлять местные русские администраторы – воеводы и приказчики¹⁴.

Следует заметить, что сочетание декларативной заботы монарха о сибирских иноземцах и обязанностей иноземцев в отношении монарха придавало жалованному слову видимость договора между монархом и его подданными об определенных взаимных обязательствах.

Иноземцы подтверждали свою лояльность российскому монарху через процедуру присяги – принесение (подтверждения) шерти. Понятие «шерть» попало в русский лексикон от татар, где оно изначально использовалось для наименования любых соглашений или обязательств между договаривающимися правителями.

¹³ О происхождении жалованного слова в наказах воеводам см.: *Слугина В.А., Конев А.Ю.* «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формулы // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 183–193.

¹⁴ См. тексты жалованных слов: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 52 об. – 55, 492 об. – 495, 502 об. – 503 об.; Оп. 3. Стб. 424. Л. 18–21; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 3. С. 97–98, 236–238, 338–339, 377–378, 534, 552–553, 566–567, 583–584; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 218–219; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 300–301; Т. 4. С. 102–103, 155–156, 347–348; 1869. Т. 11. С. 69–70; Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. разд. V. С. 8–10, 12–14; Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 364–365; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. (КПИМГЯ) Л., 1936. С. 74–75; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 389–390; Т. 2. С. 205–206; Т. 3. С. 268–269; Первое столетие сибирских городов. XVII в. Новосибирск, 1996. С. 130–131; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 182–183; *Баранович П.Н.* Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 1: История. С. 93, 94.

К тюркоязычным народам Евразии это слово попало от арабов, в чьем языке имело значение «условие договора»¹⁵. В лексике русской делопроизводственной документации с конца XVI в. понятие «шерть» (и производное от него – «шертование») в отношении народов Сибири начинает использоваться именно для обозначения присяги – акта признания власти российского монарха и фиксации обязательств присягнувшего этому монарху.

Шертование практиковалось при приведении иноземцев в подданство царю и при подтверждении (продлонгации) ими своего статуса подданного. Приведение в подданство могло быть единоразовым, когда этнотерриториальное объединение сразу подчинялось российской власти, а могло быть неоднократным, когда иноземцев приводили к присяге после их «измен» и восстаний. Пролонгация подданства, и, соответственно, подтверждение шертных (присяжных) обязательств осуществлялись по указанию из Москвы в двух случаях: во-первых, когда на российский престол вступал новый монарх и иноземцы обязаны были дать ему присягу; во-вторых, когда происходила смена лиц, возглавлявших крупные военно-политические объединения иноземцев (эта практика имела место во взаимоотношениях России с кочевыми народами). Кроме того, центральная и местные власти апеллировали к шерти в упомянутых выше жалованных словах, а также в многочисленных практиках предупреждения и подавления вооруженных восстаний иноземцев: им напоминали об их обязанности верно служить российскому монарху.

Контрагентами присяги-шерти были собственно российский монарх и члены его семьи (мать, супруга, братья, сестры, дети), а содержание обязательств присягнувшего фиксировалось в специальном актовом документе – шертовальной записи, которую представители царской администрации (воеводы, приказчики и служилые люди) должны были так же, как и жалованное слово, оглашать представителям постарших элит сибирских народов устно. Исходными образцами для составления шертовальных записей народов Сибири являлись крестоцеловальные записи – тексты присяг, которые давали царю его православные подданные¹⁶.

Шертальные записи, предназначавшиеся разным народам Сибири, были схожи по своей структуре и содержанию на протяжении всего XVII в. В них перечислялись следующие базовые обязательства, которые должны были выполнять иноземцы: хранить верность царю и его возможным наследникам, выполнять любую службу по приказу воевод, участвовать в военных действиях против врагов Российского государства, информировать местную администрацию о готовящихся заговорах и мятежах против русских, ловить преступников и изменников и передавать их воеводам, не воевать против русских, не покидать территорию своего проживания, а также пределы Российского государства. Уездные воеводы могли дополнять и конкретизировать статьи шертовальных записей в зависимости от контекста и обстоятельств их взаимоотношений с отдельным этносоциумом¹⁷.

¹⁵ *Бережков М.* Крымские шертные грамоты. Киев, 1894. С. 4; *Qafisheh Hamdi A.* NTC's Gulf Arabic-English Dictionary. Lincolnwood, IL, 1997. P. 352.

¹⁶ О происхождении, эволюции и политико-юридическом статусе шертования сибирских народов и сибирских шертовальных записей см.: *Зуев А.С., Слугина В.А.* Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // *Российская история.* 2015. № 3. С. 30–44; *Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А.* Под сень двуглавого орла... С. 194–292.

¹⁷ Тесты шертовальных записей см., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 133. Ч. 1. № 5. Л. 19–22; № 19. Л. 56–57; Ч. 3. № 225. Л. 117–118; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 106–110, 116–119, 130–133, 175–178; 191–194, 204–207, 231–238, 256–257; Стб. 328. Ч. 2. Л. 196–197; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22; Стб. 975. Л. 7–8; Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 510–511; Д. 19. Л. 172–172 об.; ПСЗРИ. Т. 3. С. 15–17; ПСИ. Кн. 1. С. 24–25; КПМГЯ. С. 10–11; РМО. 1607–1636. С. 200–201; РМО. 1636–1654: Сб. док. М., 1974. С. 407–408.

Большая часть базовых обязательств являлась идеализированным смыслообразующим описанием подданства монарху, благодаря чему присягнувший должен был понять свое место в политической системе и свою функциональную роль в ней, выраженную в понятии «верная служба». Именно поэтому обязательства, содержащиеся в текстах присяг иноземцев и связанные с «верной службой», почти полностью совпадают (очень часто дословно) со «служебными» обязательствами, которые перечислялись в текстах присяг (крестоцеловальных записей) русских православных людей своему монарху¹⁸. Это, кстати, свидетельствует о выработке российской властью в XVII в. базовых критериев подданства царю, общих для всего полиэтничного населения России¹⁹, а также о том, что власть стремилась внедрить в политико-правовые отношения с сибирскими народами свое представление о подданстве.

Конструирование политической лояльности населения Сибири, оформляемой шертями и подтверждаемой жалованными словами, имело важное, но все же второстепенное значение по сравнению с налогообложением. Многочисленные документы XVII в., прежде всего отчеты служилых людей о подчинении сибирских народов, свидетельствуют, что в случае успешного обложения иноземцев налогом-ясаком формальная процедура приведения их к присяге являлась необязательной. Поэтому следует оговорить, что обязательным элементом идентификации населения Сибири как подданных российского монарха являлось обложение их ясаком, которое в отдельных случаях заменялось несением постоянной военно-административной службы.

Объединяя положения жалованного слова и шертовальной записи, можно генерализировать следующие идеологемы-аргументы, предлагаемые иноземцам в качестве обоснования легитимности власти российского монарха над ними:

- территория проживания иноземцев, обложенных ясаком, является собственностью-вотчиной русского царя (в полном соответствии с российской моделью патримониального государства);
- проживание на «родовой» земле и хозяйственные занятия являются не свободным волеизъявлением и правом иноземцев, а «пожалованием» со стороны царя;
- иноземцы, признавшие власть царя, получают от него защиту, покровительство и заботу, и поэтому обязаны ему службой и уплатой налогов;
- подданство царю, выраженное в службе и уплате ясака, является вечным и неизменным, оно автоматически переходит к потомкам подданного и пролонгируется при вступлении на престол нового монарха с помощью жалованных слов и присяг-шертей;
- царь является верховным судьей, решающим любые конфликты и спорные дела.

Перечисленные аргументы легитимации подкреплялись трактовкой любых действий, которые могут нанести вред монарху и его государству, как нелегитимных – измены.

Политико-религиозное обоснование. Адресат – русские (православные) люди

Аргументы, адресованные иностранным правителям и сибирским народам, неизбежно доходили и до русских людей, которые (прежде всего комбатанты – служилые люди) являлись непосредственными передатчиками информации, исходящей от российского правительства посредством дипломатической и нормативно-распорядительной документации и предназначенной первой и второй группе адресата-

¹⁸ Тексты крестоцеловальных записей см., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 133. Ч. 1. № 4. Л. 15–18; № 19. Л. 56–57; Ч. 3. № 177. Л. 4–5 об.; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 55–59; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 12–20; Стб. 975. Л. 3–6; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 156 об. – 158; СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 421–422.

¹⁹ Kivelson V. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 3. Pp. 465–489.

тов. Эти аргументы дополнялись представлением, сформировавшимся в русской политико-религиозной культуре, о закономерности и необходимости расширения Русского православного царства и территориальных пределов власти его правителя.

Представления о закономерности распространения православия на новые территории явно были артикулированы в сибирских летописях: «начашася в Сибирстей земли города и острожки ставити и великия места распространяться, и святыя Божия церкви воздвизатися, и православная христианская вера вкоренятися»²⁰; «аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя»²¹, «и повсюду благодать излися божия»²². Сам успех похода Ермака в Сибирь летописцы связывали с божественным провидением и персоной государя: «Изволением всемилостиваго в Троицы славимаго бога и пречистыя его богоматери <...> его же государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии праведною молитвою ко всещедрому богу и его царским счастьем царство Сибирское взяша»²³. Подобная же формулировка вошла в делопроизводственный язык XVII в. Сообщения о военных успехах сибирских служилых людей чаще всего предварялись устойчивым штампом: «божиею милостью и великого государя <...> счастьем побили...»²⁴.

Таким образом, церковными интеллектуалами XVII в. присоединение Сибири осмысливалось в рамках идей богоизбранности и мессианской роли Руси как оплота истинной веры – христианства-православия. Эти идеи (чаще всего в редуцированном виде) воспринимались и тиражировались некоторыми сибирскими администраторами²⁵.

Мессианская роль России персонифицировалась в монархе: православный царь, будучи «наместником бога на земле» и «исполнителем» его воли, обязан был не только защищать православие, но и увеличивать его территориальные пределы. Установки на территориальную экспансию (с целью распространения православия), хотя и не часто, но все же провозглашались публично. В 1550-х гг. в послании Ивану IV, составленном священником Сильвестром либо митрополитом Макарием, прямо высказывалась мысль о необходимости православного царя подчинять себе других правителей и расширять свои территориальные владения: «Обладаешь от моря и до моря, и от рек до конец вселенныя – твоя, и поклонятца тебе все царие земстии и вси языцы поработают тебе»²⁶. В грамоте, извещавшей об избрании царем Михаила Федоровича Романова (1613 г.), также присутствует пожелание расширять (опять же, в соответствии с божественной волей) пределы Российского царства: «его б Царское пресветлое имя предо всеми великими Государи славно было к очищенью, и к разширенью и к прибавленью великих его государств, якоже весть святая Его воля»²⁷. Аналогичные установки находили отражение в чинах «постав-

²⁰ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 172.

²¹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 51.

²² Там же. С. 69. См. также: Там же. С. 42, 48, 50, 71, 73, 82, 109, 116, 127, 137, 261; Летописи сибирские. С. 108.

²³ Сравнение этой формулировки в разных списках летописей см.: Ромодановская Е.К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 40–41.

²⁴ Цит. по РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 715. Л. 35. См. также: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. № 17. Л. 66 об. – 67 об.; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 417–418; 458.

²⁵ См., например: Сборник документов по истории Бурятии (далее – СДИБ). С. 207; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 346.

²⁶ Голохвастов Д.П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 1. С. 69.

²⁷ СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 632.

ления/венчания на царство» Федора Алексеевича (1676 г.)²⁸ и Петра и Иоанна Алексеевичей (1682 г.)²⁹.

С уровня религиозно-политической риторики идея экспансии опускалась в сферу реальной административной политики. Установка на санкционированную монархом территориальную экспансию неизменно присутствовала в наказах и грамотах конца XVI – начала XVIII в., адресованных сибирским воеводам. Им предписывалось отправлять служилых людей в «новые земли» и приводить проживавшие на них народы «под государеву царскую руку»³⁰.

Политико-религиозные идейные установки сибирских служилых людей проявлялись в ходе межкультурной коммуникации с азиатскими правителями. Объясняя позицию российского монарха, переговорщики с русской стороны неизменно подчеркивали, что русский царь подчинил многих царей и князей и стал полноправным обладателем их царств, земель и государств³¹. Эта, казалось бы, сугубо прагматическая аргументация хорошо сочеталась с православным мировоззрением, в котором русский царь являлся наместником бога и верховным земным владыкой, а значит – единственным богоизбранным легитимным правителем в мире. К идее верховенства (превосходства) российского монарха по отношению к другим правителям, обусловленном его богоизбранностью, иногда апеллировали и в посольской практике. Например, в 1638 г. служилый человек В. Старков произнес перед правителем монголов-хотойготов алтын-ханом Омбо Эрдени следующую речь, не лишённую эмоций: «а на земли кто есть иной царь, кроме великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси? Бог на небе, а он, государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержец, один на земли богом венчанный и богом дарованный царь и государь надо всеми цари и короли, и нет иного царя»³².

Утверждение власти царя в Сибири привело к ее включению в Русское православное царство. В идейном плане это означало ее превращение в землю, принадлежащую православным – русским. Идентификации Сибири в качестве части владений русского царя и «продолжения» русской земли способствовала также «русификация» пространства: в Сибири появлялись города и остроги, в которых располагалась русская администрация, основывались русские поселения с православными культовыми сооружениями. Путем описания сибирских территорий и народов, составления карт-чертежей отдельных местностей и всей Сибири русская сторона проводила инвентаризацию подвластного пространства. Постройки военно-административного и культурного назначения, карты-маршруты, размечавшие географическую и этносоциальную топоологию пространств, а также установление территориальных политико-административных (судебных, военных) и фискальных институтов (сбор ясака и пошлин) являлись маркерами русского освоения и присвоения Сибири. В представлениях российских властей и русских людей, пришедших в Сибирь, наличие этих маркеров означало превращение территории в «государеву вотчину».

²⁸ ПСЗРИ. Т. 2. С. 54, 65.

²⁹ Там же. С. 425, 437.

³⁰ См., например, наказы сибирским воеводам: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 217–223; 1842. Т. 4. С. 443–454; Т. 5. С. 429–443; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. 264–275; Т. 3. С. 297–317; 1851. Т. 4. С. 100–120, 153–169; ПСЗРИ. Т. 3. С. 235–254, 551–595; Т. 4. С. 108–110; КИМГЯ. Л., 1936. С. 72–86.

³¹ См., например: СДИБ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 116; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 259, 360.

³² РМО. 1636–1654. С. 109. См. также схожую аргументацию в речах сибирских служилых людей, которые в XVII в. вели переговоры с монгольскими ханами: РМО. 1607–1636. С. 63; РМО. 1636–1654. С. 46, 99; РМО. 1654–1685. С. 39, 42, 65; СДИБ. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 116, 279.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что российская власть предлагала правителям иностранных государств (первая группа адресатов), сибирским иноземцам (вторая группа) и русским людям (третья группа) разный (но не принципиально) набор политико-идеологических и правовых аргументов, легитимирующих власть российского монарха (и Российского государства) над Сибирью и ее народами.

Для каждой группы конструировалась своя логика «доказательств», которые транслировались в разных жанрах и с помощью разных инструментов. При этом, однако, анализ источников позволяет выявить устойчивую воспроизводимость набора основных (базовых) аргументов легитимации:

– Сибирь принадлежит российскому монарху в соответствии с «божьем замыслом» по расширению Русского православного царства и власти «настоящего царя царей» (аргумент транслировался русским людям и частично – иноземцам);

– Сибирь и ее народы длительное время находятся под властью российского монарха (аргумент транслировался всем адресатам);

– Сибирь населена русскими (православными) людьми, в ней располагаются русские поселения, все ее территории и народы управляются русской администрацией, она является русской землей (аргумент транслировался русским людям и правителям иностранных государств);

– сибирские народы дали и подтверждают свое согласие (выраженное через уплату налога, принесение и подтверждение шерти-присяги) быть вечными подданными («холопами») российского монарха, который соблаговолил принять и держать их в своем подданстве (аргумент транслировался всем адресатам и создавал иллюзию добровольного признания иноземцами власти царя);

– Сибирь – вотчина российского монарха, этот аргумент рождался из синтеза всех предыдущих, а также из представлений русских людей XVII в. о слиянии в прерогативах царя прав правителя (*imperium*) и прав собственника (*dominium*), о государстве как собственности царя / великого государя (аргумент транслировался всем адресатам).

Поступила в редакцию / Submitted: 18.01.2021

References

- Avdeev, A.G. "Titulatura Ivana III v latinskoi i russkoi nadpisiakh na Spasskoi bashne Moskovskogo Kremlya." In *Voprosy epigrafiki*, vol. 1 Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2006: 25–35 (in Russian).
- Barakhovich, P.N. "The instruction ('Nakaz') of tsar Mikhail Fyodorovich to the yeniseisk voivode Zh.V. Kondyrev, January 31, 1631." *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 17, no. 1: History (2018): 91–103 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-1-91-103
- Belokurov, S.A. *Snosheniia Rossii s Kavkazom*, vol. 1. Moscow: University typography Publ., 1889 (in Russian).
- Berezhkov, M. *Krymskie shertnye gramoty*. Kiev: G.T. Korchak-Novitsky Publ. 1894 (in Russian).
- Filyushkin, A.I. *Izobretaiia pervuiu voynu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2013 (in Russian).
- Golokhvastov, D.P., "Leonid, arkhimandrit. Blagoveshchenskii ierei Sil'vestr i egopisaniya." In *Chteniia v Obschestve istorii i drevnostei rossiiskikh*, vol. 1. Moscow: University typography Publ., 1874: 1–100 (in Russian).
- Ignatkin, P.S. "The official image of Siberia in Moscow State of the end of the 16th – early 17th century." *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 12, no. 1: History (2013): 99–103 (in Russian).
- Ivanov, V.N. *Vkhozhdienie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1999 (in Russian).

- Kashtanov, S.M. “Sibirskii komponent v titulature moskovskikh gosudarei XVI–XVII vv.” In *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* Novosibirsk: Publishing House SB RAS Publ., 2006: 3–21 (in Russian).
- Kivelson, V. “Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom.” *The Journal of Modern History* 74, no. 3 (2002): 465–489.
- Miller, G.F. *Istoriya Sibiri*, vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriya Sibiri*, vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2000 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriya Sibiri*, vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2005 (in Russian).
- Myasnikov, S.A. “Legitimation and justification of policy: analysis of conceptual distinctions.” *Political science (RU)*, no. 3 (2019): 222–235 (in Russian). DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>
- Pchelov, E.V. “The territorial title of the Russian sovereigns: the structure and principles of construction.” *Russian History*, no. 1 (2010): 3–15 (in Russian).
- Preobrazhenskii, A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka*. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- Romodanovskaya, E.K. “Pogodinskii letopisets (K voprosu o nachale sibirskogo letopisaniya).” In *Sibirskoe istochnikovedenie i arkheografiya*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 18–58 (in Russian).
- Ryabinina, E.A. “Vneshniaia politika Kuchuma-khana v 1582–1598 gg.” In *Istoriia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri*, 90–95. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2011 (in Russian).
- Slugina V.A., Konev A.Yu. “ ‘Granted word’ as a part of the instructions to Siberian governors: to the issue of genesis and evolution.” In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: K 90-letiyu N.N. Pokrovskogo*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS Publ., 2020: 183–193 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2012 (in Russian).
- Vershinin, E.V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)*. Ekaterinburg: Developing education Publ., 1998 (in Russian).
- Zuev, A.S., and Slugina V.A. “Annalistic Accounts on Siberian Peoples’ Shert (Fealty to the Tsar) during Ermak’s March and the Historical Realities.” *Russian History*, no. 3 (2015): 30–44 (in Russian).
- Zuev, A.S., Ignatkin, P.S., and Slugina, V.A. *Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiia narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v.* Novosibirsk: IPTS NSU Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Andrey S. Zuev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of Russian History, Director of the Institute for Humanities, Novosibirsk State University.

Слугина Виктория Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН; ассистент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Viktoriya A. Slugina, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Research Scientist of the Sector of Archeography and Source Study, Institute of History SB RAS; Assistant of the Russian History Department, Institute for Humanities, Novosibirsk State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-353-364>

Научная статья / Research article

Улусная элита якутов в коммуникативном пространстве Российского государства в XVII – середине XVIII в.

А.А. Борисов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Россия, Якутск, ул. Петровского, 1,
a_a_borisov@mail.ru

Аннотация: В статье говорится об инкорпорации элиты якутских улусов – традиционных потестарных институтов в состав Российского государства посредством его коммуникативного пространства. При этом дается новая интерпретация улусов как особой политической формы организации кочевых народов. Среди них в виду их дисперсного и подвижного образа жизни важную роль играли коммуникации. Тойоны, князцы, «лучшие люди» – таксономия представителей якутской элиты, находящая аналогии среди других кочевых народов. Рассмотрен генеалогический принцип легитимности властных полномочий и управленческая практика Русского государства в Якутии. Впервые дискутируется вопрос о каналах и формах политической коммуникации, через которые осуществлялось воздействие русской государственности на улусную систему в целом и на улусную элиту в частности. Представлена деятельность воеводского управления в отношении тойонов по приведению их в российское подданство как канал формирования коммуникативного пространства имперской окраины. Депутации якутских князцов к русским царям XVII – середины XVIII в., присвоение дворянства якутам расширили это пространство за счет усиления доверия к правящему режиму. Рассматриваются локальные особенности данного процесса, повлиявшие на темпы и характер инкорпорации. Реконструированы особенности коммуникативных практик встраивания якутской улусной элиты в уездную систему управления Якутии. Основным результатом исследования является тезис о типологическом совпадении представлений о подданстве, принятых в Русском государстве и якутской улусной элиты. Последняя, по-видимому, в этом не отличалась от родственных тюрко-монгольских элит Южной и Западной Сибири, но отличалась, в свою очередь, по темпам перехода под царскую власть, т. к. у первых имелась и другая альтернатива в лице сильных в политическом отношении соседей, например, Джунгарии.

Ключевые слова: многонациональная империя, представление о власти и подданстве, тайшам, богол, шертование

Для цитирования: Борисов А.А. Улусная элита якутов в коммуникативном пространстве Российского государства в XVII – середине XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 353–364. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-353-364>

The ulus elite of the Yakuts in the communicative space of the Russian state from the 17th to 19th centuries

Andrian A. Borisov

Institute of Humanities and Indigenous Peoples, North Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
1, Petrovskogo Str., Yakutsk, 677027, Russia,
a_a_borisov@mail.ru

Abstract: The article discusses the incorporation of the elite of the Yakut *uluses* – traditional potestary institutions – into the Russian state through its communicative space. At the same time, a new interpretation of *uluses* is given as a special political form of organization of nomadic peoples. In view

© Борисов А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of their dispersed and mobile lifestyle, communication played an important role among them. With titles such as *toyons*, *kniastysy*, and "best people", the taxonomy of the representatives of the Yakut elite finds analogies among other nomadic peoples. The article discusses the genealogical principle of the legitimacy of power and the governance practice of the Russian state in Yakutia. This article breaks new ground by analyzing the routes and forms of political communication through which the influence of the Russian state on the *ulus* system in general and on the *ulus* elite in particular was carried out. The activities of the provincial administration in relation to *toyons* to make them Russian subjects are interpreted as a route for the formation of the communication space in the imperial outskirts. The delegations of the Yakut nobles to the Russian tsars of the 17th and 18th centuries, and the inclusion of Yakut elite representatives into the Russian nobility, expanded this space by increasing the Yakuts' confidence in the ruling regime. The article also takes account of local features of this process, which influenced the rate and nature of incorporation. The paper characterizes the communicative practices of embedding the Yakut *ulus* elite into the district governance system of Yakutia. The author argues that typologically, the ideas of citizenship adopted in the Russian state and in the Yakut *ulus* elite coincided. The Yakut nobles, apparently, did not differ in this from the related Turkic-Mongol elites of Southern and Western Siberia, but differed, in turn, in the pace of transition to tsarist power, since the former had an alternative in the face of politically strong neighbors, for example, Dzungaria.

Keywords: Russian state, Yakut elite, citizenship, incorporation, management

For citation: Borisov, Andrian A. "The *ulus* elite of the Yakuts in the communicative space of the Russian state from the 17th to 19th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 353–364. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-353-364>

Введение

Коммуникативное пространство – это социальная среда, в рамках которой происходит общение между людьми и через призму данной коммуникации формируются определенные представления об окружающем мире. Безусловно, для успешного исследования в данной области знания необходима опора на разработанные теории коммуникации, коих существует большое многообразие¹. Для нашей проблематики, связанной с историей управления Русского государства, важны теоретические наработки, имеющие отношение к «закону двусторонности коммуникации»². В частности, нас интересуют «субъектно-объектные» типы общения, когда выступающая в качестве субъекта коммуникации сторона преследует определенные цели в отношении стороны, являющейся объектом. При этом важно придерживаться диалогического подхода к изучению коммуникации³. Кроме того, в контексте нашего исследования заслуживают внимание интерпретация коммуникаций в трактовке Ю. Лотмана как перевода с языка одного агента «Я» на язык другого агента рассматриваемого процесса «ОН». Поскольку речь идет об управлении присоединенной территории с коренным населением, то нам предстоит основываться на исследовании модели коммуникации «Я – ОН»⁴.

Очевидно, что когда речь идет о коммуникативном пространстве государства в первую очередь следует говорить о пространстве политической власти, до каких пределов оно распространяется. В нашем случае речь пойдет о Русском государстве XVII – середины XVIII в., сумевшего за короткое время – чуть более полувека (с 1583 г. до 1638 г.) раздвинуть свои границы от Урала до Тихого океана и распространить свои традиции культурного и политического общения. Очевидно, что этому способствовали особенности управления присоединяемыми территориями: практики косвенного контроля и делегирования полномочий на места, в том числе этническим элитам, т. е. сво-

¹ Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб., 2011.

² Соколов А.В. Социальные коммуникации. СПб., 2013.

³ Линде А.Н. Проблема отношения гуманистического и технологического направлений в теории социально-политической коммуникации // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 94.

⁴ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

его рода «автономии аборигенного общества», как это признано в современной отечественной и зарубежной историографии⁵. Другой составляющей объекта нашего исследования являются непосредственные участники векового диалога.

Кто являлся агентом коммуникации? В своей работе мы будем писать о первом агенте («Я») – Русском государстве в лице высшей власти – царя и его ближнего окружения и его представителях на местах (воеводах и приказных людях), ведь именно он выступил инициатором образования изучаемого пространства. Второй агент («ОН») – элита якутского общества, улусные предводители, *тойоны* якутски, которых русские служилые люди называли «князцами», «лутчими людьми». Хотя их в историографии по аналогии с представителями русской знати (с боярами и дворянами) и называли «феодализовавшейся» верхушкой якутского общества, вступившей в союз с царизмом⁶, но в интересах нашего исследования они важны, прежде всего, как носители потестарности якутов. Именно первые контакты Русского государства с ними, достигнутое соглашение о подданстве и дальнейшее развитие обоюдных отношений привело к сравнительно быстрому присоединению к растущей державе обширных пространств, занятых якутами.

Как осуществлялись акты коммуникации между ними, и прежде всего, в самый ранний период, когда Якутия стала частью пространства Русского государства? Необходимо обратить внимание на установившиеся формы взаимоотношений и каналы общения между названными агентами. Как эти коммуникации развивались, и какое влияние они оказывали на историю этого государства?

В данной работе предстоит решить названный круг вопросов с целью понять какое место заняла якутская элита в коммуникативном пространстве Русского государства.

Как мы видим, в историографии писали о тесном контакте царского правительства и его представителей с элитой якутского общества, как правило, даже называли дату «окончательного перехода якутского тойонства на службу завоевателям» – 1642 г., год «подавления» последнего крупного восстания якутов⁷. Разбирались причины этого быстрого перехода, а также «пассивности», «мирной», «лояльной» настроенности якутов по сравнению с другими более воинственными народами – тунгусами и юкагирами. В качестве одной причины миролюбивости якутов назывался упомянутый выше переход, а в качестве другой – «междоусобица и межплеменная рознь» (С.А. Токарев). Наверное, трудно полностью согласиться с последним утверждением С.А. Токарева, ведь те же тунгусы враждовали между собой не меньше. Объяснить причины быстрого «замирения» исключительно отсутствием единства среди якутов и тем более «предательством» якутской элиты – значит упростить проблему. В последующей историографии, уделявшей основное внимание «вхождению» Якутии в состав Русского государства, также подчеркивалась роль коллаборационизма якутских *тойонов*⁸. При этом коммуникативные формы и практики не вызывали у исследователей должного внимания. Перспективным

⁵ *Каттелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004; *Зуев А.С.* Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск 2010. Т. 1. С. 9–11 и др.

⁶ *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 147–148, 151.

⁷ *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 62; *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск, 1945. С. 287–292; *Ионова О.В.* Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 97–109.

⁸ *Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения якутов. XVII век. Якутск, 1966; *Иванов В.Н.* Якутия в составе Русского государства (XVII век). Якутск, 2002.

выглядит обращение к анализу побудительных причин поведения агентов коммуникации, которые были связаны с традициями политической культуры, в частности, определенными установками и представлениями о механизме осуществления власти. Как нам представляется, лидеры, казалось бы, разрозненных улусных групп якутов, тем не менее, обладали схожими воззрениями на характер властных отношений, и в соответствии с ними они и действовали.

В современной историографии большим событиями стали монографии В.В. Трепавлова, разработавшего мифологему Белого царя в политической истории народов Евразии, в частности, тех, что вошли в орбиту Русского государства. Определенный вклад в разработку темы внесли Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, исследовавшие механизмы управления в Империи Чингис-хана, в частности, вертикаль власти «старший – младший»⁹. Новая трактовка процесса инкорпорации народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. выдвинута в коллективной монографии А.С. Зуева, П.С. Игнаткина, В.А. Слугиной, в которой заметное место занимает изучение различных сторон коммуникативной культуры народов, участвовавших в этом процессе¹⁰. В истории инкорпорации якутов есть некоторые особенности, которые хорошо видны на фоне коммуникативного пространства Русского государства XVII – середины XVIII в.

Агенты изучаемого коммуникативного пространства

Россия первой трети XVII в. представляла собой аграрную страну с огромным преобладанием сельского населения (крестьянство, казачество). Устная (вербальная) традиция коммуникации являлась основной формой общения. Представители боярства, дворянства, дети боярские, руководившие партиями землепроходцев и занимавшие посты в воеводском управлении, также далеко не всегда были грамотны, находясь в сфере устной культурной коммуникации. Хотя в изучаемый период государство не проводило целенаправленной «национальной» политики, но его действия на присоединяемых территориях отличали этатизм, традиционное сотрудничество «русских элитных страт» с «иноэтничными» коллегами, стремление создать доверие у народов, населяющих эти земли¹¹.

В составе землепроходцев было немало представителей не русских народов: татары, башкиры, «остяки», многие из которых сохраняли свой язык и культуру. Это также наложило отпечаток на характер присоединения Сибири и Якутии.

Успехи последней четверти XVI – начала XVII в., связанные с разгромом Сибирского ханства, позволили русским, пройдя земли Западной Сибири, населенные угро-самодийскими и тюркскими народами, проникнуть вначале к тунгусам современного Красноярского края, а затем, – вступить в контакт с тюркоязычными якутами. Причем для отрядов таких землепроходцев, как атаман Иван Галкин, по видимому, прошло незаметным преодоление рубежа, разделявшего тюрков бассейна Енисея и якутов, так же говоривших на родственном для последних языке. Чувство ожесточения от неудачных столкновений с тубинцами в 1630 г.¹², очевидно, не покинуло его и тогда, когда он, на следующий год, перейдя из бассейна Енисея в верховья

⁹ Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

¹⁰ Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017.

¹¹ Трепавлов В.В. «Белый царь»... С. 199–200, 203–204.

¹² Самрина Е.В. Хакасско-Минусинский край в XVII–XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов). Махачкала, 2015. С. 68.

Лены и спустившись по ней, встретил кангаласских якутов во главе с Тыниной¹³. Несколько поколений историков – от Г.Ф. Миллера до современных исследователей – единодушны во мнении о вполне мирных настроениях этого самого влиятельного представителя якутской элиты во время первого контакта именно с казаками И. Галкина¹⁴. Сложно сказать, от чего проистекала подобная миролюбивость грозного якутского тойона. Предположим, что он был осведомлен о могуществе Русского государства, сопоставимого по силе с самыми мощными улусными объединениями кочевников Евразии, и решил прибегнуть к добровольному признанию своеобразного «васалитета», принятого в кочевом мире. Тем более, что пришельцы вжимали ясак в знак перехода в подданство и брали аманатов – известные кочевникам формы политического подчинения. Несмотря на то, что среди якутов ведущую роль играли несколько крупных улусов, но авторитет хангаласских улусных предводителей был бесспорен¹⁵. Однако достигнутый консенсус продолжался недолго и очень скоро из-за «воровства» атамана (в чем состояло оно, не уточняется) договоренность была разрушена. Произошли первые столкновения между русскими казаками и якутскими князьями. Мы знаем, что процесс присоединения Южной Сибири растянулся на несколько столетий по причине противоборства с монгольскими позднесредневековыми ханствами (джунгарами и халха-монголами и стоявшей за ними Империей Цин), так же претендовавшими на ясак с этих территорий.

Политическая ситуация в Якутии, по-видимому, была неизвестна русским служилым людям, упомянутого Тынину даже титуловали «лучшим тайшей». Интерес представляет факт «шертования» более чем 30 якутскими князьями из 16 «волостей» сотнику Петру Бекетову на имя русского царя¹⁶. Не иначе чем массовым подобную процедуру не назовешь, ведь среди этих «волостей» перечислены пять из шести самых крупных на тот момент улусных объединений якутов, в том числе Кангаласский улус, представленный сыновьями Тынины. Конечно, будут два мощных восстания против произвола и насилий служилых людей в середине 1630-х гг., будет «измена», т.е. отложение всей Якутской земли во второй половине 1630-х гг., но тем и удивительнее быстрое замирение ее в 1642 г.¹⁷ Как нам представляется, здесь большую роль сыграли традиции улусной элиты якутов, вошедшей в коммуникативное пространство Русского государства и найдя в ней отклик, созвучный пониманию отношений власти и подданства, общему на обширном протяжении евразийских степей и лесостепи. Тем более, что Русским государством «были восприняты многие элементы политики Золотой Орды в отношении покоренных народов»¹⁸. Прежде всего, речь идет о представлениях о власти и подданстве.

¹³ Токарев С.А. Общественный строй якутов... С. 277; Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства... С. 45–49.

¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 3. С. 58, 69–70; Архив якутского научного центра сибирского отделения Российской академии наук (далее – Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 70–73; Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства... С. 16.

¹⁵ Исторические предания и рассказы якутов / под ред. Г.У. Эргиса. М., 1960 Ч. 1; Ксенофонтов Г.В. Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977. По словам атамана И. Галкина «а те кангаласские князцы людны и всею землею владеют, и иные многие князцы их боятца». См.: Токарев С.А. Общественный строй якутов... С. 43, 167.

¹⁶ Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 3. С. 1092–1093.

¹⁷ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 45–63; Ионова О.В. Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 65–109.

¹⁸ Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 9.

Улус – это подвижное кочевое сообщество со своей политико-потестарной системой, присущей многим, преимущественно тюрко-монгольским народам Евразии¹⁹. Неустойчивость экономического благосостояния, зависевшего от прихотей природно-климатических условий, уязвимость кочевников от внешнего врага ввиду отсутствия естественных и искусственно возводимых укрытий требовали иных способов защиты и поддержания безопасности. Вербальные формы, подкрепленные клятвенными формулами и ритуалами, играли при этом большую роль. Нарушение достигнутых договоренностей отражалось, на, как бы сейчас сказали, репутации нарушителя, он «терял лицо», а следовательно, и политический вес. Легитимность претендента на власть также покоилась на устной традиции – на разветвленной и многопоколенной генеалогии, доказывавшей законность притязаний на власть. На таких договоренностях держались союзы кочевников. Генеалогии соответствовала политическая иерархия. На вершине этой иерархии стояли улусные предводители разнопорядкового уровня: от *каганов*, *ханов*, *тайшей* на самом высшем уровне до глав группы кровно-родственных семей. В Сибири кроме ханов сибирских татар, по-видимому, не было элит подобного высокого статуса. Лишь некоторых представителей знати бурят и якутов именовали *тайшами*. Как правило, улусные предводители тех или иных улусов возглавляли сравнительно небольшие группы численностью до 5 тыс. чел. Им всем русские, придя в Сибирь, присвоили нейтральный титул «князец». Другими словами, это были улусы *второго* порядка, образования, существовавшие в обычном повседневном режиме жизни кочевников. Большие объединения не могли нормально функционировать в условиях естественного развития экстенсивного скотоводческого хозяйства. Сибирское ханство в этом смысле было уникальным для XVI в. политическим объединением Сибири.

Политическая власть в улусах основывалась на отношениях «старший – младший», механизма социально-политической интеграции, определяемого категорией *богол*²⁰. Действительно, появление подобного механизма было вызвано расширением сферы влияния, в частности, такой крупной политии, как Монгольская империя. Причем подобная традиционная практика прослеживается, как считается, не только у монгольских, но и у тюркских народов.

Якуты не были исключением. Кроме того, известно участие монгольского компонента в этногенезе якутов²¹. В первые годы русского присутствия в Якольской земле было чуть больше 40 князцов. Большинство из них, по сути, были главами «микроулусов» – улусов *третьего* порядка. Под их началом была группа близкородственных семей, не превышавшая по численности несколько сот человек. И только чуть более десяти князцов возглавляли улусы *второго* порядка, которые относились к категории типичных в нормальном состоянии кочевнических сообществ. Они насчитывали по 2–5 тыс. чел. Таковых было шесть улусов: Батурусский, Бетунский, Борогонский, Кангаласский, Мегинский и Намский. Обратим внимание на существовавшие между ними трения, обусловленные тяготением, например, Борогонского улуса к монгольской среде. Лидер борогонцев князь Легей подобно Тыгыну также изначально искал союза с русскими, очевидно, преследуя определенные политические цели.

¹⁹ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до манчжуров). 2-е изд. СПб., 2010. С. 215–216.

²⁰ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 225–251, 343–374; Этот термин находит аналогии в якутском языке в схожем семантически значении. См.: Токарев С.А. Общественный строй якутов... С. 94.

²¹ Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. С. 58, 62–63.

Как оказалось, лидеры враждовавших между собой улусных групп сошлись в одном – в стремлении воспользоваться возможностью вступить в договорные отношения с более сильным в политическом отношении агентом вновь начавшейся межкультурной коммуникации в лице русского царя для достижения внутривнутриполитических целей.

О некоторых формах и каналах коммуникации

С первых же лет присутствия Русского государства в Якутии устанавливаются договорные отношения царя и представителей якутской элиты – тойонов. Они помимо переговоров («призывания под высокую государеву руку») включали в себя «жалованное слово», обязательство уплаты ясака и принесение присяги. Как считают современные исследователи, в этих элементах договора слились как русские, так и туземные традиции сибирских народов, в том числе и «ордынское наследство». «Крестоцеловальный», православный по сути, «шертовальный» по форме договор имел своеобразие в Якутии. А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина пишут: «...процесс подчинения номадов заметно отличался от процесса подчинения собственно сибирских народов. В последнем переговоры, хотя и имели место, но были, как правило, кратковременными (непосредственно при установлении мирных отношений и признании иноземцами своей подчиненности русским властям), а главное – они не соответствовали принятым дипломатическим процедурам. По этой причине шертование, бывшее итогом дипломатических переговоров, мы отделяем от шертования, которое не предварялось такими переговорами»²². Якуты, по-видимому, не входили в круг дипломатических партнеров Русского государства, тем не менее, приведение их в подданство царя имело определенное своеобразие. Быстро утратив статус «землицы», наименование «улусами» (атрибут автономии)²³, земли, населенные якутами, очень рано получили своего якутского воеводу, который, как известно, обладал широкими административными полномочиями, вплоть до дипломатических. На тот момент Якутский разряд был самым отдаленным и потому некоторое время с точки зрения управленческой иерархии имел престижный статус. Не случайно, сюда на воеводство стремились попасть видные царедворцы и политические деятели²⁴. Процесс шертования здесь отличался тем, что за короткий отрезок времени между 1632 и 1642 гг. он прошел дважды в таком большом масштабе: в первом случае с участием более 30 князцов из 16 волостей, а во втором – 20 князцов из 12 волостей. Причем всякий раз были охвачены практически все крупные улусные группы якутов. И, как отмечают специалисты, оба раза шертование было именованным, что довольно редкий случай²⁵. В обоих случаях шертование предварялось вооруженным выступлением якутов, что, вероятно, также повлияло на характер процедуры. Но затем наступило быстрое замирение, очень быстро с якутов перестали брать аманатов.

Были и другие каналы общения. Князцы дорожили предоставленным правом обращаться напрямую к русским царям, и на протяжении изучаемого периода неизменно пользовались им в кризисных ситуациях. Челобитная сыновей Мымака – Ники с братьями 1660 г. на имя Алексея Михайловича от имени 10 волостей, делегации якутских князцов 1677 и 1680 гг. к Федору Алексеевичу в связи расстройством ясачной системы нашли преемственность в следующем столетии в челобитных кангаласского князца

²² Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 224–225.

²³ В 1720-х гг. улусы были восстановлены. Надеюсь, в скором времени причины подобной «ревитализации» улусной системы станут объектом нашего исследования.

²⁴ Как например, М.С. Лодыженский, патриарший стольник, якутский воевода (1651–1660), Я.П. Волконский, князь, окольничий, якутский воевода (1670–1675) и др.

²⁵ Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 219.

Мэкчирги Кахсыкова 1732 г. и хатылинского князца Кутуяха Китчиева 1751 г. о судебных полномочиях якутских тойонов, не говоря уже о знаменитой депутации кангаласского князца Софрона Сыранова в 1767–1774 гг. и других, выходящих за хронологические рамки нашего исследования, в частности, борогонского князца Алексея Аржакова 1789 г. Все эти акции свидетельствуют о достаточно регулярной традиции общения представителей якутской элиты с высшей властью страны.

Казалось бы, длительный период отсутствия подобных акций в царствование Петра I и Иоанна V на самом деле был насыщен другого рода форматом коммуникаций. Именно в это время представители якутской знати стали получать российское дворянство на основании именных царских указов. Так, вышеупомянутый А. Аржаков утверждал, что в то время якуты «на одобрение и утверждение их верноподданства многие отличаемы были почестию дворянства по московскому списку с жалованьем, на что и поныне сохраняются у некоторых грамоты»²⁶. Он был обеспокоен тем, что подобные пожалования в отношении якутов после петровских времен прекратились. Как показывают выявленные документы, первые пожалованные получали чин детей боярских²⁷. Другими словами, коммуникативное пространство, в котором осуществлялось изучаемое общение, дополнилось еще одним каналом – предоставлением дворянства. Хотя, большинство известных случаев пожалования отмечены в петровское время, но первый подобный факт относится к 1677 г. и, очевидно, связан с первой депутацией якутских князцов. 27 февраля согласно изданному царскому указу «якуцкому иноземцу, Леонтию Львову, его великого государя службу служить в Якуцком, в детях боярских для того, што он, будучи в Москве (курсив наш. – А.Б.), видя его великого государя пресветлые очи, пожелал православные христианские веры и крестился, оклад ему учинен на... денег семь рублей, ... давать ему государева жалованья из того окладу по шести рублей, ... а седьмого рубля не давать и зачитать тот рубль за ясачную красную лисицу, что он плачивал в ясак»²⁸. Г.П. Башарин отметил, что улусная (волостная) принадлежность новоиспеченного сына боярского не была указана. Как показывают косвенные свидетельства, этот якут по имени Кисикей Сахалтин, не был тойоном, как это безоговорочно было признано в историографии. По нашим данным, его отец Сахалту Сатыев проживал в Подгородной волости, т.е. недалеко от Якутска и платил ясак в одну красную лисицу²⁹, о которой упоминается в вышеупомянутом документе. Очевидно, проживая возле города Якутска, Кисикей усвоил русскую речь. Пребывание его в Москве в феврале 1677 г. означает, что он участвовал в поездке тех трех якутских князцов, скорее всего в качестве переводчика. «В нынешнем, великий государь, во 184-м году (т.е. в 1676 г. – А.Б.) по-твоему, великого государя, указу едем мы, холопи твои к тебе великому государю к Москве бити челом тебе, великому государю, о своих нуждах. А холопей наших идет с нами шесть человек...», – писали князцы в своей челобитной³⁰. Как известно, к началу 1677 г. делегация прибыла в Москву, встречалась с царем, а 9 февраля 1677 г. вышел указ по их «челобитью» о порядке судопроизводства в якутских улусах. Очевидно, что «быть в Москве» в феврале того же года Кисикей мог только в составе участников той по-

²⁶ Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (далее – АВИВР РАН). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²⁷ Иванов В.Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск, 1991. С.40.

²⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 607. Оп. 2. Д. 31. Л. 1; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. М., 2003. Т. 1. С. 198.

²⁹ Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 2. С. 567.

³⁰ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 116. Л. 111, 113.

ездки. Думается, что пожалование в дети боярские стало возможно благодаря какому-то его заслугам, а не только ради согласия перейти в православие. Скорее всего, Кисикей был переводчиком и понравился молодому царю Федору Алексеевичу, при котором начинали цениться больше личные способности на царской службе, а не заслуги предков.

Особенности коммуникативных практик

Названные пожалования дворянскими званиями, как положено в официальном делопроизводстве тех лет, осуществлялись на основании подачи соответствующих челобитных. Почти с первых лет присутствия царской власти в Якутии местное население и в первую очередь представители якутской элиты освоили подобную форму коммуникации с властями. При этом прошения подавались не только с целью урегулировать ясачное обложение, но и для решения частных дел самого разнообразного характера: иски о кражах личного имущества, о побоях и увечьях в результате ссор, о земельных спорах, о калыме и приданом и пр.³¹ Дела заводились как на своих земляков – якутов, так и на представителей других народов – тунгусов, юкагиров и на самих русских – носителей официальной власти. Надо сказать, что власти не были безучастны к таким просьбам и классовые пристрастия не так были явны, как это пытались представить в советской историографии. Все-таки осуществлялось регулярное судебное делопроизводство. Конечно же, бывали и произвол, и злоупотребления, но коммуникация осуществлялась двусторонняя. Инициативы (поданные иски) местного населения находили отклики и удовлетворение со стороны представителей официальных властей (воевод и служилых людей).

Важно отметить, что истцы понимали целесообразность своих действий, имела место и осведомленность уже в ранний период о законопорядке, действовавшем в Русском государстве. Это ярко выразилось в отстаивании якутской элитой своих властных прав и полномочий не только в вышеназванных акциях якутских депутатов, но также в коллективных челобитных середины XVII в.³² «А как мы, сироты твои, учили с себя тебе, великому государю, ясак платить и тому, государь, больши двадцати годов и в тех прошлых годех иные наши братья были скотны и богаты, а топере стали бедны и безскотны от тяжелых ясачных платежей, а иные, государь, из молодчие статьи наша братья стали скотны и богаты, а об твоём, государеве, ясаке до твоего, государева, указу поверстки нам, сиротам твоим, об наших ясачных окладах не бывало...», – писали они в одном документе в 1659 г.³³ Здесь звучит ревность к якутам «молодчей статьи», т.е. к тем кто обогатился по сравнению с ними, представителями старшей по знатности группе якутской знати. Авторы этих обращений обеспокоены угрозой нарушения иерархии, сложившейся по традиции, в ее среде. Поэтому наиболее знатные из них, например, такие как намский князец Нокто Никин, внук Мымака для укрепления своего статуса направляли в адрес русских царей челобитные о своей службе и службе своих предков. В некоторых трудах в советской историографии они названы «откровенными исповедями», но подобные документы стоят в ряду челобитных русских служилых людей и дворян с послужным списком тех лет, имевших целью продвинуться по служебной карьерной лестнице. Это наглядно видно в челобитной намского князца Тюсюка Мымакова, относящейся к 1680-м гг., где перечислены многочисленные заслуги перед поколениями

³¹ Токарев С.А. Общественный строй якутов...; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 151–153.

³² Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 912–933, 953–966.

³³ Там же. С. 916.

русских царей и содержится просьба все это письменно зафиксировать³⁴. О возросшей осведомленности якутской элиты с ясачным обложением в государстве говорят и другие документы. Так, в 1668 г. они жаловались, что в других сибирских городах ясак за умерших сородичей не брали, и просили применить к ним такие же правила ясачного сбора³⁵.

Как мы уже писали выше, среди землепроходцев, пришедших в Якутию, были представители нерусских народов, ранее присоединенных Русским государством, в частности, финноязычные коми-зыряне (вспомним, знаменитого землепроходца Дмитрия Зыряна), остяки-ханты, тюркоязычные татары. Со второй половины XVI в. в составе русских войск служили татары, выходцы из Касимовского ханства³⁶. Елисей Турунтаев, Еналей Бехтеяров и другие казаки Якутского гарнизона, вероятно, относились к подобным категориям служилых людей. Многие из них, очевидно, сохраняли родной язык, близкий к также тюркскому по происхождению якутскому языку. В текстах документов XVII в. нередко встречается татарская лексика: *орда*, *башлык*, *кыштым* и т.д. Известно также, что сам термин «ясак», заимствованный в русском языке из монгольского языка, в деловой практике мог заменяться на аналогичный по смыслу тюркский термин *салык* (дань), который, в свою очередь, созвучен с якутским *солук* в том же значении. Названный фактор мог также играть важную роль в налаживании контактов представителей Русского государства с аборигенным населением Якутии. Данный фактор расширял и углублял коммуникативное пространство Русского государства на вновь обретенных территориях.

Огромный информационный заряд содержится в событиях, разыгравшихся в 1642 г. в Якутии в связи с прибытием первых якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова. Детали этих событий освещены в трудах советских историков³⁷. Оставив в стороне идеологическую риторику исследователей, надо признать полноту разработки этих материалов, из содержания которых следует, что это «восстание» во многом было спровоцировано множившимися слухами, в том числе откровенно провокационного характера³⁸. «Также де писали татар да калмаков и переписав де их побили и вам де так же де быть побитым...»³⁹, – говорил служилый человек Кузка Туркин якутам.

Несмотря на это, вооруженное выступление якутов в этот раз ограничилось нападениями на воеводских переписчиков, постройкой укреплений бетунскими князьями к северу, а кангаласскими князьями к югу от Якутского острога с целью блокирования русского гарнизона, сбором в опасной близости от крепости нескольких сот вооруженных якутов и рядом небольших стычек со служилыми людьми в феврале 1642 г. Ситуация стремительно переменялась к концу месяца, собранные войска отступили по своим улусам, а уже в первых числах марта практически все князья, участвовавшие в этих событиях, явились в острог на суд воеводы. В чем причина подобного быстрого и неожиданного исхода? Да, конечно, среди якутских улусов не было единства, по меньшей мере, два из шести самых крупных улусов Намский и Борогонский во главе со своими князьями изначально воздерживались от конфронтации. Как нам представляется, на основании данных исторического

³⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2259. Л. 11–12 об.

³⁵ Там же. Д. 1670. Л. 3.

³⁶ Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла... С. 82.

³⁷ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. С. 51–59; Ионова О.В. Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 79–107.

³⁸ О чем мы имели уже возможность написать в своей работе: История долины Энциэли в русских документах XVII века. Сб. документов. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Борисов. Иркутск, 2019. С. 107–116.

³⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 276. Л. 3–4.

фольклора якутов в сопоставлении их с фактами из первых русско-якутских контактов по русским письменным источникам XVII в. соперничество между кангаласскими князьями, потомками Элляя, «татарского» по происхождению «царевича», с одной стороны, и борогонскими князьями, происходившими от легендарного элляева тестя Омогоя, связанного с «бурятским» родословием⁴⁰ достигло накануне прихода русских высокого накала. Легей (Логуй), борогонский глава, очевидно, теснимый кангаласским *дарханом* Тыгыном (Тыниной), был вынужден прибегнуть к союзу с русским царем, воспользовавшись традиционными тюрко-монгольскими представлениями о подданстве. Обиженный «младшим» во всех отношениях Тыгыном (потомком зятя Логуева предка, младшим сыном Мунньяна) Легей поспешил опереться на нового союзника в лице Русского государства, признав в нем «старшего» в политической иерархии евразийских степных народов.

Обратим внимание, что переговоры с воеводскими властями даже со стороны тех князцов, которые участвовали в нападениях, не прекращались: направлялись парламентары, нарочные, предлагалась головщина. Другими словами, поддерживался диалог, просматривается желание договориться с воеводскими властями. Как нам представляется, такая линия поведения была продиктована пониманием ответственности в условиях установившейся системы доверительных отношений, подкрепленных легальными формами (шертованием, например).

Выводы

Итак, в своей статье мы поставили проблему вхождения и встраивания якутской элиты в коммуникативное пространство Русского государства в XVII – середине XVIII в. Данный процесс осуществлялся через установление отношений между царским правительством и представителями якутской элиты – улусными тойонами. Исходя из традиционных представлений правящих кругов Русского государства о подданстве, основанном на старшинстве и патернализме, позволившем ему за короткий срок включить в свой состав огромные территории Сибири, выстраивались отношения с улусной элитой якутов. Притязания царя на старшинство нашли понимание у якутских тойонов, типичных представителей элиты евразийских кочевников, у которых были схожие понятия, выражавшиеся в иерархии «старший – младший», номинального подчинения со взаимными обязательствами типа *богол*. Отсюда сохранявшаяся на протяжении длительного времени лояльность улусной элиты якутов и дальнейшее успешное встраивание ее в систему управления Российского государства. Таким образом, междуусобные распри лишь отчасти могут быть названы причиной сравнительно быстро «замирения Якутской земли». В отличие от кочевых народов Западной и Южной Сибири у якутов не было альтернативных вариантов, так как якутская элита не знала до XVII в. каких-либо форм верховной власти, но, судя по всему, сохраняла представления о ней.

Среди коммуникативных форм и каналов, по которым осуществлялось общение между рассмотренными агентами коммуникации Русским государством и якутской элитой, отмечены «жалованное слово» царя, шертования, челобитные. Причем на челобитные, подававшиеся не только от имени представителей якутской элиты, но и от всех якутов, власти старались реагировать достаточно оперативно.

⁴⁰ *Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск, 1938; Исторические предания и рассказы якутов / под ред. Г.У. Эргиса. М., 1960. Ч. 1.

Особенностью коммуникативных практик рассмотренного периода является готовность со стороны обоих рассматриваемых агентов коммуникации вступать в переговоры, т.е. уже в то время стали складываться предпосылки для субъектно-объектных типов взаимоотношений между ними.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.02.2021

References

- Basharin, G.P. *Istoriia agrarnykh otnoshenii v Yakutii*. Vol. 2. Moscow: Art-Fleks Publ., 2003 (in Russian).
- Bolo, S.I. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu (po predaniyam yakutov byvshego Yakut'skogo okruga)*. Yakutsk: Yakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1938 (in Russian).
- Borisov, A.A., ed. *Istoriia doliny Enzieli v russkikh dokumentakh XVII veka*. Sb. dokumentov. Issue 1. Irkutsk: Ottisk Publ., 2019 (in Russian).
- Gavra, D.P. *Osnovy teorii kommunikatsii*. St. Peterburg: Piter Publ., 2011 (in Russian).
- Gogolev, A.I. *Yakuty (problem etnogeneza i formirovaniya kultury)*. Yakutsk: YGU Publ, 1993 (in Russian).
- Ionova, O.V. *Iz istorii yakut'skogo naroda*. Yakutsk: Gos. izd-vo YaASSR Publ., 1945 (in Russian).
- Ivanov, V.F. *Russkie pis'mennye istochniki po istorii Yakutii XVIII – nachala XIX v.* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1991 (in Russian).
- Ivanov, V.N. *Sostial'no-ekonomicheskie otnosheniia yakutov. XVII vek*. Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 1966 (in Russian).
- Kappeler, A. *Rossiya – mnogonastional'naia imperiia. Vozniknovenie, istoriia, raspad*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000 (in Russian).
- Kradin, N.N., and Skrynnikova, T.D. *Imperiia Chingis-khana*. Moscow: Vost. lit. Publ., 2006 (in Russian).
- Ksenofontov, G.V. *Elleyada. Materialy po mifologii i legendarnoi istorii yakutov*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Kychanov, E.I. *Istoriia prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do manchzhurov)*. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo Publ., 2010 (in Russian).
- Linde, A.N. “Problem of ratio between humanistic and technological directions in theory of social-political communications.” *Communications. Media. Design* 2, no. 2 (2017): 87–92.
- Lotman, Yu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2000 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriia Sibiri*. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999 (in Russian).
- Samrina, E.V. *Khakassko-Minusinskii krai v XVII–XVIII vv. (Transformatsiia traditsionnoi zhiznedeiatel'nosti khakasov)*. Makhachkala: KhakNIYLI Publ., 2015 (in Russian).
- Sokolov, A.V. *Sotsial'nye kommunikatsii*. St. Peterburg: Professia Publ., 2013 (in Russian).
- Tokarev, S.A. *Obshhestvennyy stroy yakutov XVII–XVIII vv.* Yakutsk: Yakut. gos. izd-vo Publ., 1945 (in Russian).
- Tokarev, S.A. *Ocherk istorii yakut'skogo naroda*. Moscow: Gos. sost.-ekon. izd-vo Publ., 1940 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *'Belyy car': obraz monarkha i predstavleniia o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2007 (in Russian).
- Zuev, A.S. “Aborigennaia (inorodcheskaia) politika Rossii v Sibiri.” *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri*. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri Publ., 2010: 9–14 (in Russian).
- Zuev, A.S., Ignatkin, P.S., and Slugina, V.A. *Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiia narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v.* Novosibirsk: IPC NGU Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борисов Андриан Афанасьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

Andrian A. Borisov, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Senior Research Scientist of the Institute of Humanities and Indigenous Peoples, North Siberian Branch Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-365-377>

Научная статья / Research article

Миссия И.Д. Хохлова в Бухару в 1620–1623 гг. и коммуникационные сети русской дипломатии в Центральной Азии

М.В. Моисеев^{a,b}

^aНовосибирский государственный университет,
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

^bМузейное объединение «Музей Москвы»,
119021, Россия, Москва, Zubovskiy бульвар, 2,
maksi-moiseev@yandex.ru

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена обстоятельствам миссии И.Д. Хохлова в Бухарское ханство. Проведен анализ контактов русского посланника в центральноазиатских государствах, рассмотрено участие членов миссии как в официальных, так и неофициальных связях. Особое внимание уделено выявлению сведений о лицах, вступавших в контакт с русскими дипломатами. Основным источником исследования являются статейные списки миссии, а также другие дипломатические документы. Особенностью деятельности Ивана Хохлова по выстраиванию информационной сети стало то, что он намеренно ограничивал свои контакты с официальными представителями. Одновременно с этим он активно создавал сеть горизонтальных контактов, которые обеспечивали его всесторонними и подробными сведениями. Главными агентами в деле создания коммуникационной среды, кроме посла, являлись переводчик и толмач дипломатической миссии. Посол фиксировал круг лиц близких к правящим ханам и давал им краткую характеристику. Сделано это было не в последнюю очередь с прицелом на будущее. Этими же соображениями объясняется его последовательное соблюдение в переговорах с бухарскими и хивинскими властями русских церемониальных норм.

Ключевые слова: Бухарское ханство, Хивинское ханство, коммуникационные сети, русско-узбекские отношения

Для цитирования: Моисеев М.В. Миссия И.Д. Хохлова в Бухару в 1620–1623 гг. и коммуникационные сети русской дипломатии в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 365–377. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-365-377>

I.D. Khokhlov's mission to Bukhara in 1620–1623 and the communication networks of Russian diplomacy in Central Asia

Maksim V. Moiseev^{a,b}

^aNovosibirsk State University,

2, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russia

^bMuseum Association “Museum of Moscow,”
2, Zubovsky Boulevard, Moscow, 119021, Russia,
maksi-moiseev@yandex.ru

Abstract: This article examines Ivan Danilovich Khokhlov’s mission to the Khanate of Bukhara in the early 17th century to gain a better understanding of the Russian envoy’s links with the Central Asian states. Working with the embassy’s report and related sources, the author looks at both the official

© Моисеев М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and unofficial contacts of the mission's members and pays particular attention to identifying with whom they dealt. Unusually, the diplomat limited himself to official contacts in building his information network. Together with his interpreter, Khokhlov worked hard to set up a network of horizontal contacts to provide him with comprehensive and detailed intelligence. Endeavoring to improve relations, he described the ruling khans and those close to him, all the while making sure that he strictly adhered to Russian diplomatic protocol.

Keywords: khanate of Bukhara, the khanate of Khiva, the Russian-Uzbek relations

For citation: Moiseev, Maxim V. "I.D. Khokhlov's mission to Bukhara (1620-1623) and the communication networks of Russian diplomacy in Central Asia." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 365–377. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-365-377>

Введение

История взаимоотношений России с ханствами Средней Азии начала активно изучаться лишь со второй половины XIX в. во многом под влиянием проводимой ею экспансионистской политики в регионе. Однако надо признать, что отношения Московского государства с Хивинским и Бухарским ханствами освещались крайне недостаточно. Например, так и не получила специального рассмотрения деятельность большинства русских посольских миссий, в том числе и миссии И.Д. Хохлова. В специальной работе историк Н.И. Веселовский уделил внимание биографическим данным посла, но так и не обратился к самой его деятельности в Бухаре и Хиве¹. Наше исследование опиралось на информацию, полученную в результате анализа статейного списка И.Д. Хохлова, его челобитной и расходной росписи, а также памятников хивинской и бухарской исторической мысли. Работа подготовлена на основе дискурса «новой истории дипломатии», в рамках которой особое внимание уделяется созданным послом в стране пребывания коммуникационным сетям².

На пути в Бухару

Иван Данилович Хохлов прибыл в Среднюю Азию уже достаточно опытным человеком. Еще в 1600 г. он был приставом иранского посла Перкулы-бека, служил стрелецким головой в Казани, в 1605 г. начал служить на Тереке, затем был выслан в Астрахань «за приставы» сторонниками самозванца. Позднее атаман Иван Заруцкий и Марина Мнишек отправили И. Д. Хохлова с дипломатической миссией в Иран к шаху Аббасу. Из этой миссии он вернулся вместе с царским посланником к шаху Аббасу М. Н. Тихановым в 1615 г. В июне того же года Иван Хохлов, обвиненный в связях с Заруцким, оказался в Москве в заключении. Впрочем, уже в июле этого же года он был помилован. В 1620 г. его отправили с дипломатической миссией в Бухарское ханство³. В Астрахань И.Д. Хохлов с посольством прибыл накануне Семенова дня 1620 г.⁴, учитывая, что Семенов день – это день памяти Симеона Столпника, считавшимся днем «Новолетия» – 1 сентября, следовательно произошло это не позднее 31 августа. Сам Иван Хохлов в своей челобитной, поданной 21 декабря 1622 г., вспоминал, что приказ отправиться в миссию застал его в Каза-

¹ *Веселовский Н.И.* Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII веке) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. CCLXXIII. 1891. Январь. С. 48–72.

² *Lazzarini I.* News from Mantua: Diplomatic Networks and Political Conflict in the Age of the Italian Wars (1493–1499) // Maximilian I. (1459–1519). Wahrnehmung-Übersetzungen-Gender, Hrsg von H. Noflatscher, M.A. Chisolm, B. Schnerb, 2011. P. 111–129; *Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome. The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge, 2015. P. 105–121.

³ *Веселовский Н. И.* Иван Данилович Хохлов... С. 50–57.

⁴ 1620–1622, декабря 12. Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 389.

ни 13 июля 1620 г., а местный воевода князь Б.М. Лыков отправил послов в Астрахань уже 21 июля. Такая спешка привела к тому, что русский посланник был вынужден спешно собираться «...займучи деньги в кабаль», покупать все необходимое за двойную цену⁵. Уже в сентябре, «в осеннее время»⁶ посольство отплыло на бусе. Первоначально планировалось пристать к Кабаклычскому пристанищу, но корабль попал в шторм и их занесло к «Тюрхмени, к месту Тюпкарагани»⁷, очевидно мыс Тюб-Караган, где теперь находится г. Форт-Шевченко (Казахстан). Хохлов вспоминал, что здесь нет «бусной пристани», бусу разбило, а все запасы погибли, а личное имущество подмокло⁸. Спасшиеся члены русской и бухарской миссии вышли на берег в полночь. Место не узнали, и тогда в разведку были отправлены два ургенчских тезика и два юртовских татарина. Трое разведчиков были пленены местными, а одному юртовскому татарину удалось бежать. Беглец сообщил, что это совершили «кочевные тюрхменцы, а владеют ими их же люди Бакши да Онбеги, а некоторому де государю не послушны...», а теперь они хотят напасть на посольство и побить их, так как «что принесло их к берегу на их землю и то им дал бог, те люди и животы все их». Это сообщение побудило Ивана Хохлова, имевшего опыт военной службы, к быстрым действиям: «на берегу укрепился городком, оклался камнем и бой учинил»⁹. Осада эта продолжалась два дня и две ночи, стрельба из пищалей отрезвила туркмен, но не убедила пропустить посольский караван. Туркмены-тюбкараганцы¹⁰ обвиняли послов во лжи, дескать, идут они не в Хорезм к Араб-хану, а к иранскому шаху. Тогда Хохлов отправил к местным вождям ургенчского посла Рахим-кули, которого они подвергли тщательным расспросам, и лишь после того, как убедились в том, что он и в самом деле дипломат Араб-хана, согласились пропустить их, но только после выплаты пошлины. В стейном списке Хохлов сообщал, что от пошлин отказался, после этого они вели переговоры два дня. Переговоры в итоге увенчались успехом, и тюбкараганцы согласились продать им лошадей и верблюдов и дать сопровождающих¹¹. После этого наш герой, не доверяя местным, потребовал от сопровождавших, чтобы они «дали шерть по своей вере на том, что им нас не побить и не пограбить и дурна накакова над нами не учинить...»¹². Впрочем, присяга и святость Корана на них не действовала. Подойдя к Белым Мечетям, сопровождающие отогнали лошадей и верблюдов, а человека хивинского (ургенчского) посла секли. После чего вновь заставили послов покупать у них подводы, лошадей и верблюдов¹³. В конечном итоге Иван Хохлов нанял одного туркмена-тюбкараганца, знакомого хивинскому послу, и послал с ним тезика к Арап-хану, чтобы он прислал к ним встречу, чтобы защититься от произвола местных вождей. Тем временем осада продолжилась 20 дней. В одном из столкновений был убит тюбкараганец, и остальные тюбкараганцы тре-

⁵ Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов... С. 63.

⁶ Дата отплытия из Астрахани и прибытия ни в одном из документов не сообщается. Только в челобитной Иван Хохлов вспоминает, что плавание произошло в «осеннее время». См.: Веселовский Н.И. Иван Данилович Хохлов... С. 63.

⁷ 1620–1622, декабря 12... С. 389.

⁸ В специальной росписи расходов на выполнение службы, поданной 21 декабря 1622 г. Иван Хохлов указывал, что «помочило» у него 30 кулей сухарей, 20 полот ветчины, 100 косяков солонины. См.: Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов... С. 65.

⁹ 1620–1622, декабря 12... С. 389–390; Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов... С. 63.

¹⁰ Именно так их называет сам Иван Хохлов. См.: Веселовский Н.И. Иван Данилович Хохлов... С. 63.

¹¹ 1620–1622, декабря 12... С. 390–391.

¹² Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов... С. 64.

¹³ 1620–1622, декабря 12... С. 391; Веселовский Н.И. Иван Данилович Хохлов... С. 64.

бовали в замещение убить хивинского посла и переводчика Ивана Тыркова. В конечном итоге из-за угрозы гибели от голода и жажды Хохлов приказал выплатить местным вождям поминки и откупиться за убитого¹⁴. После этого бывшие непримиримые враги сопроводили послов до ханских улусов, и единственным инцидентом стало ограбление бухарского посла¹⁵.

Послов встретили ясаулы¹⁶ Араб-Мухаммед-хана и Абеш (Хебеш)-султана, с которыми сопровождавшие разделили добычу и повезли в Ургенч, где находился средний сын хана – Абеш. Царевич выехал навстречу послам инкогнито, проехал мимо, после чего послал к ним арбапа, «а по руски посадцкого старосту», который привез корм и пригласил Хохлова к султану, проинструктировав русского посланника, чтобы он пришел с подарками (3 соболями, 2 куньи и 2 белечьи шубы, а также сукна червчатые). Иван Хохлов сообщил, что послан он к бухарскому хану Имам-кули, а не к Абеш-султану, поэтому подарков к нему у него нет, а имущество его разграбили тюбкараганцы и подарить ему нечего. Арбап на это резонно возразил, что если он царевича не почитит, то сидеть русскому послу в тюрьме. Вечером к послам пришли люди Хебеша с требованием принести к себе кречетов, посланных к бухарскому хану, Хохлов отказал, и к нему в следующий раз пришли ясаул и казначей, которые забрали их насильно. Иван послал за кречетами толмача Семейку Гарасимова и кречатника, но молодой султан, ему в это время было 21 год¹⁷, их к себе не пустил, но после того как посмотрел кречетов и отправил их обратно. На третий день их пребывания в Ургенче Хебеш потребовал себе подарков, а если их не будет, то он угрожал посадить посла в тюрьму¹⁸. Оставшись без возможности маневра, Иван Хохлов поехал к Хебеш-султану на своей лошади. Войдя в «избу», он предстал перед царевичем, который спросил его о здоровье и положил на посланника руку. Узнав, что от русского царя к нему речи нет, он велел ему сесть и велел поставить еду. После скромной трапезы (по лепешке и по полдыни каждому человеку, а также жаренного сазана) он отпустил послов к отцу в Хиву. Получив подарки от И.Д. Хохлова, сам ему ничего не дал и отказал пропустить посольский караван в Бухару¹⁹. Впрочем, решение султана не означало, что послов сразу отпустили. Его казначей и ясаул продержали их еще день, вымогая подарки, и отпустили только после удовлетворения своих притязаний²⁰.

У городских ворот Хивы посольство встретил пристав Шах-Авул-мирза, который проводил их до подворья. Разместили послов и их свиту в городском доме и выделили им корм. На следующий день Араб-Мухаммед-хан назначил им аудиенцию, на которую они и прибыли. Церемония аудиенции повторила в общих чертах ту, что была у Хебеш-султана. Хохлов сообщил, что у него нет речей к хану, так как послан он к бухарскому хану, а грамоту от царя привез его Араб-ханов посол.

¹⁴ 1620–1622, декабря 12... С. 391–392; *Веселовский Н.И.* Иван Данилович Хохлов... С. 63, 66.

¹⁵ 1620–1622, декабря 12... С. 392.

¹⁶ О ясаулах см.: *Саидов А.* Сведения Мухаммада Юсуфа Мунши об административном устройстве Бухарского ханства в XVI – начале XVIII вв. // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки.* № 2. С. 157.

¹⁷ Абул-Гази указывал, что в 1616 г. Хебешу было 16 лет, события же происходили в 1621 г., поэтому его возраст высчитывается легко. Родословное древо тюрков хивинского хана Абуль-Гази, в переводе с предисловием Г.С. Саблукова // *Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете.* Казань, 1906. Т. XXII. Вып. 6. С. 248.

¹⁸ 1620–1622, декабря 12... С. 393.

¹⁹ Там же. С. 394. Благодаря росписи, мы знаем, что Хохлов для одаривания Хебеша был вынужден использовать свое имущество и имущество купцов. См.: *Веселовский Н.И.* Иван Данилович Хохлов... С. 66.

²⁰ 1620–1622, декабря 12... С. 394.

После этого хан возложил свои руки на русского посла и толмача и велел им сесть. После чего состоялся пир. В статейном списке И.Д. Хохлов отмечает, что это произошло в Филиппов пост, то есть в Рождественский пост, который приходился на 15 ноября – 24 декабря, следовательно можно полагать, что эти события имели место не ранее середины ноября 1621 г. В результате русским пришлось удовлетвориться дынями и лепешками, еще поднесли им по чарке вина, подаренного хану Иваном и ведро браги. После пира на подворье принесли 9 лепешек, 9 дынь, чашу ягод и ведро браги²¹.

В Хиве посольство пробыло 12 дней, а затем их удерживал пристав Шагаулмирза, требуя подарков, заметив Хохлову, «что он от царя пожалован». Продолжалось это 3 дня. В это время к нему присылал Шири-султан, требуя подарков для себя и для своего брата, будущего знаменитого правителя и историка Абу-л-Гази, иначе угрожая дипломату смертью. Попытка воздействовать на султанов через хана успехом не увенчалась, и Иван требования царевичей удовлетворил, подарив им «по юфте кож красных да по юфти шуб белых»²². Одарил он и Шах-Авул-мирзу, потребовав от того ханский ярлык, «чтоб их пошлинники пропускали без пошлин», отдав за него кожу красную и 4 гривны денег (в росписи Хохлов уточняет, что отдал за ярлык 13 алтын и 2 денги)²³. Только после этого посольство пустилось в путь. В деревне Ханке, где жил зять хана Джафар-ходжи, посольский караван в Бухару пропустили беспрепятственно. Уже у Аму-Дарьи их настигли пошлинники Шири-султана и Абул-Гази, от которых после длительных препирательств вновь пришлось откупаться. Уже после переправы через Аму-Дарью послу стало известно от ургенчского купца Турсмамет-бая, что Араб-хан послал за ними погоню с целью перебить их. Сам Турсмамет-бай узнал это от друга, который нагнал караван с целью предупредить купца и чтобы от русских и бухарцев отстал. Уже предупрежденные посол, свита и купцы шли пешими вдоль реки и не спали ночью. Четыре дня продолжались эти салки со смертью, пока погоня ввиду приближения к границе Бухарского ханства не отстала и не вернулась в Хиву. Посольский же караван прибыл в Хайрабат за 15 верст от Бухары²⁴.

Деятельность И.Д. Хохлова в Бухарском ханстве

Бухарский посол Рахим Кули отправил в Бухару своего брата, который передал «бухарскому воеводе» просьбу Ивана Хохлова прислать им на встречу корм и подводы. Но они получили отказ, так как такого обычая в Бухаре не было. Поэтому они продолжили путь на своих лошадях, уже у Бухары их вновь встретил городской арбап²⁵, который расположил посла, его свиту и купцов в караван-сараяе («гостином дворе») и назначил им корм. Имам-кули же в это время был в Самарканде в походе против ташкентского Турсун-султана. Спустя некоторое время к русским послам прислал бухарский воевода Мурза-бек с требованием прибыть к нему, передать послание для хана, начать переговоры и отдать кречетов. Хохлов, опираясь на нормы своего наказа, естественно, отказался. Однако Мурзабек несколько раз присылал своих людей к русским с этим требованием, а когда это не возымело дей-

²¹ 1620–1622, декабря 12... С. 395.

²² Там же. С. 395–396.

²³ Там же. С. 397; *Веселовский Н. И.* Иван Данилович Хохлов... С. 67.

²⁴ 1620–1622, декабря 12... С. 397.

²⁵ Арбап – в Бухаре следил за общественными работами по очистке оросительного канала Шах-руд, сбросом подпочвенных вод, так же мог заниматься сбором налогов или заполнением городских водоемов водой. См.: *Семенов А.А.* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. М.-Л., 1948. Вып. V. С. 142.

ствия, то к послу и его свите был отправлен бухарец Адам-бай ранее бывший послом в Московском государстве. Адам-бай попробовал насильно отобрать кречетов, утверждая, что кречеты были в Бухару отправлены с ним. Хохлов ему отказал, и Адам-бай подрался с толмачем посольства²⁶. После этого к русскому посольству прибыл Насыр куш-беги с той же просьбой и вновь получил отказ. Тогда Мирзабек решил прибегнуть к хитрости. Он приказал перевести посольство в другое помещение и при переезде его люди попытались отобрать птиц, началась драка, русские схватились за пищали. Бухарцы отступились. После этого Мирзабек отпустил посольство в Самарканд к Имам-кули-хану, не дав им подвод, но выдав три лошади и сопровождающего ясаула Сары-казака. Через пять дней они достигли Самарканда, где их встретил старый знакомец Адам-бай, который разместил их в караван-сараяе. На следующий день в сопровождении Адам-бая они прибыли к хану, который в то время расположился «на посацкого человека дворе»²⁷. Имам-кули восседал на скамейке, установленной на помосте в окружении 20 сановников. К Ивану Хохлову подошел дадха²⁸, которого Хохлов называет Датхе (Татхе)-есаул. Он попытался получить грамоту, прежде чем посол произнесет речь. Иван Хохлов решительно воспротивился этому и смог «исправить посольство» в рамках принятого в Московском государстве церемониала. Он выступил с речью перед ханом, но Имам-кули при царском имени не встал и о здоровье не спросил. На удивленную реплику посла о причине столь вопиющего нарушения протокола хан сказал, что к прежним бухарским ханам послов русских не бывало и он обрадовался и так заслушался, и задумался над содержанием речи, что и не встал при государевом имени и «поклоне». После речи дадха по повелению хана взял у И.Д. Хохлова грамоту. Затем продолжились переговоры и были переданы Имам-кули дары²⁹. Через пять дней русское посольство вернулось в Бухару, откуда Хохлов отправил к хану в Самарканд переводчика Ивана Тыркова и толмача Семена Герасимова, чтобы они добились разрешения хана на отбытие посольства домой. Хан вызвал их опять в Самарканд и распорядился, чтобы «бухарский воевода» Боказ-ази выдал русским подводы и корм. Когда же посольство вновь прибыло в Самарканд, то хана там не было, так как он «бегал от изменников к брату своему в город Балх»³⁰. Имам-кули вернулся в Самарканд в конце июля³¹ больным, и встреча их произошла у окошка, к которому посла подвел пристав. В окошко хан сообщил, что отпускает посольство и тех пленников, что «в его дворе», и тех, «которые отработались», а других пленников отпустит после того, как решит свои проблемы. Так же было сообщено, что в Москву он направит своего посла с грамотой.

Утром следующего дня к русскому послу и его свите пришел Адамбай и привел «царева жалованья» аргамака с седлом и уздой, чалму из белого шелка с золотом и серебром и другие подарки. Через несколько дней после этого Иван послал к

²⁶ 1620–1622, декабря 12... С. 398.

²⁷ Там же. С. 399.

²⁸ Дадха – «радеющий о правосудии», в его обязанность входило приносить хану «прошения обижаемых лиц и вручать им получаемые на них ответы». См.: Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре... С. 148; Саидов А. Сведения Мухаммада Юсуфа Мунши об административном устройстве Бухарского ханства в XVI – начале XVIII вв. ... С. 155–156; В 1610–20-х гг. известен Мансур Хаджи дадха, который был направлен послом в Индию к Джехангиру. См.: Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Ташкент, 1956. С. 91, 92.

²⁹ 1620–1622, декабря 12... С. 400–401.

³⁰ Там же. С. 401–402.

³¹ В статейном списке Иван Хохлов упоминает, что хан вернулся «на другой неделе после Ильина дни», который приходится на 20 июля. См.: 1620–1622, декабря 12... С. 402.

дяде хана Надиру диван-беги³² с просьбой дать ярлык, по которому «волные полоненики» могли бы без опасений идти на Русь³³. Надир приказал послу прибыть к себе с подарками, но Хохлов пошел на хитрость и отправил от себя с дарами переводчика Ивана Тыркова и толмача Семена Герасимова. Получив дары, сановник вновь позвал к себе дипломата, объясняя ему это тем, что у него к «Ивану слово». Теперь уж посол прибыл к влиятельному вельможе, и тот повел с ним разговор о ногах. Его интересовало, подданны ли эти кочевники русскому царю, и получил ответ, что они «издавна служат великим государем», но «в смутное и безгосударное время» из-под власти вышли, но теперь вновь вернулись под царскую руку. Такой ответ вызвал недоверчивый вопрос, отчего же ногаи на государевы города нападают. Хохлов сообщил, что было это в «смутное и в безгосударное время», тогда ногаи приходили на украины и «деревни воевали и людей деревенских в полон имали», Надир диван-беги согласился с русским представителем, подчеркнув, что это ему известно из расспросов полоняников. Затем он передал слов хана, которые объясняли принципы освобождения пленников, и Иван обещал все это сообщить царю Михаилу Федоровичу. После этого было объявлено о выдаче пленникам средств на дорогу и о том, что ярлык уже отдан приставу посольства – Назарушагаулу³⁴. 6 августа 1621 г. русское посольство вернулось из Самарканда в Бухару, где Боказ-ази отпустил 9 пленников.

Заложники. Деятельность И.Д. Хохлова в Хивинском ханстве

13 сентября 1621 г. русское посольство и освобожденные и выкупленные пленники покинули Бухару. По дороге они узнали о смуте в Хорезме, и тогда Иван Хохлов решил просить проезжую грамоту у Имам-кули для того, чтобы поехать в Россию через Иран. Но пока они ждали это разрешение, к русским прибыли представители хивинских султанов Абеша и Ильбарса. Они обещали беспрепятственно пропустить посольство через свои земли, Хохлов решил довериться им, и посольский караван направился в Хорезм³⁵. Однако, как только они пересекли границу, Ильбарс прислал к ним своего ясаула с требованием пошлин и прибытия посла ко двору. Иван Хохлов попробовал отговориться, но новый хан был настойчив, и ему пришлось прибыть ко двору. На аудиенции Ильбарс сообщил о том, что он отправляет к царю Михаилу Федоровичу своего посла – Махтаман-бая. После этого Хохлов вернулся в свой лагерь, и они стали ждать, когда их отпустят, но разрешения все не было. Когда он задал вопрос приставу, то тот ответил, что отправятся они тогда, когда соберется караван. Русский посол этому не поверил и отправил к Ильбарсу и его окружению переводчика Ивана Тыркова, которому объяснили, что пока караван не соберется, посольство остается в Хиве. Спустя некоторое время Хохлов с тем же вопросом отправил толмача С. Герасимова, которому ответили то же самое. Эти известия посла опечалили, так как караван в Астрахань и не собирался: зима была очень холодной, и тогда с «вестями» к царю был отправлен толмач, но поехал он через Иран, а степью в Астрахань отправил двух юртовских татар. Посол на свои деньги снарядил этот отряд и присоединил к нему еще трех человек и про-

³² Надир диван-беги тагай из рода арлат – известный сановник времен Имам-кули, управлял финансовыми вопросами, был очень близок к хану и влиятелен. В 1619–1623 гг. на его средства в Бухаре были построены ханака (суфийская обитель) и караван-сарай, который позднее был перестроен в медресе. Эти строения входят в архитектурный ансамбль Ляби-хауз. См.: *Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история...* С. 83, 85, 89; *Саидов А. Сведения Мухаммада Юсуфа Мунши...* С. 154.

³³ 1620–1622, декабря 12... С. 403.

³⁴ Там же. С. 403–405.

³⁵ Там же. С. 405–406.

водника астраханского посадцкого человека Якова Иванова. О их пропуске Хохлов договорился с Абеш-султаном, который выдал им не только проезжую грамоту, но и проводника – Чафара. Все это время русская миссия оставалась в деревне Мушриф около Хивы, а связь с султанами Абешем и Ильбарсом и их сторонниками поддерживала через переводчика Ивана Тыртова, который курсировал между посольским лагерем и Хивой, где располагался Ильбарс, и Уветом, где находился Абеш. Эти переговоры завершились тем, что русский караван отправился в Бават, где его ожидал Абеш. На подъезде к Бавату их встретили таможенники, которые потребовали пошлину и с посла и его свиты. После препирательств пошлина была уплачена. Абеш же направил к послу своих людей, которые попытались отобрать пищажи, но безуспешно. Тогда в посольский лагерь приехало 20 человек царевича, которые взяли с собой Хохлова, сказав тому, что его ожидают на аудиенцию, но отъехав, они приказали послу возвращаться, а взяли с собой переводчика, но и его затем прогнали, отобрав у него саблю. На следующий день прибыли три ясаула, «дьяк» и «земские старосты», которые после недолгих разговоров захватили 23 человек из освобожденных пленников и начали их допрашивать и требовать, чтобы они «клепали» на русского посла. Не добившись этого, они отобрали их имущество и уехали. Хохлов отправил к царевичу переводчика Ивана Тыркова, чтобы он потребовал прекратить давление на посольство, грабеж и освободил захваченных в лагере 23 человек. Речи Тыркова на Абеша влияния не возымели. Он отобрал из этих пленников себе лучших, а остальных роздал своим людям. Хохлов тогда потребовал аудиенции для себя и получил ее. Посол высказал все свои претензии и потребовал освободить пленников, но Абеш отказался, мотивируя это тем, что пленники эти приняли ислам и отпустить их в христианскую землю нельзя. Иван возразил ему, что отпустили же этих людей в Бухаре, где свои улемы есть и они в этом греха не видели, а делает царевич это для ссоры с русским царем. Абеш же вновь подчеркнул, что делает это из-за веры. После этого спора царевич предложил послу сесть и принесли молоко, но Хохлов пошел на демарш и сказал, что он постится, и отказался от питья³⁶.

Посольство застряло в Бавате. Власти объясняли задержку тем, что ждут посла Махтаман-бая, которого Ильбарс планировал направить к царю Михаилу Федоровичу, но он все никак не приезжал. За это время посольский лагерь превратился в центр притяжения разных людей. Сам Иван Хохлов рассказывал, что приходили пленники и некие безымянные «юргенчи», «которых он прикормил», и рассказывали ему куда более зловещие сведения. По их словам, получалось, что царевичи, захватившие власть в Хиве, хотели убить послов и их ограбить. Люди говорили, что Хохлов поступил правильно, отправив одного гонца на Русь через Иран, а других в Астрахань через степь. Именно это сорвало коварные планы Абеша и Ильбарса. Впрочем, оснований для жесткого отношения с русским посольством у царевичей хватало и без вероломных планов. За то время, что Хохлов с людьми находился в Бавате, на Хивинское ханство с моря напали казаки под руководством атамана Треньки Уса, убившие и пленившие многих людей. Тогда же посол Араб-хана прислал послание, в котором он жаловался на обращение с ним астраханских властей. Иван Хохлов сообщил («приказал») Ильбарсу, что эти казаки не государевы, а вольные преступники, и они так же и царских людей грабят. А слова хивинского посла он попытался представить как недоразумение. Но Ильбарс ответил однозначно: «...в том вас судит Бог с тем, кто не делом на ссору писал, а мне де вас до тех мест, покаместа с Руси мой человек будет, не отпускаю». Тем временем из Астрахани

³⁶ 1620–1622, декабря 12... С. 406–415.

вернулся человек Ильбарса – Чюфар, который привез послание от посла, в котором содержались претензии к поведению астраханских воевод по отношению к нему и хивинским купцам. Однако его перехватил новый хивинский посол, который все никак не мог начать свою миссию – Махтаман-бай и убедил Чюфара не говорить об этом Ильбарсу, а сам переписал грамоту, выбросив из нее все претензии³⁷. После этого отношение к посольству смягчилось, Махтаман-бай не ограничился подлогом, но и съездил к аталыку Абеша – Девлету и упросил воздействовать на своего воспитанника, дабы он прекратил угрожать русским и отказался от планов их перебить и ограбить. Впрочем, добиться возвращения отобранных «полоняников» у Абеша так и не удалось. Только Махтаман-бай сумел вернуть 13 человек из 23 пленников.

Тогда же Иван Хохлов, узнав, что 15-летний младший брат Абеша и Ильбарса – Авган-Мухаммед решил уехать в Иран, сумел через его аталыка убедить Авган-Мухаммеда выехать в Российское царство на царское имя. Братья этому не воспротивились, и наконец-то посольство было отпущено. Добравшись до урочища Колпан, они вновь остановились, потому что Абеш вызвал к себе переводчика Ивана Тыркова, которому он отдал царевича Авгана. После этого посольский караван продолжил движение. Через три недели они достигли урочища Шамские Копани, где их встретил астраханский стрелец с двумя татарами. Стрелец передал послу воеводское послание, в котором сообщалось, чтобы они двигались к Кабыклицкому пристанищу, где их ожидали 5 специально присланных бус. Затратив еще 7 дней, они добрались до пристани и морем вернулись в Астрахань 22 октября 1622 г.³⁸

Выстраивание коммуникационных сетей И.Д. Хохловым

Иван Хохлов и члены его посольства, направленные в Бухарское ханство, в итоге провели в Хивинском и Бухарском ханствах 2 года, от осени 1620 по осень 1622 гг. За это время и посол и его персонал вступали в разнообразные контакты с местным населением, выстраивая коммуникационные сети, благодаря которым и получали информацию. Все эти контакты мы можем определить как официальные, полуофициальные и неофициальные. Официальные контакты – это встречи со всеми представителями властей, неофициальные – это разговоры с пленниками и местными жителями. Под полуофициальными контактами я понимаю серию столкновений и переговоров с лицами, чей статус не был очевиден или в *результате* этой коммуникации получались *результаты*, не ожидаемые официальной властью Бухарского или Хивинского ханств. К данному типу можно отнести деятельность хивинского посла Махтаман-бая, который информировал русского посла о причинах задержки миссии и организовал подлог грамоты для того, чтобы ускорить отправление посольства в Российское государство. Очевидно, что и действия тюбкараганцев, описанные русским дипломатом как грабеж, в действительности имели другую мотивацию, а именно взимание пошлин. На это указывает, по нашему мнению, что после того, как Хохлов удовлетворил их требования, претензии и силовое давление прекратились, и они сопроводили посольский караван до «царевых улусов», где их встретили ясаулы Араб-хана и Абеш-султана, которым тюбкараганцы передали половину изъятого³⁹.

Рассмотрим подробнее с кем контактировал посол, и кто еще из его свиты участвовал в выстраивании коммуникации. Итак, контакты Ивана Хохлова в Хивинском и Бухарском ханстве представляли следующее. Официальные контакты у него бы-

³⁷ 1620–1622, декабря 12... С. 416.

³⁸ Там же. С. 416–419.

³⁹ Там же. С. 392.

ли с ясаулом Араб-Мухаммед-хана – Караулагулом, ясаулами Абеш-султана, городским арбапом Ургенча, казначеем Абеш-султана, приставами Араб-хана Шах-Авул-мирзой (Шагаул-мирза), Араб-Мухаммед-ханом, представителями Шири-султана и Абул-гази-султана, Джафар-ходжой, зятем Араб-Мухаммед-хана, владельцем Ханки, пошлинниками Шири-султана и Абул-гази-султана, арбапом Бухары, представителями управителя Бухары Мурзабека, Адам-баем, бывшим послом Бухары в Москве, Насыром (Назаром)-кушбеги, Имам-кули-ханом в Самарканде, дадхой Имам-кули-хана, ясаулом Имам-кули-хана, Недиром диван-беги, дядей Имам-кули-хана, Боказ-ази воеводой Бухары, Чегадем (представителем Абеш-султана и Ильбарс-султана), ясаулами Ильбарс-султана, Ильбарс-султаном в Хиве, приставом Махтаман-баем, таможенниками Абеш-султана, безымянные люди Абеш-султана и его «дьяком», земскими старостами Абеш-султана и с самим Абешем. Полуофициальные контакты были с вождями тюбкараганцев и Махтаман-баем. Неофициальные – тезиком Турсу-Маметом, полоняниками и некими «юргенчи». Переводчик Иван Тырков и толмач С. Гарасимов контактировали с «ближними людьми» хивинского хана, с ханом Имам-кули, Недиром диван-беги, непоименованным представителем бухарской управленческой элиты, ближними людьми Ильбарс-султана, султанами Ильбарсом и Абешем.

Из приведенных данных видно, что основную коммуникационную нагрузку несли посол, переводчик и толмач. Именно специалисты по переводу Иван Тырков и Семен Гарасимов чаще всего вступали в контакт с исполнителями разных уровней, что не всегда находило отражение в официальной документации миссии. Часто встречающееся слово в статейном списке «приказал» свидетельствует о том, что большая часть рабочих контактов непосредственно сам Иван Хохлов не осуществлял. Но как происходила эта коммуникация? Увы, но из документа ясно далеко не все. Впрочем, вряд ли это происходило с помощью переписки, скорее всего когда мы встречаем выражение: «приказал», мы должны понимать, что он либо что-то сообщал назначенному приставу, либо (что происходило не реже) отправлял к тем или иным официальным лицам принимающей стороны своих переводчика и толмача.

Можно только сожалеть, но в статейном списке Ивана Хохлова довольно мало имен, да и большая часть должностей дана обобщенно и даже в русских аналогах. Исключение сделано лишь для наиболее важных персон. Так, кроме ханов и ханских семей, поименованы были в Бухарском ханстве – управитель Бухары Мурзабек, воевода Боказ-ази, Назар-кушбеги, Надир-диван-беги, а также бывший бухарский посол Адам-бай, исполнявший при посольстве функции пристава. Такой подход, не исключено, основывался на политическом значении этих персон (за исключением Адам-бая, фиксация его имени связана несколько с иными соображениями) и возможных расчетах для дальнейшей дипломатической работы. Надир-диван-беги, человек известный, возглавлял финансы ханства, был дядей Имам кули весьма близким ему человеком. Прославился строительством культовых сооружений в Бухаре и Самарканде. Описывая свое пребывание в Бухаре, Хохлов упоминает двух бухарских воевод: Мурзу-бека и Боказ-ази. Скорее всего, Мурзабек – это не имя, а должность. Возможно, это мирза-баши, глава писцов⁴⁰. Хохлов аттестует этого Мурзабека как очень влиятельного человека в окружении хана Имамкули. По его словам, он вместе с Надир диван-беги был ответственен за разжигание враж-

⁴⁰ *Бартольд В.В.* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 396.

ды с Турсун-Мухаммедом⁴¹. Самого Мурзабека И.Д. Хохлов аттестовал как «вора и великого разбойника», рассказывая, что при нем каждую ночь в Бухаре совершалось по несколько разбойных нападений, которые устраивали подчиненные люди, а после его убийства все это прекратилось⁴².

Описывая свое пребывание в Хивинском ханстве, посол также не балует читателя количеством имен. Причем среди тех имен, которые он приводит, не исключено, встречаются должности, неправильно воспринятые русским дипломатом. Так, например, в статейном списке Иван Хохлов упоминает пристава Араб-Мухаммед-хана – Шах-Авул-мирзу, которого также называет Шагаул-мирза. Не исключено, что это все-таки не имя, а должность. Как известно, в это же время в Бухарском ханстве существовал шигаул, исполнявший функции церемониймейстера, который отвечал среди прочего за прием иностранных послов⁴³. В целом, коммуникационные сети составляли в первую очередь представители ханского придворного окружения и чиновники дивана.

Интересной особенностью деятельности русского посла была его относительная малоподвижность. Отталкиваясь от текста статейного списка, мы видим, что Хохлов и его свита после указания места расположения резко ограничивала свою активность. Посол и переводчики покидают свой «стан» только для официальных встреч, при чем из текста не видно, чтобы они находились под неусыпным контролем. Скорее наоборот, Хохлову, например, в Хивинском ханстве пришлось требовать, что бы ему выделили сопровождающего⁴⁴. Информацию же он получает от пленников и местных жителей тогда, когда они к нему приходят. Скорее всего, основную часть информации по положению дел в Бухаре посол действительно получил от пленников, тем более что они принадлежали самому хану Имамкули, в основном находились в Бухаре и могли быть достаточно информированы. Также стоит признать, что дополнительные сведения посол мог получить в ходе бесед с официальными представителями, например приставами, но в статейном списке это не расшифровывалось.

Выводы

И.Д. Хохлов в ходе своей деятельности в Бухарском и Хивинском ханствах сосредоточился на отстаивании царской чести. Он, имевший военный опыт, в ряде случаев, особенно при столкновениях с тюрккараганцами, предпочитал занимать жесткую и непримиримую позицию, не боясь вступать в боестолкновения. Иван Хохлов последовательно отказывался от сомнительных и иерархически низких встреч, предпочитая не ходить на них, и лишь под давлением шел на уступки, отсылая вместо себя переводчика и толмача. Старался он и избегать встреч с мятежными султанами в Хивинском ханстве, которые свергли и ослепили Араб-Мухаммед-хана⁴⁵, дабы не создавать прецедента и возможных впоследствии претензий и обвинений. Впрочем, необходимость организации дальнейшего продвижения посольского ка-

⁴¹ Подробнее см.: *Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб., 2006. С. 122–124.

⁴² 1620–1622, декабря 12... С. 422.

⁴³ *Бартольд В.В.* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке... С. 396; *Алексеев А.К.* Политическая история... С. 151.

⁴⁴ 1620–1622, декабря 12... С. 411.

⁴⁵ Там же. С. 406; Родословное древо тюрков хивинского хана Абуль-Гази, в переводе с предисловием Г.С. Саблукова // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1906. Т. XXII. Вып. 6. С. 252–256. *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 130.

равана вынудила его отклониться от избранной линии поведения. Именно эта тактика поведения привела к тому, что Хохлов не смог, да и не стремился, создать широкую коммуникативную сеть. Однако он зафиксировал круг лиц, близких к правящим ханам, и дал им краткую характеристику. Сделано это было не в последнюю очередь с прицелом на будущее. Впрочем, как и его последовательная линия на соблюдение русских церемониальных норм, призванная повлиять на церемониал среднеазиатских ханств при приеме московских послов. Впрочем, надежда на это была призрачной. Интересно, что хотя И.Д. Хохлов и намеренно ограничивал свои контакты, но при этом он прекрасно выстраивал горизонтальные связи. Очевидно, именно благодаря этому своему умению он встретил благожелательное содействие купца Турсу-Мамета, предупредившего о готовящемся нападении, и посла Махтамбая, который сумел смягчить отношение Абеш-султана и Ильбарса к русскому посольству и добиться их отправки в Российское царство. Вряд ли будет опрометчивым считать, что это умение позволило послу собрать ценную военно-политическую информацию о состоянии дел в Центральной Азии. Так, он выяснил не только о перевороте в Хивинском ханстве, но и расстановке сил в Бухарском ханстве, о популярности хана Балха Надир-Мухаммеда, о балхско-индийском и бухарско-казахском конфликтах, о попытке переворота в Бухаре, о ирано-индийской войне за Кандагар. Посол составил и первое краткое географическое описание Хивинского и Бухарского ханств, дал оценку их вооруженным силам, тактике боя и оснащенности их артиллерией и огнестрельным оружием.

Коммуникативная стратегия, избранная И.Д. Хохловым, представляется нам противоречивой. Он сознательно шел на минимизацию личных контактов с официальными лицами, что могло быть вызвано требованиями сохранения высокого престижа власти русского царя. В условиях редких отношений сложно было точно понять иерархическое значение статуса тех или иных официальных контактеров, что могло допустить «поруху чести». Одновременно он выстраивал горизонтальную сеть контактов с купцами, приставами, гонцами и пленниками. Эта неприметная сеть позволила ему получить разнообразную информацию и составить достоверную аналитическую картину происходящего в Центральной Азии. Четкая фиксация наиболее доверенных лиц к бухарскому хану, посольского церемониала Бухарского и Хивинского ханств должна была бы облегчить последующую работу царских дипломатов. Вместе с тем необходимо признать, что он не создал долговременных коммуникативных сетей, и поэтому следующим послам пришлось их налаживать снова.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.02.2021

References

- Abul'-Gazi-Bagadur-khan. "Rodoslovnoe drevo tiurkov khivinskogo khana Abul'-Gazi, v perevode s predisloviem G.S. Sablukova." In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete*, 225–336. Kazan: Kazanskii imperatorskii universitet Publ., 1906 (in Russian).
- Alekseev, A.K. *Politicheskaiia istoriia Tukay-Timuridov. Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniia Bakhr al-asrar*. St. Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2006 (in Russian).
- Alenitsyn, V.D. *Neskol'ko zamechanii o puteshestvii Dzhentinsona v Khivu v 1559 godu*. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K° Publ., 1879 (in Russian).
- Bartold, V.V. "Tseremonial pri dvore uzbetskikh khanov v XVII veke." In *Sochineniya*, 389–399. Moscow: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Fletcher, C. *Diplomacy in Renaissance Rome. The Rise of the Resident Ambassador*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

- Lazzarini, I. “News from Mantua: Diplomatic Networks and Political Conflict in the Age of the Italian Wars (1493–1499).” In Hrsg von H. Noflatscher, Chisolm, M.A., and Schnerb, B. eds. *Maximilian I (1459–1519). Wahrnehmung – Übersetzungen – Gender*, 111–129. Innsbruck: Studien Verlag, 2011.
- Mukhammed Yusuf Munshi. *Mukim-khanskaia istoriia*. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk UzSSR Publ., 1956 (in Russian).
- Saidov, A. “Information of Muhammad Yusuf Munshi about the administrative structure of the Bukhara Khanate in the XVI – early XVII centuries.” *Khujand State University named after academician B. Gafurov. Scientific journal*, no. 2 (2014): 151–161 (in Russian).
- Semenov, A.A. “Bukharskii traktat o chinakh i zvaniakh i ob obiazannostiakh nositelei ikh v srednevekovoi Bukhare.” In *Sovetskoe vostokovedenie*, no. 5 (1948): 137–153 (in Russian).
- Veselovskii, N.I. “Ivan Danilovich Khokhlov (Russkii poslannik v Persiyu i Bukharu v XVII veke).” *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, no. 173 (1891): 48–72 (in Russian).
- Veselovskii, N.I. “Priem v Rossii i otpusk sredneaziyatskikh poslov v XVII i XVIII stoletiiakh.” *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 134 (1884): 68–105 (in Russian).
- Veselovskii, N.I. *Ocherk istoriko-geograficheskikh svedenii o Khivinskom khanstve ot drevneyshikh vremen do nastoyashchego*. St. Petersburg: Bratiev Panteleevykh Press, 1877 (in Russian).
- Veselovskii, N.I. *Russkie nevol'niki v sredne-aziyatskikh khanstvakh*. Tashkent: [N.s.], 1883 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» Новосибирского государственного университета, заведующий сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение “Музей Москвы”».

Maksim V. Moiseev, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in history], Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University. Head of the Sector of the Department “Museum of Moscow’s Archeology”, Museum Association “Museum of Moscow”.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-378-387>

Research article / Научная статья

Keeping cultural codes: the customs and ceremonies of ethnic minorities under Russian rule¹

Vadim V. Trepavlov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117234 Russia,
trepavlov@yandex.ru

Abstract: When establishing its rule over other nationalities, the Russian Empire relied on local elites, including their aristocracy, tribal chiefs, and sometimes the clergy. In addition to retaining some of their traditional privileges, they were also granted new benefits. The same paradigm applied to the ethnic policy of both the Muscovite state and the Russian Empire: a combination of nation-wide standards of citizenship and management with local traditional principles of organizing society. The cultural codes of Russian officials and settlers on the one hand and the expanding state's non-Slavic population on its the eastern and southern frontiers overlapped and influenced each other. To lessen the opposition of its minorities, the empire's administration often adapted new regulations to their cultural norms. For pragmatic reasons, officials acknowledged the importance of at least showing some respect to subjects who spoke different languages and professed different beliefs. As a result of this interaction, the cultures of the rulers and the non-Russian nationalities they ruled influenced each other.

Keywords: ethnic policy, cultural code, elites, representation, ritual practices, “foreigners”

For citation: Trepavlov, Vadim V. “Keeping cultural codes: the customs and ceremonies of ethnic minorities under Russian rule.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 378–387. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-378-387>

Эксплуатация культурных кодов. Обычаи «иноземцев/иноверцев/инородцев» в российских административных практиках²

В.В. Трепавлов

Институт российской истории Российской академии наук,
117234, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19,
trepavlov@yandex.ru

Аннотация: При налаживании управления национальными регионами центральные и местные власти Российской империи опирались и полагались на местные элиты, традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении

© Trepavlov V.V., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ The article uses fragments of the author's earlier Russian-language publications: Trepavlov, V.V. “‘Ancient custom’ and royal investiture: enthronement of vassal rulers in Russia in the seventeenth – early twentieth centuries.” *Oriens*, no. 4 (2015): 5–16 (in Russian); Idem. “A diplomacy of mutual recognition: the communication of local authorities and the non-slavic population in the eastern regions of Russia.” *Rossiiskaia Istoria*, no. 2 (2018): 3–12 (in Russian).

² В статью использованы фрагменты более ранних русскоязычных публикаций автора: Трепавлов В.В. «Древнее обихование» и царская инвеститура. восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начала XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 4. С. 5–16; Он же. Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных регионах России // Российская история. 2018. № 2. С. 3–12.

данной категории подданных практиковались сохранение некоторых старых, «дорусских» социальных привилегий и предоставление новых льгот. Просматривается общая парадигма этнической политики в Московском государстве и Российской империи: сочетание общегосударственных стандартов подданства и управления с локальными традиционными принципами организации жизни социума. Происходило взаимное наложение и последующее взаимовлияние различных культурных кодов, носителями которых выступали, с одной стороны, русские – в лице как административных органов, так и многочисленного простонародья, переселявшегося на окраины, с другой – неславянское население восточных и южных пространств расширявшегося государства. Элементы устоявшихся культурных норм соприкасались и переплетались в ситуациях, когда возникала необходимость привести в действие какие-либо административные действия – и при этом не вызвать отторжения у подданных. Зачастую это достигалось использованием «инородческих» обрядовых практик. Происходила своеобразная эксплуатация разноэтничных культурных кодов с сугубо прагматической целью: правящая элита отдавала себе отчет, насколько важно проявлять хотя бы внешнее внимание к подданным, которые говорят на разных языках и исповедуют различные верования. В процессе своеобразного обмена репрезентациями (жалование даров подданным и подношения царственным особам – иногда в форме дарообмена, сочетание общегосударственных и локальных обрядовых схем в практике коммуникаций с «инородческими» элитами) осуществлялась комбинация культурных сценариев как одного важных компонентов кодов соответствующих культур.

Ключевые слова: этническая политика, культурный код, элиты, репрезентация, обрядовые практики, «инородцы»

Для цитирования: Трепавлов В.В. Эксплуатация культурных кодов. Обычаи «иноземцев/иноверцев/инородцев» в российских административных практиках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 378–387. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-378-387>

Introduction

From the 16th to the 19th centuries, national minorities in Russia, tended to be objects of state policy rather than subjects. But this was not the result of disregard by the authorities. After all, most of the modern ethnic communities were just being formed at that time. One of the imperial government's principles was supra-ethnicity, which implied loyalty to the throne regardless of the language and religion of its subjects. At the same time, it was impossible to ignore the population's ethnic and cultural diversity.

When extending its authority over newly-conquered nationalities, the Russian Empire relied on their traditional privileged strata – nobles, tribal chiefs, as well as the clergy. In addition to retaining some of their traditional privileges, they were also granted new benefits. Local legal norms, such as Sharia and customary law, could also be incorporated into the empire's legislation for the relevant region. The same paradigm applied to the ethnic policy of both the Muscovite state and the Russian Empire: a combination of nation-wide standards of citizenship and governance with traditional local principles for organizing society. The cultural codes of Russian officials and settlers on the one hand and the expanding state's non-Slavic population on the other overlapped and influenced each other. As a result of this interaction, the cultures of the rulers and the non-Russian nationality they ruled influenced each other in the way the latter were governed. In part, officials used “foreign” ritual practices to avoid arousing resistance.

Foreign cultural elements in imperial government

In some culture taxes were understood to be voluntary offerings to the tsar, in return for the goods his officials provided, which were considered to be the ruler's gifts. The Chukchi thought that their tribute was taken from the tundra directly to the “Tsar-sun.”³

³ A.S. Zuev, *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII–XVIII vek)* (Novosibirsk: Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2009), 381; A.S. Zuev, “Russko-aborigennic otnosheniia na krainem Severo-Vostoke Sibiri vo vtoroi polovini XVII–XVIII vekakh: ot konfrontatsii k adaptatsii,” in *Narodonaselenie*

According to their folklore, the latter could grant a person the right to live in a certain area in exchange for gifts. This was the way the tsar, when touched by the honey he was offered, responded to the elderly Pechenei of Mari tradition, giving him their land forever.⁴

The practice of collecting tribute in Southern and Western Siberia was typically carried out according to a solemn ritual that involved mutual gift giving. According to longstanding local tradition, Russian officials accepted tribute from “foreigners” and gave them presents in return. Sometimes more valuable than the tribute from his subjects, such “gifts from the tsar” included caftans, fur coats, and fabrics, among other.

This custom was not widespread in Eastern Siberia. Russian settlements there were scarce in resources, and provisioning them was a long and arduous process. In any case, Russia's rivalry with Mongolia and then with China prompted a rush to impose tribute on the local tribes rather than time-consuming campaigns to encourage them to become subjects of the tsar with material incentives.

The “gift for gift” algorithm also applied the empire's newly conquered Turkestan region in the second half of the 19th century. Every year its Governor-General received 35 thousand rubles from the treasury for entertainment expenses and diplomatic receptions. While enough to host envoys from Bukhara and Khiva, this proved to be insufficient to pay for the obligatory gifts in return.⁵ Since cheap presents were inappropriate, he periodically asked St Petersburg for more money.

The visits of viceroys and governors to their jurisdictions involved a blend of Russian and local customs and rituals. Regional administrators often set off with modest guards to underscore their power and trust in the population under their control. Kabardian auls (villages) greeted the Viceroy of the Caucasus, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, with bread and salt “with typical Russian hospitality, which has also become a custom among our natives.”⁶ Meanwhile, across the Caspian Sea, as Turkestan Governor-General M.G. Cherniaev proceeded through city streets with his retinue, his adjutant tossed handfuls of coins into the crowd in the Eastern fashion.⁷

In the same region, as well as in Bukhara and Khiva, the Russian administration performed the traditional rituals of the inhabitants to legitimize its rule. According to local custom, presenting a *khalat* [robe] is a form of distinction, and they were given by the governor on behalf of the tsar as well.⁸ Bukhara's emir also gave robes to the officials and messengers sent to him from Tashkent (the Governor-General's residence). However, Russian officials were obligated to refuse them, since it was forbidden to cover the epaulettes and decorations on their uniforms. Yielding to this prohibition, the emir presented the *khalat* to Russian officers by putting them on their chairs to present it.⁹

Sibiri. Strategi i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX veka) (Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2008), 94, 142.

⁴ *Marinskii fol'klor. Mify, legendy, predaniia* (Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1991), 216.

⁵ M.A. Terent'ev, *Rossiiia i Angliia v Srednei Azii* (St. Petersburg: I.P. Merkur'ev Press., 1875), 331.

⁶ “Priezd ego imperatorskogo vysochestva gosudaria velikogo knaza Mikhaila Nikolaevicha v Kabardinski okrug Terskoi oblasti,” *Terskie vedomosti*, June 4, 1869, 2–3.

⁷ V.V. Bartold, “Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana,” in Bartol'd, *Sochineniia*, vol. 2, pt. 1 (Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1963), pp. 167–433; The slow progress of the Cherniaevskaia cavalcade was dictated by local rules of decency and Muslim religious precepts – “Haste is a property of the Devil.” See: N.S. Lykoshin, *Khoroshii ton na Vostoke* (Moscow: AST Publ., 2005).

⁸ “Nagrashdene kaftanami,” *Istoriia nagradnoi faleristiki Rossii*, accessed December 11, 2020, <http://www.allfaler.ru/ru/nagrad-sistem/nagradnay-sistema-ros-imperii/znaki-otlichy-ros-impr/46-nagradnye-kaftany-rossijskoj-imperii>.

⁹ V.V. Krestovskii, *V gostyakh u emira bukharskogo* (St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1887), 140.

The emperor's trips in his empire invariably involved gifts too. Almost everywhere he travelled, the tsar received the customary greeting of bread and salt.¹⁰ Only the Kalmyks and Buryats, according to Tibetan Buddhist practice, offered white silk scarves instead. Moreover, in 1888 the tushins and pshavs, inhabitants of the Georgian highlands, presented Alexander III with their "bread and salt: lavash on a wooden dish made with crude images of their crafts and hunting."¹¹

Caucasian highlanders also often offered articles of local dress to the emperor and members of his family. During the second half of the 19th century, these gifts were not relegated to the wardrobes of the Romanovs, since Circassian coats were fashionable then in Russia proper. Even Alexander II and Nicholas II wore them,¹² although they also did so to show their respect for their Caucasian possessions.

A combination of imperial and local ritual practices was also in evidence during formal meetings. While imperial audiences adhered to court etiquette, when the monarch and his consort attended receptions at the Bukharan and Khivan embassies they were served sweetmeats, fruit and tea, in the Central Asian *dastarkhan* tradition.

Russian officials likewise incorporated native elements at the local level. Having recognized the emperor as their sovereign, the rulers of the Kazakh zhuzes (hordes) were permitted to keep their title of khan until the first quarter of the 19th century to encourage their loyalty to the empire. As a result, when khans and leading sultans visited the governor in Orsk and Orenburg to discuss practical matters or observe important occasions like the tsar's coronation, they were solemnly received according to a blend of Russian court ceremonies and Oriental rituals. By gradually becoming acquainted with the empire's political culture, the tsar's Asian subjects gradually became accustomed to being part of a single state.

A Kazakh khan typically came accompanied by a large retinue of relatives, nobles and servants. A detachment of Russian cavalry with well-drilled, richly decorated mounts and, on occasion, a carriage, rode out to meet him. Cannons roared, trumpets blared, and kettledrums were beaten as imperial troops in formation greeted them when they entered the local garrison.

Russian ceremony then gave way to the Oriental. The commoners in the khan's party dismounted at the courtyard's outer gate in front of the tent or building intended for the audience. Everyone laid down their arms, and when the sultans and other nobles reached the middle of the courtyard, they also came down from their horses, as did the Khan just before reaching the entrance itself. There he was met by officers arranged according to rank, with the higher to the front, and a row of staff officers awaited him in the carpeted reception room.

Negotiations often began with *namaz* (Islamic prayer) for the tsar's health. After this supplication to Allah, the khan and his retinue sat down in the traditional order of the steppe, with the Russian host in the middle and the khan to his right, while the rest of the ceremony's participants were arrayed on the sides on chairs and on the floor, according to rank. The visits obligatorily ended with a long and hearty meal. Hosting the receptions was expensive, and officials of Orenburg's governor occasionally petitioned St. Petersburg for raises to cover the cost of greeting visiting "Kirghiz-Kaisaks."¹³

¹⁰ The Russian custom to meet provincial officials with bread and salt was also performed in Turkestan. Furthermore, in the East, salt symbolized the favors the ruler bestowed on his people and the army. See: V.V. Bartold, *Istoriia*, 355.

¹¹ V.A. Potto, *Tsarskaia seiya na Kavkaze 18 sentiabria – 14 okiyabria 1888 goda* (Tiflis: Tipografiia Okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga Press., 1889), 180.

¹² L.S. Gatagova, "V plenu 'Kavkazskogo plennika'." *Istoriik i khudozhnik* 2, no. 4 (2005): 168.

¹³ I.V. Erofeeva, *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik* (Almaty: Sanat Publ., 1999), 226; V.F. Shakhmatova, F.N. Kireeva, and T.Zh. Shoinbaeva, eds. *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh*

The meetings became cheaper after the abolition of the khan's power in the Middle and Junior zhuzes in the 1820s. The new Kazakh elite, including senior sultans, aul elders and volost governors now met regional and provincial heads, and largely occupied themselves with speeches, awards and compliments. From time to time, the Russian official did spend money on a feast to honor his guests, who reciprocated by staging festive wrestling matches and horse races.¹⁴ The reduction of formal procedures was part of a general trend towards the simplification of diplomatic norms.¹⁵

The fusion of traditions was clearly evident during the ceremonies to install a ruler dependent on the tsar, which were an important element of his government's ethnic policy. On the one hand, they were meant to emphasize the empire's power and greatness, and on the other, to demonstrate the monarch's favor of the newly appointed vassal. Meanwhile, the new ruler derived double legitimacy from his being "elected" by his followers on the steppe and appointed by the emperor. The latter made him an instrument to acclimatize his fellow tribesmen to Russian rule. History shows that the final outcome of such adaptation was the full incorporation of their territories in the administrative structure of the empire, without keeping any previous regional differences.

Russian rulers appointed the khans of the Kazakhs from the middle of 18th century until the first quarter of the 19th. As mentioned above, these nomadic leaders derived their authority from two sources – the will of their nobility, clergy and clans as expressed in a vote, as well as the tsar's confirmation of his election with a patent. The votes for the khans of the Junior and the Middle Zhuzes, were generally held in a sacred site, like the city of Turkestan. In accordance with their ancient rite, the elected khan was raised on a white felt mat to mark his accession. Special envoys then went to St. Petersburg, where they conveyed the nomadic elite's choice and presented a petition for imperial approval of the new khan's candidacy.

St. Petersburg was willing to use traditional institutions on such occasions, since they legitimized a ruler loyal to Russia, when "previously the khans were just lifted up on white felt mats." Thus, in 1791 Catherine II expressed her wish that the Kazakhs should find a successor to the deceased Khan Nurali entirely "according to the ancient Kirghiz-Kaisak custom."¹⁶ Nominations were usually decided with the government in advance, and the sovereign's final approval was limited to a brief formal audience with the Kazakh delegation to announce his or her gracious consent.¹⁷

In addition to the imperial patent and the decision of his nobles, the authority of Kalmyk khans also rested on the wishes of the Dalai Lama, their religious leader. In the presence of a Russian official, a special lama solemnly presented the khan with a letter from Lhasa conferring his rank, throne name and seal. When in February 1737 the Russian government declared Donduk Ombo the ruler of the Kalmyk Khanate, he did not dare to call himself khan, since he had not received confirmation from the Tibetan capital. The next khan, Donduk Dashi, found himself in the same predicament. However, their predecessor and uncle, Tseren Donduk, adopted the title without any hesitation,

(Alma-Ata: Akademia nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1961), 652; Zh.B. Kundakbaeva, "Znakom milosti E.I.V." *Rossii i narody Severnogo Prikaspiia v XVIII veke* (Moscow; St. Petersburg: AIRO-XXI Publ., 2005), 62; P.I. Rychkov, *Istoriia Orenburgskaia po uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii* (Ufa: [S. n.], 2001), 90, 91, 95, 127.

¹⁴ "Priem deputatsii ot kirgiz Turgayskoy oblasti g. orenburgskim general-gubernatorom," *Turgaiskie gubernskie vedomosti*, March 1, 1869, 49; A. Ryn-Peskovskii, "V kirgizskoi stepi," *Turgaiskaia gazeta*, June 11, 1895, 2–4.

¹⁵ O.G. Ageeva, *Diplomaticheskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek* (Moscow: Novy khronograf Publ., 2012), 438.

¹⁶ Shakhmatova, *Kazakhsko-russkie otnosheniia*, 469.

¹⁷ *Ibid.*, 469.

since he had already received his seal and sacred name from the Dalai Lama.¹⁸ The Tibetan leader's approval was important to ensure the loyalty of the Kalmyk nobility.¹⁹ The noyons and zayisans (Kalmyk nobles) only obeyed rulers whose status had been approved by all three sources of legitimacy: their vote as well as the sanction of the Russian emperor and the Dalai Lama.

In the 18th century, the election of the khans of the Junior or Middle Zhuzes usually preceded his investiture on behalf of the emperor, which was carried out by his representative. On the instructions of the Governor-General or other official, the newly elected ruler was to arrive at the border. At the same time, there was nothing in the rituals that would clearly indicate the khan's vassalage to the Romanovs. On the contrary, the authorities marked the occasion with a magnificent and solemn ceremony to show their respect for the new nomadic leader.

Russian authorities gradually increased their involvement in the appointment of the Kazakh khans, and on 9 November 1792 the Senate issued a decree to set out the procedure's details.²⁰ According to its provisions, unless the ceremony were held in Orenburg or a Russian garrison, it would be carried out on the steppe, where there was enough space to accommodate the military parade as well as many spectators. Distinguished individuals stood on a carpet spread in a tent or in the open air as they listened to the announcement of the imperial patent, which was read both in Russian and their own language. The kneeling khan then kissed the document and listened to a mullah, who read the oath drawn up in the Senate or the College of Foreign Affairs. Having sworn allegiance to the throne and kissed the Koran, he set his seal on the text of the oath with his signet ring. The new ruler then received a diploma and a patent, while he was dressed in a brocade robe, a hat and a *shuba* (fur coat), and girded with a saber.

After the new khan was congratulated and the spectators ritualistically tore up his old garments, the installation concluded with a feast of *beshbarmak* (a Turkic dish of boiled meat and noodles), wine, beer and honey to the sounds of music, fireworks and celebratory cannon fire, as well as *baiga* (horse races). The new Kalmyk khan was proclaimed in a similar fashion, albeit with Buddhist rather than Muslim rituals.²¹ Siberian princes and *toyons* (elders), however, did not merit such magnificent ceremonials. Instead, they were simply summoned to the local governor, who issued an imperial decree to vest him with the appropriate powers, which could also be withdrawn at the tsar's pleasure.²²

¹⁸ M.M. Batmaev, *Sotsial'no-politicheskii stroi i khoziaistvo kalmykov v XVII–XVIII vv.* (Elista: Dzhangar Publ., 2002), 93; N.Ia. Bichurin (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoiashchego vremeni.* Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991, 103; A.A. Kurapov, *Buddizm i vlast' v Kalmytskom khanstve XVII–XVIII vv.* (Elista: Dzhangar Publ., 2007), 96, 156, 168, 169, 189, 190; N.N. Palmov, *Etiudy po istorii privolzhskikh kalmykov*, pt. 2 (Astrakhan: Kalmytskii oblastnoi ispolnitel'nyi komitet Publ., 1927), 164.

¹⁹ According to D.V. Vasiliev, the desire to legitimize the right to being the khan by the Dalai Lama's permission was evidence that the Kalmyks understood the attitude of the Russian government towards this institution as only secular, but not a sacral phenomenon. At the same time, the Kalmyk elite's wish to receive approval from St. Petersburg indicated their desire to stay in Russia. See: D.V. Vasiliev, *Rossii i Kazakhskaya step': administrativnaia politika i status okrainy. XVIII – pervaiia polovina XIX veka* (Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2014), 401; Moreover, the Dalai Lama repeatedly insisted that his followers on the Volga leave the Russian tsar and move to Dzungariia.

²⁰ See: V.V. Trepavlov, *Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv.* (St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko), 198–201.

²¹ See: M.M. Batmaev, *Kalmyki*, 337.

²² E.V. Perevalova, "O znachenii zhalovannykh gramot ostiatskikh kniaztszov," in A.V. Golovnev, ed. *Obskie ugray'. Materialy II-go Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri"* (Tobolsk; Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1999), 156, 159.

For several centuries the shamkhals, North Dagestan's rulers, had been considered vassals of the Persian shah. In 1793, Catherine II tried to include the nation in her empire's sphere of influence by promoting Shamkhal Muhammad to the rank of privy counselor with a salary of 6,000 rubles and sent him a *sorguch* (a feather adorned with diamonds for a hat). Her son, Paul I, granted the right to succeed him to his son Mehdi together with a *sorguch*, and when Dagestan became part of the Russian Empire in 1836, Nicholas I likewise presented Shamkhal Abu Muslim with the ruler's *sorguch*.²³

Russian politicians were well aware of the great importance of formal markers of high rank for their vassals. Shamkhals valued the right to wear the *sorguch* no less than the degree of privy counselor. In Persian political culture, the *sorguch* on the ruler's hat symbolized power over his subjects. St. Petersburg granted the shamkhal the same decoration to proclaim his liberation from the former hegemony of the shahs. The Russian ceremony for the installation of Dagestan's ruler also involved other symbols. In 1784, the Caucasian commander, Colonel-General Count P. S. Potemkin, handed the shamkhal a saber and a sable shuba along with a certificate confirming his status as a subject of the empress.²⁴

In the 18th and first half of the 19th centuries, Russia and China challenged each other for domination over the Sayan-Altai region. At one time the local tribes had been subjects of the Qing dynasty and became accustomed to the Sino-Manchu administrative order. The Qing governors in Mongolia bestowed Manchu titles corresponding to military ranks upon traditional Altai leaders (shulengs, zayisans, demichi), and they handed over special headdresses which indicated the rank of the owner on behalf of Beijing. Zayisans wore hats with a blue ball and a peacock feather, demichi – with a blue ball, shulengs – with a white one.²⁵

When Russia made Uriankhai (Tuva) a protectorate in 1914, it partially kept the Qing system of ranks. Thus, while investing one of the rulers with administrative powers, the region's Russian Commissioner conferred the rank of terigun-zayisan on him, with the right to wear a red ball of second degree on his hat.²⁶

When needed, the juxtaposition of imperial and local political cultures was accompanied by efforts to combine various ways of legitimizing citizenship. In particular, swearing allegiance to the throne was carried out with Muslim, Buddhist or pagan religious symbols. Muslims swore "according to their law with the Koran," kissing the holy book, which the mullah brought, and placed on his head. The cleric then read out the oath's text, which the newly appointed ruler acknowledged with his seal.²⁷

While Buddhism had actively spread among Kalmyks/Oiots beginning in the 1610s, pagan rituals persisted for a long time. Swearing oaths of loyalty to the Russian crown was still considered to be the most convincing way to demonstrate one's sincerity. Nicolaas Witsen described Taisha Munchak's repentance to the envoy of Tsar Alexei Mikhailovich after migrating to the distant steppes during Stepan Razin's uprising:

²³ P.G. Butkov, *Materialy dlia novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god*, pt. 2 (St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1869), 290; "Shamkhaly Tarkovskie," in *Sbornik svedenii o kazskikh gortsakh*, vol. 1 (Tiflis: [N.s.], 1868), 62, 65; Some shamkhals were made generals.

²⁴ V.G. Gadzhiev, *Rol' Rossii v istorii Dagestana* (Moscow: Nauka Publ., 1965), 148.

²⁵ G.P. Samaev, *Gorny Altai v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoi istorii i prisoedineniia k Rossii* (Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiiskoe otdelenie Altaiiskogo knizhnogo izdatel'stva Publ., 1991), 163.

²⁶ S.I. Vainshtein, M.H. Mannai-ool, *Istoriya Tuvy*, vol. 1 (Novosibirsk: Nauka Publ., 2015), 354.

²⁷ See, for example: V.F. Shakhmatova, *Kazakhsko-russkie otnosheniia*, 633, 641; P.I. Rychkov, *Istoriia Orenburgskaia*, 93, 94, 131.

He took an oath on the riverbank, and, placing two arrows in front of himself, one on top of the other, as well as a saber to his side, stepped over them, saying that the arrows and the sword should pierce him if he breaks his oath.²⁸

Munchak's son, future Ayuka Khan, also pledged to keep his *shert* (oath) with pagan visual and verbal images. In 1673 he declared that if the Kalmyks violated the *shert*, then,

God's wrath and a fiery sword will be upon us, the taishi, our children, the murzas, and on their children, and on all the ulus people, and with the saber that I, Ayuka taisha, draw out from its scabbard and put to my head and throat, I will be stabbed to death by the enemy, and we will be cursed by our Kalmyk faith in this century and those to come.

After these words, he took out a saber from its scabbard and put it to his head and throat.²⁹

Having received a saber from Peter I during the Persian campaign of 1722, Ayuka demonstrated the inviolability of his allegiance. He ordered his people to stand in a circle and shoot several arrows from their bows into the air, after which he approached the emperor with the words: "This saber and these arrows will always be ready to defeat the enemies of Russia."³⁰

The Kalmyks also used Buddhist symbols. When giving the *shert* in 1661, Munchak "kissed his God Burkhan, Bichik (the holy book), licked his rosaries and put his saber on his throat" (that is, the military ritual was still observed here – *author's note*).³¹ On a similar occasion in 1724, the lama set the statue of Buddha Shakyamuni on the head of Tseren Donduk, viceroy of the Kalmyk Khanate, as he took an oath.³²

Conclusion

During the imperial era, Russian officials actively incorporated traditional cultural elements into their ceremonies with ethnic minorities. These were a way for the sovereign to show his respect (however insincere) for his subjects of other faiths, as well as for their traditional way of life. In a way they exploited different ethnic cultural codes for purely pragmatic reasons: the ruling elite knew the importance of at least feigning attention to subjects of the tsar who spoke other languages and professed different beliefs.

These efforts to appropriate different cultures suggest that the imperial government endeavored both to preserve the traditions of its non-Russian population and limit interfering in their daily lives to preserve security and stability. On such ceremonial occasions as exchanging gifts or meeting the local elites, officials combined important elements of

²⁸ N. Vitsen, *Severnaia i Vostochnaia Tartariia, vkluchaiushchaia oblasti, raspolozhennii v severnoi i vostochnoi chastakh Evropy i Azii*, vol. 1 (Amsterdam: Pegasus Publ., 2010), 362.

²⁹ N.M. Rogozhin, and M.M. Batmaev, eds. *Posol'skie knigi po sviaziam Rossii s Kalmytskim khanstvom 1672–1675 gg.* (Elista: Dzhangar Publ., 2003), 57, 63; The Heavenly Fire Sword was a popular symbol of punishment for a convicted criminal. In 1604, a tsarist messenger told the Nogai murza that, should he be disloyal and disobedient, "God's fire sword will kill and the tsar's grace... will no longer be." See: N.V. Rozhdestvenskii, ed. *Akty vremeni Lzhedmitriia I-go (1603–1606 gg.)* (Moscow: [S. n.], 1918), 97; In 1648, a sample a text with an oath of allegiance to Tsar Aleksei Mikhailovich was made with the same warning: "Strike me with God's fire sword and awaken cursed ulcers in my family for all time..." See: A. Malinovskii, ed. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov*, pt. 3 (Moscow: Selivanovskii Press., 1822), 441–442.

³⁰ N.N. Palmov, *Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremia ego prebyvaniia v predelakh Rossii* (Elista: Kalmytskii oblastnoi ispolnitel'nyi komitet Publ., 1992), 48.

³¹ N.Ia. Bichurin, *Istoricheskie obozrenie*, 84.

³² A.A. Kurapov, *Buddizm i vlast'*, 124.

their own, Russian culture with those of the people with whom they dealt.³³ In this way, they laid the foundations for an ethnocultural synthesis and, over time, an all-Russian, imperial identity among the tsar's non-Slavic subjects.

Submitted / Поступила в редакцию: 18.01.2021

References

- Ageeva, O.G. *Diplomaticheskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek*. Moscow: Novy khronograf Publ., 2012 (in Russian).
- Akchorin, V.A., ed. *Mariiskii fol'klor. Mify, legendy, predaniia*. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991 (in Russian).
- Bartold, V.V. "Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana." In Bartol'd, V.V. *Sochineniia*. Vol. II. Pt. 1. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1963, pp. 167–433 (in Russian).
- Batmaev, M.M. *Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiia, liudi, byt'*. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993 (in Russian).
- Batmaev, M.M. *Sotsial'no-politicheskii stroi i khoziaistvo kalmykov v XVII–XVIII vv*. Elista: Dzhangar Publ., 2002 (in Russian).
- Bichurin, N.Ia. (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletii do nastoiashchego vremeni*. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991 (in Russian).
- Butkov, P.G. *Materialy dlia novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god*, pt. 2. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1869 (in Russian).
- Dzhangalin, M.O., ed. *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody)*. Alma-Ata: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Erofeeva, I.V. "Pis'ma kazakhskikh khanov i sultanov poslednei chetverti XVII – serediny XIX v. kak istoricheskii istochnik." In Erofeeva, I.V., ed. *Epistoliarное nasledie kazakhskoi praviashchei elity 1675–1821 gg*. Vol. I. Almaty: ABDI Kompani Publ., 2014, pp. 15–76 (in Russian).
- Erofeeva, I.V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik*. Almaty: Sanat Publ., 1999 (in Russian).
- Gadzhiev, V.G. *Rol' Rossii v istorii Dagestana*. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Gategova, L.S., "V plenu 'Kavkazskogo plennika'." *Istoriia i khudozhnik* 2, no. 4 (2005): 160–180 (in Russian).
- Grigorovich, I., ed. *Akty istoricheskie, sobrannie i izdannie Arkheograficheskoiu komisseiu*. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1842 (in Russian).
- Krestovskii, V.V. *V gostiakh u emira bukharskogo*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1887 (in Russian).
- Kreidlin, G.E., and Pereverzeva, S.I., "Neverbal'nye ritualy i ikh raznovidnosti." In Fedorova, L.L., ed. *Ritual v iazyke kommunikatsii*. Moscow: Znak Publ., RGGU Publ., 2013, pp. 105–118 (in Russian).
- Kundakbaeva, Zh.B. "Znakom milosti E.I.V." *Rossii i narody Severnogo Prikaspiia v XVIII veke*. Moscow: AIRO-XXI Publ.; St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2005 (in Russian).
- Kurapov, A.A. *Buddizm i vlast' v Kalmytskom khanstve XVII–XVIII vv*. Elista: Dzhangar Publ., 2007 (in Russian).
- Likoshin, N.S. *Khoroshii ton na Vostoke*. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2005 (in Russian).
- Malinovskii, A., ed. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov*. Pt. 3. Moscow: Selivanovskii Press., 1822 (in Russian).
- Palmov, N.N. *Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremia ego prebyvaniia v predelakh Rossii*. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992 (in Russian).
- Palmov, N.N. *Etiudy po istorii privolzhskikh kalmykov*. Pt. II. Astrakhan: Kalmytskii oblastnoi ispolnitel'nyi komitet Publ., 1927 (in Russian).
- Perevalova, E.V. "O znachenii zhalovannykh gramot ostiatskikh kniaztszov." In Golovnev, A.V., ed. *Obskie ugr'y. Materialy II-go Sibirskogo simpoziuma 'Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy*

³³ On cultural scenarios as important tactics and strategies for communication see: G.E. Kreidman, and S.I. Perezvereva, *Neverbal'nye ritualia i ikh raznovidnosti* (Moscow: Znak Publ., RGGU Publ., 2013), 105–118; A. Wierzbicka, " 'Cultural Scripts': a semantic approach to cultural analysis and cross-cultural communication," in L. Bouton, ed. *Pragmatics and Language Learning* (Urbana-Champaign: Univ. of Illinois Press, 1994), 1–24.

- Sibiri*. ' Tobol'sk; Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1999, 156–161 (in Russian).
- Potto, V.A. *Tsarskaia semia na Kavkaze 18 sentiabria – 14 oktiabria 1888 goda*. Tiflis: Tipografiia Okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga Press., 1889 (in Russian).
- Rogozhin, N.M., and Batmaev, M.M., eds. *Posol'skie knigi po sviaziam Rossii s Kalmytskim khanstvom 1672–1675 gg.* Elista: Dzhangar Publ., 2003 (in Russian).
- Rozhdestvenskii, N.V., ed. *Akty vremeni Lzhedmitriia I-go (1603–1606 gg.)*. Moscow: [S. n.], 1918 (in Russian).
- Rychkov, P.I. *Istoriia Orenburgskaia po uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii*. Ufa: [S. n.], 2001 (in Russian).
- Ryn-Peskovskii, A. "V kirgizskoi stepi." *Turgaiskaia gazeta*, 1895, June 11, pp. 2–4 (in Russian).
- Samaev, G.P. *Gorny Altai v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoi istorii i prisoedineniia k Rossii*. Gorno-Altai: Gorno-Altaiskoe otdelenie Altaiskogo knizhnogo izdatel'stva Publ., 1991 (in Russian).
- Shakhmatova, V.F., Kireeva, F.N., and Shoinbaeva, T.Zh., eds. *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh*. Alma-Ata: Akademia nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1961 (in Russian).
- Terentev, M.A. *Rossia i Angliia v Srednei Azii*. Saint Petersburg: I.P. Merkureva Press., 1875 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv.* St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2018 (in Russian).
- Vasil'ev, D.V. *Rossia i Kazakhskaia step': administrativnaia politika i status okrainy. XVIII – pervaiia polovina XIX veka*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2014 (in Russian).
- Vainshtein, S.I., and Mannai-ool, M.H. *Istoriia Tuvy*. Vol. I. Novosibirsk: Nauka Publ., 2015 (in Russian).
- Vitsen, N. *Severnaia i Vostochnaia Tartariia, vkluchaiushchaia oblasti, raspolozhennye v severnoi i vostochnoi chastiakh Evropy i Azii*. Vol. I. Amsterdam: Pegasus Publ., 2010 (in Russian).
- Wierzbicka, A. " 'Cultural Scripts': a Semantic Approach to Cultural Analysis and Cross-cultural Communication." *Pragmatics and Language Learning*. Urbana-Champaign: Univ. of Illinois Press, 1994. P. 1–24.
- Zuev, A.S. *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraia polovina XVII–XVIII vek)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniia RAN, 2009 (in Russian).
- Zuev, A.S. "Russko-aborigennii otnosheniia na krainem Severo-Vostoke Sibiri vo vtoroi polovine XVII–XVIII vekakh: ot konfrontatsii k adaptatsii." In Baulo A.V., ed. *Narodonaselenie Sibiri. Strategii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX veka)*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia RAN Publ., 2008, pp. 85–154 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Vadim V. Trepavlov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Chief Researcher, Head of the Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

Научная статья / Research article

Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв.

И.Д. Пузырев^{a,b}

^aНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге,

198095, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17

^bИнститут проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН,
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86,
ipuzyrev@hse.ru

Аннотация: Предлагается проанализировать сведения о пограничной деятельности бухарцев, подойти к осмыслению феномена «разведки» и посредническо-дипломатической роли бухарцев через изучение различных аспектов российской политики на юго-восточном пограничье в XVII–XVIII вв. Полученный результат свидетельствует о том, что привлечение бухарцев к разведывательной деятельности могло осуществляться разными сценариями. Русские власти опрашивали приезжавших с торгом бухарцев, включали бухарцев в состав посольств, равным образом, как и посылали их в степи в качестве самостоятельных агентов. Бухарцев привлекали к переговорному процессу в роли переводчиков, и иногда они допускались до дипломатического церемониала, участвовали в дарообмене. Разведывательная деятельность некоторых бухарцев могла быть сопряжена с их предпринимательской активностью, торговлей. Привлечение их воеводами, а позднее и губернаторами к выполнению разведывательных функций позволяло сибирским и оренбургским властям проводить более эффективную политику в степном пограничье, опирающуюся на знание местных реалий. Сведения, сообщенные бухарцами, использовались русскими властями для составления чертежей и карт, информирования воевод пограничных уездов о военных опасностях, передвижения войск, проведения дипломатических переговоров и других целей.

Ключевые слова: Сибирь, Оренбург, фронтир, имперские посредники, Кучумовичи, казахские жузы

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено в рамках реализации стипендии Германского исторического института в г. Москве на 2021 г.

Для цитирования: Пузырев И.Д. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 388–398. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

Siberian Bukharans in Russian mission: gathering intelligence in Russia's south-eastern borderlands, 17th–18th centuries

Ivan D. Puzyrev^{a,b}

^aNational Research University Higher School of Economics,
17, Promyshlennaya St., St. Petersburg, 198095, Russia

^bTyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
86, Malygina St., Tyumen, 625003, Russia,
ipuzyrev@hse.ru

Abstract: Siberian Bukharans were one of the most agile group of the native population of Western Siberia and the Urals in the 17th and 18th centuries. This paper analyzes information about the border activities of Bukharans, characterizes their participation in the implementation of Russian

© Пузырев И.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

foreign policy. The author considers the phenomenon of “intelligence” and the intermediary and diplomatic role of the Bukharans through the study of various aspects of Russian policy on the southeastern borderlands. The result shows that Bukharans were involved in intelligence activities in several forms. The Russian authorities could interview Bukharans who came to trade; they could include Bukharans in Russian embassies; or they could send them into the steppe as independent agents. The geography of their missions in the 17th and 18th centuries included the Kuchum lands, the Kazakh khanates, the Oirat and Dzungar lands, as well as the Qing Empire. Bukharans participated in the negotiations as interpreters and they were sometimes allowed to participate in diplomatic ceremonies such as gift exchange. The intelligence activities of some Bukharans could go hand in hand with their trade operations. Recruiting Bukharans for intelligence gathering tasks allowed the Siberian and Orenburg authorities to conduct a more effective policy in the steppe borderlands, based on the knowledge of local realities. The Russian authorities used information provided by the Bukharans for purposes such as drawing up maps, informing the voivodes of the borderlands about military dangers, the movement of troops, and diplomatic negotiations.

Keywords: Siberia, Orenburg, frontier, Imperial intermediaries, Kuchumovichi, Kazakh zhuz

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the German Historical Institute in Moscow. Scholarship for PhD students on 2021 year.

For citation: Puzyrev, Ivan D. “Siberian Bukharans in Russian mission: gathering intelligence in Russia’s south-eastern borderlands, 17th–18th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 388–398. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-388-398>

Введение

Данная статья посвящена выходцам из Средней Азии в России, известным в исторической литературе как бухарцы. В то же время уже со второй половины XVI в. шел процесс складывания поселений бухарцев в целом ряде городов, включая Тобольск, Тюмень, Тару. Именно бухарцы в рассматриваемый период стали важными посредниками, связывающими регионы от р. Волги до р. Обь своими торговыми маршрутами, поселениями и каналами информации на юго-восточных границах формирующейся Российской империи.

Роль бухарцев в пограничной дипломатии России до сих пор не была предметом специального исследования. Единственная работа в этом ключе – статья А.А. Крих, в которой рассматриваются преимущественно сибирские бухарцы г. Тары в XVIII в., в то время как имеющиеся источники позволяют рассматривать пограничную деятельность бухарцев в более широком хронологическом и территориальном контексте¹. И если опыт поволжских татар и их роль в продвижении интересов Российской империи в Среднюю Азию в XVIII–XIX вв. достаточно изучен, то этого нельзя сказать о бухарцах².

В рамках данной работы история бухарцев будет рассмотрена в контексте проблемы имперских посредников. Изучение данного сюжета позволяет выйти на вопрос о межрегиональных сетях, связывавших мусульман российского пограничья. Предлагается подойти к изучению поставленной проблемы через теоретическую модель имперских посредников. Данная теоретическая модель предложена историками Дж. Бербанк и Ф. Купером. В своей работе авторы отметили, что «чаще всего правители империй нуждались в навыках, знаниях и власти людей из элит подчиненных сообществ. Империи непреднамеренно создавали такие возможности для посредников, которые могли преследовать цели империи путем создания альтернативных ей сетей или лояльности»³.

¹ Крих А.А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 35–42.

² Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana University Press, 2020; Махмутов З.А. Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73.

³ Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the politics of difference*. Princeton University Press, 2010. P. 13

В рамках данной работы предпринята попытка раскрыть особенности посредническо-дипломатической роли бухарцев Приуралья и Западной Сибири в реализации внешней политики русскими властями пограничных регионов. Для этого необходимо рассмотреть пограничные «службы» бухарцев, их участие в разведывательной деятельности, отношениях России с центральноазиатскими акторами – наследниками Кучума, а также с казахскими жузами и ойратами.

Бухарцы в отношениях русских властей с Кучумовичами

С.В. Бахрушин и Х.З. Зияев отмечали, что уже с конца XVI – начала XVII в. можно наблюдать значительный, хотя далеко не равномерный приезд бухарских купцов в сибирские города⁴. В Поволжье бухарцы были уже во второй половине XVI в. Самоназвание бухарцев – сарты – фиксируется в русскоязычных источниках из Сибири по крайней мере с начала XVII в.⁵

Широкие возможности бухарцев и знание ими маршрутов в Средней Азии побуждало российские власти прибегать к их посредничеству. Однако не только торговые, но и разведывательные функции бухарцев побуждали власти выстраивать с ними особые отношения.

В конце XVI – начале XVII в., в период утверждения русской власти в Сибири, бухарцы воспринимались русскими как «иноземцы» и потенциальная угроза. Еще в наказе тарскому воеводе Ф.Б. Елецкому в 1595 г., в условиях сохраняющейся опасности со стороны хана Кучума и его наследников, тарским воеводам предписывалось докладывать о приезде бухарцев⁶. Появление этого предписания обусловлено тем, что в тот момент возникла возможность объединения сибирских, бухарских и ногайских сил. Анализ переписки между сибирским ханом Кучумом и бухарским ханом Абдаллахом II показал, что в 1595–1596 гг. между этими двумя ханами из династии Шибанидов произошел обмен грамотами, приведший к складыванию потенциального союза между ними⁷.

Понимание того, что бухарцы могли поддерживать связи с ханом Кучумом и осознание потенциальной опасности этих отношений привело к появлению предписания с требованием обеспечить безопасность на время пребывания бухарцев в Тарском остроге⁸. Бухарцев также предписывалось не допускать в укрепленную часть города, хотя, судя по содержанию писем 1595 г., опасались только Кучума и ногайских людей⁹. Опасения по поводу контактов Кучума и его приемников с бухарцами стали общим местом в наказах тарским воеводам. Соответствующее положение повторено в новом царском наказе тарскому воеводе Я.И. Старкову 1599 г.¹⁰

По мнению В.В. Трепавлова, появление предписания о недопущении осмотра бухарцами городских укреплений в сибирских городах говорит о вероятности их шпионажа в пользу Кучума и Кучумовичей¹¹. Действительно, шпионаж можно считать установленным, это подтверждает ряд воеводских отписок, о чем будет сказано ниже.

Вместе с тем уже в конце XVI – начале XVII в. в глазах русской воеводской власти бухарцы превращались из «чужих» в «своих» агентов. Будучи заинтересо-

⁴ Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 202.

⁵ Пузырев И.Д. О начальном периоде шертования сибирских бухарцев // Вопросы истории Сибири. Вып. 16. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. С. 140–144.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

⁷ Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С. 229–243.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

⁹ Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С. 234.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 57 об.

¹¹ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 35.

ванными в торгово-посреднической деятельности бухарцев и осознавая возможность использования их торговых поездок для сбора информации, царские воеводы начали привлекать бухарцев к разведке. Текст царской грамоты 1608 г. тарскому воеводе И.В. Мосальскому свидетельствует, что бухарцы выступали источником таких сведений о перемещениях ойратов: «А бухарцы Мулларапко и Алияр сказали, что они в колмаках Изенею-тайши и Баатырю-тайши и иным тайшам давали однорятки и иную рухлядь <...> А как де их [бухарцев] отпустили на Тару, и говорили де им, что они нашей царской милости жадны, а идут воевати Казацкой орды, а жены свои и дети и весь живот свой, обнадежась на нашу царскую милость, оставляют в улусех блиско Тарского города»¹².

Аналогичного рода указания на то, что бухарцы сообщали русским воеводам сведения о передвижениях ойратов и ранних попытках установления отношений с Русским царством встречаются в документах, относящихся не только к Сибири, но и к Поволжью. Это следует из грамоты Михаила Федоровича Романова тюменским воеводам Ф.С. Коркодинову и И.Б. Секерину 1616 г. В этом документе отмечается приезд в Казань к воеводам тезика Болтая Мурзетеитова, сообщавшего что «был де он в колмаках, а в роспросе сказал, что колмацкие люди под нашею царскою рукою быти рады и послов своих к нам отпустили»¹³. «Тезиком» в данном документе также назван выходец из Средней Азии.

Судя по всему, на протяжении первой половины XVII в. бухарцы оставались двойными агентами, работавшими в том числе и в пользу Кучумовичей. Данные об их разведывательной деятельности содержит в себе отписка в Сибирский приказ тобольского воеводы И.И. Салтыкова 1645–1646 гг.¹⁴ Отписка была создана как отчет о посольствах тобольского сына боярского С. Кобылинского и казачьего головы Гаврилы Грозина к сибирскому царевичу – внуку хана Кучума – Девлет-Гирею. В ходе посольства Г. Грозина удалось собрать сведения о положении в улусах Кучумовичей, в частности, о роли бухарцев, регулярно посещавших Тобольск по своим торговым делам и сообщавших Девлет-Гирею сведения разведывательного характера. По сведениям Г. Грозина, которые передали в Москву в отписке тобольские воеводы, бухарцы снабжали Кучумовичей оружием¹⁵. Тому же посольству Г. Грозина 1646 г. удалось выяснить от бухаретина Узбаку, что Девлет-Гирей с князьцом Аялыных татар Тарского уезда Кочашом Танатаровым «похвалялся приходить на Тюменский уезд войною»¹⁶.

Тем самым, мы можем говорить о том, что в первой половине XVII в. бухарцы были включены в каналы передачи информации в российских пограничных уездах. В первое десятилетие после взятия Сибири Ермаком бухарцы явственно воспринимались в наказах и грамотах воеводам как потенциальная угроза русской власти. В то же время уже в начале XVII в. бухарцы выступали информаторами поволжских и сибирских воевод о ситуации в степи.

Бухарцы в отношениях России с казахскими жузами и ойратами

Важным направлением пограничной активности бухарцев были казахские степи. На этом направлении в середине XVII в. особенно заметна работа тобольского воеводы П.И. Годунова. По данным Г.Ф. Миллера, именно этот тобольский вое-

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

¹³ Там же. Ф. 199. Оп. 2. Порт. 477. Ч. 1. Л. 36–38.

¹⁴ Васьков Д.А. Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 1: История. 2015. С. 158–166.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 696.

¹⁶ Там же. Л. 685.

вода в 1670 г. составил «ведомость», где были собраны «сказки» бухарцев, отправлявшихся в степи¹⁷. Уместно было бы вспомнить в этой связи, что именно по распоряжению П.И. Годунова была составлена первая из известных к настоящему времени карт Сибири – «Чертеж Сибирской земли». Допускаем, что сведения, сообщенные в том числе бухарцами, могли лечь в основу этого чертежа.

Вместе с тем источники позволяют говорить о том, что бухарцы были информаторами не только тобольских, тюменских и тарских воевод, но и казахских ханов. В 1691 г. в Тобольск вернулся из экспедиции к Ямышеву озеру письменный голова Павел Шарьгин с ратными людьми, привезший с собой казахских мурз. Из допроса мурз видно, что бухарцы, торгующие на российском пограничье, могли выступать двойным каналом информации: «всякие же ведомости переносятся к Тевки-хану от бухарцов которые бывают для торгу в Тоболску и у Ямышева озера»¹⁸.

Привлечение бухарцев воеводской администрацией к разведывательной деятельности было характерно не только для городов Прииртышья. Крупные бухарские поселения сложились с начала XVII в. в Томске и его окрестностях. На основе изучения документов Томской воеводской избы историк И.И. Тыжнов пришел к выводу, что в 1624 г. томские воеводы привлекли бухарцев в качестве посредников для решения вопросов с енисейскими киргизами, направив их в качестве участников посольства¹⁹. В результате данного посольства намеченный военный поход не состоялся.

В первой четверти XVII в. важным направлением разведывательной деятельности бухарцев становятся владения ойратов. Из отписки тюменских воевод к тобольским воеводам 1623 г. видно, что к калмыцким тайшам были посланы тобольские татары и бухарцы: «в нынешнем во 131-ом году посланы к калмыцким тайшам к Талай тайше в верхней Утек из Тоболска сын боярский Дмитрий Черкасов да вож Килмаметко Бегишев, да с Тюмени служилые люди Лазарко Васильев, Офонка Табанак, да вож Карабашко Ишимов»²⁰. И Бегишев, и Ишимов упоминаются в отписке как «вожи», т.е. провожатые, знатоки местности. Кроме того, они, возможно, участвовали в процедуре оглашения жалованного слова²¹.

В 1630–1640-х гг. в документах упоминаются толмачи-бухарцы на русской службе. Так, в штате Томской воеводской избы был служилый бухарец, переводчик с монгольского языка Ермамет Шагалаков, который участвовал в посольствах в Джунгарию, Бухару, Самарканд и Ташкент. Из статейного списка 1636–1637 гг. посольства томского сына боярского С. Греченина и подьячего А. Самсонова к ойратскому Алтын-хану видно, что Ермамет переводил в ходе посольства «государево слово»²². В ходе посольства 1636–1637 гг. бухарец Ермамет также работал с ближайшими приближенными Алтын-хана, раздавая им царские подарки: «Алтын ж царь взял у него пистолет да саблю. И всего для государсково величества Ермаметко дал на 18 рублей»²³. В этом случае бухарец был вовлечен в процесс дарообмена.

¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 171.

¹⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 169.

¹⁹ Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. С. 90.

²⁰ Русская Историческая Библиотека. СПб.: Типография Пантелеевых, 1875. Т. 2. Стб. 447–448.

²¹ «Жалованное слово» – это специфическая клаузула царских наказов сибирским воеводам конца XVI–XVII в., представляющая собой прямое обращение царя к сибирским «иноземцам». См.: Конев А.Ю., Слугина В.А. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: к 90-летию Н.Н. Покровского / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск, 2020. С. 183–193.

²² Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974. С. 34.

²³ Там же. С. 50.

Информация о дальнейшей деятельности бухарца Ермамета содержится в отписке томского воеводы С. В. Клубкова-Мосальского 1642 г. Из нее следует, что Ермамет толмачил в ходе поездки тарского конного казака Емельяна Вершинина в улус торгоутского тайши Дайчина²⁴. Согласно расспросным речам казака Вершинина, бухарца Ермамета «держал Тайчи-тайша у себя в улусе 2 годы сильно. И после де того посылал Тайчи-тайша ево, Омельку, и товарищев ево с своими людьми с торгом <...> А отпустит де ево, Ермометку, Тайчи-тайша в Томской весною нынешнего ж 151-го году»²⁵. Видимо, бухарец умело пользовался обстоятельствами и сочетал свою дипломатическую деятельность с торговлей. В дальнейшем известно также, что Ермамет вернулся в Томск и в 1673 г. получал государево жалованье в размере 8 руб.²⁶

Роль бухарцев как информаторов о военных опасностях раскрывает «извет» тобольских юртовских татар о посланном в поход Дюдюбьяке-царевиче от ойратского правителя Галдана в 1679 г. В тот год бухарцы сообщали сведения служилым татарам, передававшим информацию воеводе П.В. Шереметеву: «тоболские юртовские служилые татаровя <...> будучи они у Ямыша озера слышали от калмыков и бухарцов о том что Галдан контайша послал царевича Дюдюбьяка Багаева сына Камалая тайшу <...> и чают они от него царевича под государевы города и слободы с войною»²⁷.

В конце XVII в. одним из направлений пограничной дипломатии бухарцев становится империя Цин. Так, в период регентства Софьи Алексеевны в 1686 г. в Китай было послано посольство Ф.А. Головина для урегулирования пограничного конфликта в районе Албазинского острога и заключения Нерчинского договора. В этой связи одним из информаторов Ф.А. Головина стал бухарец Аксалея Калимов, который сообщал сведения о состоянии Монголии, о войне Галдана Бошокту-хана с монгольскими тайшами. Из отписки Ф.А. Головина в Сибирский приказ видно, что данный бухарец Калимов находился на торге в Таре, где его и допросил Ф.А. Головин: «сказал – родом де он Казачьи орды, а вышел из своей земли тому лет с 5 <...> а от Ямыша-озера пришед, жил в Урге»²⁸ у Бушухту-хана. И при нем де Бушухту-хан пошел войною на мунгал в прошлом же во 196 году зимою. И слышал де он в Урге, что у Бушухту-хана с мунгалы бои были зимою же»²⁹.

Таким образом, привлечение бухарцев к разведывательной деятельности в XVII в. могло осуществляться разными путями. Русские власти могли опрашивать приезжавших с торгом бухарцев, могли включать бухарцев в состав посольств, равным образом, как и посылать их в степи в качестве самостоятельных агентов.

Сибирские и оренбургские бухарцы в пограничной дипломатии XVIII в.

В XVIII в. бухарцы продолжали поставлять ценную разведывательную информацию российским властям. Создание в 1734 г. по инициативе И.К. Кириллова Оренбургской экспедиции в Южном Приуралье привело к тому, что Оренбуржье стало одним регионов, где проживали выходцы из Средней Азии.

Для оренбургских властей важнейшим документом, регулировавшим действия в отношении выходцев из Средней Азии, стала инструкция императрицы Анны Иоанновны начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову 18 мая 1734 г.,

²⁴ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654... С. 229.

²⁵ Там же. С. 230.

²⁶ Там же. С. 79.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 46 об. – 47.

²⁸ Урга в XVII–XVIII веках – кочующая резиденция монгольских Богдо-ханов, затем – стационарное поселение, историческое название современного Улан-Батора.

²⁹ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1686–1691. Сборник документов. М., 2000. С. 178.

где говорилось «Коль скоро Бог поможет основаться городом, и увидишься с Абульхайром ханом, то не отлагая вдаль, усмотря способность времени отправить малой караван с товарами прямо в Бухарию <...> и будучи в тех караванах стараться из тамошних мест сартов или купцов с товарами с собою приласкать, обнадеживая от опасностей, и что с ними порядочно и со удовольствием поступано будет, ссылаясь на привилегию нашу, чтобы сей путь в знание привести»³⁰.

Как видим, этот пункт инструкции обозначил перед оренбургским губернатором наряду со строительством новой крепости задачу поиска агентов из числа бухарцев.

Ряд источников позволяют говорить о том, что уже с момента основания Оренбургской экспедиции ее учредитель – И.К. Кириллов активно прибегал к сбору информации у бухарцев, названных в инструкции «сартами». Так в фонде Оренбургской экспедиции находится «сказка сарта о казахских ханах, городах Ташкент, Туркестан и разных других предметах» Нур-Мухаммеда Алимова, поданная им 15 мая 1735 г. в Уфе. Известно при этом, что Нур-Мухаммед много лет общался по торговым делам с башкирскими батырами и казахскими ханами Младшего жуза³¹, осуществлял транзитную торговлю через казахские степи между Ташкентским владением и поволжскими городами в 1734–1736 гг.³² Причина, по которой основатель Оренбургской экспедиции мог обращаться к бухарцу Нур-Мухаммеду, может быть найдена в самих документах И.К. Кириллова. Так, незадолго до своей кончины он направил в Кабинет министров в Петербург новый обширный план в отношении Средней Азии. Оценивая возможные перспективы установления торгового с Ташкентом, купцы которого раньше «никогда в России не торговали», Кириллов предложил проложить «через Ташкент в Индию и в Мунгалы, и в Хиву путь». Далее он писал, что намерен для выполнения этого плана отправить летом торговые караваны в Ташкент, Хиву и Бухару³³. Скоропостижная смерть Кирилова не позволила ему практически воплотить свой замысел, однако сбор сведений у бухарцев являлся частью подготовки караванной экспедиции.

Приемник И.К. Кириллова – первый губернатор Оренбурга – И.И. Неплюев, переместивший Оренбург со всем его населением на свое нынешнее место в 1743 г., начал создавать инфраструктуру, которая привлекла бы купцов из Казахской степи и Средней Азии. К началу 50-х гг. XVIII в. в Оренбурге уже имелись купцы, способные вести операции в Средней Азии³⁴.

Важность сообщаемых бухарцами сведений в середине XVIII в. подтверждается и тем, что на основании полученной от них информации командиры пограничных линий принимали решения о передислокации войск. В 1744 г. по «представлению командующих войсками на Иртышской и Тобольской линиях об отсутствии у джунгар намерений нападения на границы Сибири» были внесены изменения в план дислокации воинских частей³⁵. Аналогичные решения военного характера, принимаемые в зависимости от информации бухарцев, можно увидеть и на Оренбургской линии. Так в 1780-е гг. линия подвергалась частым нападениям. После

³⁰ ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IX (1733–1736). № 6576. Стб. 325.

³¹ *Таймасов С.В.* Башкирско-казахские отношения. М., 2009. С. 259.

³² *Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т.* Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2007. Т. VI. С. 5.

³³ Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. С. 138.

³⁴ *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 205.

³⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений 1654–1685 гг. Сборник документов. М., 1996. С. 103.

получения сведений о бухарско-османских контактах с началом новой русско-турецкой войны оренбургский губернатор О.А. Игельстром в 1787 г. приступил к формированию нового башкирского полка³⁶.

Среди знаковых фамилий бухарцев в XVIII в., которых безусловно можно отнести к агентам, следует назвать Шиховых из сибирского г. Тары. Время появления Шиховых в Сибири остается дискуссионным вопросом. Клан Шиховых, обосновавшийся в Тарском уезде, происходил из г. Сайрама в среднем течении р. Сырдарья³⁷. Его представители уже в XVIII в. выполняли ряд дипломатических и разведывательных поручений российских властей. Заметными фигурами на этом направлении был Алим Шихов и его сын – Мурзалея³⁸.

В начале 1740-х гг. сибирская администрация остро нуждалась в знании о быстро меняющейся расстановке политических сил в степи³⁹. 9 апреля 1742 г. Сибирская губернская канцелярия направила определение в Коллегию иностранных дел, в котором сетовала, что в Сибири нет «...такого способного и искусного человека...», которого можно было бы в Степь «...для разведывания о тамошних обращениях послать, как то для здешней предосторожности и уведомления в Иностранную коллегию весьма потребно»⁴⁰.

Согласие А. Шихова на осуществление под видом торговли разведывательной деятельности в казахских и джунгарских улусах было связано в том числе с активной ролью тарских бухарцев и, в частности, самого Алима Шихова в распространении ислама среди тюркского населения Барабинской степи⁴¹. Есть основания полагать, что миссионерская деятельность Шиховых могла быть связана в том числе и с их происхождением из г. Сайрама. Из этого же города примерно в это же самое время происходил Давлат Шах ибн Абд ал-Ваххаб ал-Испиджафи, шейх братства Йасавийа. Давлат Шах ал-Испиджафи также написал по меньшей мере два суфийских трактата, один из которых датирован 1692 г. и был найден и издан А.К. Бустановым⁴².

В то же время проповедь ислама являлась нарушением российского законодательства и повлекла за собой привлечение Алима Шихова к следствию Тобольской «комиссией о татарах и бухарцах», разбиравшей конфликт новокрещенных татар и сибирского митрополита Сильвестра (Гловацкого), с одной стороны, и сибирских мусульман – татар и бухарцев, с другой стороны⁴³. С закрытием тобольской комиссии Алим Шихов был признан невиновным, так как уже через несколько лет его можно увидеть в новой экспедиции. Есть основания полагать, что конечное снятие обвинений с Шиховых связано в том числе и с их значимой ролью в пограничной дипломатии.

³⁶ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения. М., 2009. С. 226.

³⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 208; Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992. С. 84.

³⁸ Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4. С. 140–149; Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019. С. 62.

³⁹ Крих А.А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 36.

⁴⁰ Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 179.

⁴¹ Потанин Г.Н. О караванной торговле с джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1868. Кн. 2. С. 41; Frank A. Varieties of Islamization in Inner Asia: The Case of the Baraba Tatars, 1740–1917 // Cahiers du Monde russe. Vol. 41. № 2/3 (Apr. – Sep., 2000). P. 245–262.

⁴² Бустанов А.К. Говорить «по-бухарски»: персоязычные тексты в Российской империи // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 4. С. 81–92.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 889. Л. 3.

Сын Алима – Мурзалея Шихов, согласно рапорту 1756 г. в Сенат сибирского губернатора Ф.И. Соимонова, выполнял особые поручения в Среднем жузе: «для пропуску его за купечеством в киргиз-кайсацкие улусы и выпуску у них киргисцов находящихся в плену разных родов и верноподданных Е.И.В. всякого звания народов, и родственников своих пленных во время замешания Зюнгорской земли»⁴⁴.

Миссия Мурзалея Шихова в степи затрагивала интересы не только сибирских, но и оренбургских властей – в нее был вовлечен в том числе губернатор И.И. Неплюев. Она интересна еще и потому, что показывает осведомленность российской дипломатии о контактах казахов с империей Цин. В это время с началом третьей ойратско-маньчжурской войны в 1755 г. Джунгария оказалась перед натиском империи Цин. Располагая малыми военными силами на сибирской пограничной линии, Россия столкнулась с экспансией Цин на территории казахского Среднего жуза, правитель которого – Аблай-хан принял сюзеренитет империи Цин в 1759 г.

Любопытно, что вопросный лист для разведки Мурзалея Шихова в 1758 г. сибирский губернатор Ф.И. Соимонов разрабатывал вместе с оренбургским И.И. Неплюевым: «а между тем представлено было господину действительному тайному советнику кавалеру и Оренбургскому губернатору Неплюеву с требованием в какой силе ему Шихову о тамошних заграничных обращениях разведать надлежит резолюции»⁴⁵. Миссия была успешно выполнена. Судя по всему, информация о контактах Абылай-хана с империей Цин была доставлена Мурзалеем Шиховым не в Тобольск, а в Оренбург, т.к. Мурзалея Шихов назван посланцем Оренбургской канцелярии⁴⁶.

Таким образом, в 1740–1760-е гг. можно проследить роль Шиховых в разведке на границах России, соприкасавшихся с империей Цин и Средним жузом. Возвращаясь к тезису Дж. Бербанк об «имперских посредниках», необходимо уточнить, что в случае с Шиховыми их деятельность как мусульман-бухарцев в степях южной части Сибири не всегда была связана с выполнением поручений империи – как видно из материалов «комиссии о татарах и бухарцах», они также проповедовали и ислам.

Однако Шиховы были не единственной фамилией бухарцев, занятых в разведывательной деятельности. С началом русско-турецкой войны 1787–1791 гг. один из сибирских бухарцев – «надежный конфидент» под видом торговца – был направлен на разведку в Бухару по приказу нового командира сибирской линии – Густава Эрнста фон Штрандмана. К сожалению, выяснить имя информатора пока не удалось. Из сохранившего рапорта Штрандмана 1791 г. руководителю коллегии иностранных дел канцлеру Безбородко, выявленного мной в фонде Сибирского приказа, следует, что сибирским бухарцам удалось выяснить факт сношения бухарского хана с Османской империей, ведшей переговоры о совместных действиях против России: «По вступлении моем в командование Сибирским корпусом в 1789 г. открылось здесь известие, что Порты Оттоманская прислав в Бухарию с нарочными письма, соглашает народ сей к восприятию против России на здешний край оружия. Я в то же время для узнания истины посылал со здешней линии надежного конфидента»⁴⁷.

Есть основания полагать, что Штрандман получил сведения именно от сибирских бухарцев. Данные о бухарско-османских контактах в этот период, добытые

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 889. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

⁴⁶ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019. С. 375.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

«конфидентом» Штрандмана, подтверждаются независимым источником. В фонде архива кабинета премьер-министра в Стамбуле сохранились документы, показывающие, что Порты пыталась убедить бухарского правителя выступить совместно против России – для этих целей в Бухару в 1785 г. прибыл посланник Мехмед Саид-ага. От бухарского хана Мир-Масум-шаха Мурада (1785–1800) османский султан требовал выступить против России. По замыслу Порты, бухарцы должны были организовать пропаганду идей газавата среди «казахов и киргизов» Дешт-и-Кыпчака. Впрочем, выступить на стороне Османов в этой войне Бухара не смогла⁴⁸.

Выводы

На основании изложенных фактов мы полагаем возможным говорить о том, что в течение XVII–XVIII вв. бухарцы выступали в качестве посредников между различными акторами на степном пограничье формирующейся Российской империи. Они участвовали в переговорных процессах в роли переводчиков, включались в состав посольств, могли быть допущены до дипломатического церемониала и участвовать в дарообмене. В этих случаях они выступали как посредники – агенты челночной дипломатии, практиковавшейся сибирскими воеводами на степном пограничье. Русские власти могли опрашивать приезжавших с торгом бухарцев, равным образом как и посылать их в степи в качестве самостоятельных агентов. География их миссий включала в себя улусы Кучумовичей, казахских ханов, ойратов, империю Цин.

Таким образом, на протяжении XVII–XVIII вв. бухарцы выполняли важную функцию информаторов российских властей. Поставляемая бухарцами информация влияла на принимаемые военно-политические, например, на дислокацию войск на Сибирской пограничной линии. Следует согласиться с мнением А.А. Крих, что представители элиты бухарцев выполняли различные политические поручения сибирских пограничных структур, а разведка была неотъемлемой частью не только предпринимательства, но и лидерских устремлений.

Привлечение воеводами, а позднее и губернаторами бухарцев к выполнению разведывательных функций позволяло сибирским и оренбургским властям проводить более эффективную политику в степном пограничье, опирающуюся на знание местных реалий. Сведения, сообщенные бухарцами, могли быть использованы русскими властями для составления чертежей и карт, информирования воевод пограничных уездов о военных опасностях, передвижениях войск, выстраивании дипломатических переговоров и других целей.

Поступила в редакцию / Submitted: 24.09.2020

References

- Bahrushin, S.V. *Nauchnie Trudy*, vol. 4. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Bakieva, G.T. “‘To be in Tobolsk among Tatar chiefs...’ (From the family history of the Tatar servicemen Kulmametev).” *Siberian Historical Research*, no. 4 (2015): 10–29 (in Russian).
- Belyakov, A.V., and Maslyuzhenko, D.N. “Siberian-Bukharan-Nogai Relations in the Light of Correspondence between Abdallah, the Khan of Bukhara, and Kuchum, the Khan of Siberia.” *Stratum Plus*, no. 6 (2016): 229–243.
- Bukanova, R.G. *Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke. Istorii stanovleniia gorodov na territorii Bashkirii*. Ufa: Kitap Publ., 1997 (in Russian).

⁴⁸ Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014. С. 107.

- Burbank, J., and Cooper, F. *Empires in World History: Power and the politics of difference*. Princeton University Press, 2010.
- Bustanov, A.K. “Speaking Bukharan: Persian texts in Imperial Russia.” *Islam in the modern world* 12, no. 4 (2016): 81–92.
- Bustanov, A.K., and Korusenko, S.N. “Genealogies of the Siberian Bukharans: the Shikhovs.” *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 4 (2014): 140–149 (in Russian).
- Erofeeva, I.V., and Zhanaev, B.T. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. Vol. 6 of *Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnykh stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dajk-press Publ., 2007 (in Russian).
- Frank, A. “Varieties of Islamization in Inner Asia: The Case of the Baraba Tatars, 1740–1917.” *Cahiers du Monde Russe* 41, no. 2/3 (Apr.–Sep., 2000): 245–262.
- Hafizova, K.S. *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiia v XVIII–XIX vekakh*. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK Publ., 2019 (in Russian).
- Hafizova, K.S., and Moiseev, V.A. eds. *Tsinskaia Imperiia i kazahskie khanstva. Vtoraia polovina XVIII – pervaiia chetvert' XIX vv.*, prt. 1 Alma-Ata: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Konev, A.Y., and Slugina, V.A. “‘Zhalovannoe slovo’ v nakazah sibirskim voevodam: k voprosu o proiskhozhdenii i evolyucii formulyara.” In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniia i arheografii: k 90-letiyu N.N. Pokrovskogo*. Novosibirsk Rossiiskaia: Akademiia Nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut istorii Publ., 2020, pp. 183–193 (in Russian).
- Krih, A.A. “Exploration Activity of the Siberian Bukharians in the Kirghiz Steppe in the 18th Century.” *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies,”* no. 2 (2019): 35–42. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.2.35-42 (in Russian).
- Makhmutov, Z.A. “The roles and activities of Tatar mullahs in Kazakhstan, 18th to mid-21st century.” *RUDN Journal of Russian History*. 20, no. 1 (2021): 61–73 (in Russian).
- Miller, G.F. *Istoriia Sibiri*, vol. 1. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 1999 (in Russian).
- Potantin, G.N. “O karavannoi torgovle s Dzhungarskoi Bukhary v XVIII stoletii.” In *Cheniia v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh*, book 2, prt. 5. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1868, pp. 21–113 (in Russian).
- Potantin, G.N. *Materialy dlia istorii Sibiri*. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1867 (in Russian).
- Puzyrev, I.D. “O nachal'nom periode shertovaniia sibirskikh bukhartsev.” *Voprosy istorii Sibiri*, vol. 16. Omsk: OmGPU Publ., 2019, pp. 140–144 (in Russian).
- Ross, D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana University Press, 2020.
- Sirik, V.A., ed. *Sultany i batyry Srednego zhuzha (vtoraia polovina XVIII v.): sbornik dokumentov*. Almaty: Litera-M Publ., 2018 (in Russian).
- Taymasov, S.U. *Bashkirsko-kazahskie otnosheniia*. Moscow: Nauka Publ., 2009 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2012 (in Russian).
- Tyzhnov, I.I. *Ocherki po istorii Srednei Sibiri XVII–XVIII stoletii*. Tomsk: Tomskogo universiteta Publ., 2013 (in Russian).
- Vasil'ev, A.D. *Znamia i mech ot padishakha. Politicheskie i kul'turnie kontakty khanstv Tsentral'noi Azii i Osmanskoi imperii (seredina XVI – nachalo XX vv.)*. Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN Publ., 2014 (in Russian).
- Vas'kov, D.A. “Otpiska tobol'skikh voevod o russkikh posol'stvakh k sibirskomu tsarevichu Devlet-Gireyu v 1645–1646 gg.” *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiya, filologiya* 14, no. 1 (2015): 158–166 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Пузырев Иван Дмитриевич, младший научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, аспирант департамента истории НИУ ВШЭ в г. Санкт-Петербурге.

Ivan D. Puzyrev, Junior researcher of the Federal Research Center, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; PhD student of the Department of History, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410>

Научная статья / Research article

Караванная торговля среднеазиатских купцов с Россией в первой четверти XIX в.

К.А. Абдрахманов

Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19,
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Аннотация: Представлен анализ трудовой повседневности азиатских предпринимателей, которые в первой четверти XIX в. вели караванную торговлю с Российской империей через города Оренбуржья. В работе рассматривается специфика внешнеторговых операций азиатских предпринимателей из Бухары, Хивы и Коканда в первой четверти XIX в. Данная проблематика является малоизученным направлением в отечественной историографии. Источниковой базой статьи служат неопубликованные архивные материалы, проливающие свет на подробности трудовой деятельности азиатских купцов. Важное значение имеют письменные обращения к региональной и имперской администрации от представителей азиатской торговой среды, а также личные письма иностранных торговцев. В работе проанализированы основные задачи, стоявшие перед предпринимателями, занимавшимися внешнеторговой деятельностью, выявлены организационные особенности в вопросах безопасности караванной торговли. Установлено, что для коммерсантов, успешно занимавшихся караванной торговлей, были характерны морально-психологическая устойчивость, коммуникативность, наличие навыков владения холодным и огнестрельным оружием.

Ключевые слова: Средняя Азия, азиатские купцы, транспортировка, доставка товаров, транзитный торг, купеческий менталитет

Для цитирования: *Абдрахманов К.А.* Караванная торговля среднеазиатских купцов с Россией в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 399–410. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410>

Caravan trade of Central Asian merchants with Russia in the first quarter of the 19th century

Konstantin A. Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University,
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia,
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Abstract: The article analyzes the everyday business activity of Asian entrepreneurs who participated in caravan trade with the Russian Empire through the cities of Orenburg region in the first quarter of the 19th century. The specifics of foreign trade operations of merchants from Bukhara, Khiva and Kokand during this period were almost completely ignored by Russian historians in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods. The source base of this article consists of unpublished archival documents that shed light on the details of the business activities of merchants from Asia. Letters to the regional and Imperial administration made by Asian entrepreneurs, as well as personal letters from foreign merchants are particularly valuable in this regard. Traders had to deal with a long list of tasks. Before the caravan could go along the required route, it was necessary to hire responsible guides,

© Абдрахманов К.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

which was not always possible (guides often turned out to be unreliable, which led to additional expenses for the cargo owners), acquire pack animals, take care of security and prepare a considerable amount of money for various road tolls for travelling through the Kazakh steppe. The merchants who were successful in the caravan trade were characterized by moral and psychological stability, the ability to restrain themselves, not succumbing to momentary desires, and even the skills of using cold weapons and firearms. To resolve issues that were exclusively within the competence of representatives of the Russian regional or central administration, Asian merchants had to possess certain communication skills.

Keywords: Central Asia, Asian merchants, transportation, delivery of goods, transit bargaining, merchant mentality

For citation: Abdrakhmanov, Konstantin A. “Caravan trade of Central Asian merchants with Russia in the first quarter of the 19th century.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 399–410. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410>

Введение

Изучение истории повседневности становится все более перспективным исследовательским направлением. По мнению Ф. Броделя, «повседневность – это мелкие факты, едва заметные во времени и в пространстве»¹. На повседневную трудовую деятельность предпринимателей оказывали влияние различные факторы: климатические, сезонные, политические, экономические, научно-технические, транспортные. Через анализ отдельных, кажущихся незначительными событий и фактов можно передать целостную картину уникального «мира» самостоятельных отраслей купеческого предпринимательства. История политико-экономических связей России и Средней Азии давно приковывает интерес ученых, однако проблематика трудового быта азиатских купцов является малоисследованным направлением.

Обращаясь к историографической основе исследования, необходимо отметить, что в дореволюционный период не появилось специализированных научных трудов, посвященных особенностям торговой деятельности среднеазиатских купцов на оренбургском направлении. Сведения о развитии коммерческих связей России со Средней Азией представлены в основном опубликованными источниками личного происхождения (путевые заметки, мемуары), географическими и статистическими очерками².

В середине XIX в. стали появляться произведения, частично воспроизводящие повседневную жизнь представителей среднеазиатских ханств в городах Оренбуржья. Историк и путешественник П.И. Небольсин оставил воспоминания о пребывании в Оренбурге хивинской торгово-дипломатической миссии в начале 1850-х гг.³ Посетивший Оренбургскую губернию в 1865 г. М. Михайлов описал организацию торговой деятельности азиатских коммерсантов в Гостином дворе Оренбурга⁴.

В советский период, на фоне активного изучения колониальной политики царского режима, интерес исследователей к истории государств Средней Азии проявился с новой силой. Среди них: работы, посвященные изучению процесса превращения среднеазиатских ханств и казахской степи в имперские протектораты⁵, труды, анализирующие торгово-экономические аспекты межгосударственных отношений⁶. Одна-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 39.

² См., например: Рычков П.И. История оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 92.

³ Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 202–203.

⁴ Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб., 1866. С. 32–33.

⁵ См., например: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е XIX в.). М., 1965; Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата, 1948.

⁶ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974; Михалева Г.А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века. Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент, 1991; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960.

ко отсутствовали исследования, посвященные анализу повседневной деятельности азиатских купцов в контексте подготовки внешнеторговых операций.

Современная научная литература концентрируется на вопросах торговой и дипломатической деятельности представителей среднеазиатских ханств, прибывающих в российские пределы для решения задач, связанных с профессиональной деятельностью⁷. В монографии М. Ниязматова рассматривается проблема монополизации поставок сырья из Хивы в Россию представителями крупного хивинского купечества⁸. Некоторые ученые исследуют тематику коммерческого промысла представителей Бухарского эмирата, проживающих на территории России в XVIII–XIX вв.⁹

Анализируя проблематику профессиональной деятельности иностранных купцов, уникальную специфику торговой деятельности азиатских купцов, автором были привлечены материалы личного происхождения, основанные на контактах с кочевыми народами и представителями Центральной Азии¹⁰. Основным пласт источников составили неопубликованные данные из Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а именно фонда Канцелярии военного губернатора, в который поступала информация о внешнеэкономических и внешнеполитических событиях в период с конца XVIII в. до 1881 г.

Климатические и природные особенности Степного края

В работе путешественника и исследователя А. Вамбери, относящейся к началу пореформенных лет, отмечается, что «Россия имеет с Средней Азией гораздо больше сношений, чем все другие иностранные державы»¹¹. Основным партнером империи в области делового обмена являлась Бухара. В начале XIX в. предпринимательское сообщество Бухарского эмирата наладило наиболее тесные, по сравнению с другими государствами Азии, торгово-экономические связи с городами российского приграничья – Оренбургом, Троицкой и Орской крепостями. Из эмирата, как главного рынка Средней Азии, в города Оренбуржья и далее на общероссийский рынок поставлялись хлопчатая бумага, хлопок-сырец, шелк, марена, сухофрукты, продукция животноводства¹². Характеризуя специфику организации этого коммерческого взаимодействия, источник отмечает: «эта торговля производится в степи всегда на верблюдах,

⁷ См., например: *Почкаев Р.Ю.* Эволюция правового статуса бухарцев в российском законодательстве XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 1. С. 53–70; *Шкунов В.Н.* Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX вв. Ульяновск, 2012; *Он же.* Российско-индийские торгово-экономические связи в XVIII–XIX вв. М., 2018; *Тулибаева Ж.М.* Оренбург первой четверти XIX в. в путевых заметках кокандского историка Мухаммада Хакимхана // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 74–81; *Гизатуллин Р.Н.* «Многие бухарцы приезжают сюда пожить на распахку...» (среднеазиатская диаспора в дореволюционном Троицке) // Гороховские чтения: материалы первой региональной музейной конференции. Челябинск, 2010. 170–174.

⁸ *Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 142.

⁹ *Корусенко С.Н.* Торговля и предпринимательская деятельность бухарцев Тары (по материалам переписи населения 1897 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 267–272; *Крих А.А.* Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 35–42; *Никонов О.А.* Инициативы российского правительства по расширению коммерческих связей с азиатскими ханствами в 30–60-х гг. XVIII в. // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 30–33.

¹⁰ *Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873. Степь и оазис. СПб., 1899; *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии в 1863 году. СПб., 1865; *Небольсин П.И.* Рассказы проезжего. СПб., 1854; *Рычков П.И.* История оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

¹¹ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии в 1863 году. СПб., 1865. С. 201.

¹² Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. М., 1859. С. 19.

и называется караванною»¹³. Именно способ доставки товаров из городов Средней Азии к российским границам и обратно порождал основные трудности этого вида коммерции. Немалых физических и психологических издержек стоил предпринимателям длительный путь по безлюдной и безводной местности.

Пребывание в тяжелых климатических условиях казахской степи являлось испытанием на прочность человеческой психики и физических возможностей организма. М. Алиханов-Аварский ощутил на себе экстремальные особенности местного климата во время похода в Хиву 1873 г. «Днем в жару мы задыхаемся, закупоренные под разными бурками и плащами, в надежде заснуть или, по крайней мере, избавиться от страшных кровопийц; пот валит градом», – описал свои страдания российский военный¹⁴. О климатических условиях казахской степи оставил наблюдение А. Ягмин. Он писал, что температура воздуха зимой доходила здесь до минус 30 и даже минус 35 Реомюра, т.е. до минус 37,5 и 43,75 °С; летом – до 37 Р., т.е. 46,25 °С¹⁵.

Руководствуясь такими ориентирами, как своевременное выполнение взятых на себя обязательств по выплате долга, прибытие на место торга в строго определенное время, или имея сведения о благоприятной обстановке в степи, азиатские предприниматели отправлялись в путь и в осенне-зимний период. В октябре 1808 г. в письме оренбургской пограничной таможни министру коммерции Н.П. Румянцеву о возвращении из Оренбурга на родину хивинских купцов отмечалось: «...хивинские купцы и их работники всего 70 человек с накупленным ими товаром, увязанным в 922 тюках больших и малых, на 461 верблюдах, 23 числа сего октября из оренбургского менового двора в степь киргизскую к возвращению в свое отечество выпущены»¹⁶. Погодные условия в осенне-зимней степи были крайне неблагоприятными и наносили дополнительный ущерб здоровью купцов, работников и животных.

Прохождение маршрута Бухара – Оренбург занимало около 60–70 дней (1800 верст)¹⁷, а расстояние Ташкент – Оренбург караван преодолевал в среднем за 50–60 суток¹⁸ (1400 верст)¹⁹. О нередких случаях выхода каравана из стандартных временных рамок при пересечении степи писал А. Вамбери. Автор отмечал, что время движения «бывает продолжительнее или быстрее, смотря по надобности или по какому-нибудь особенному случаю»²⁰. Судя по коллективному посланию группы азиатских купцов, адресованному Г.С. Волконскому, увеличение времени перемещения каравана наносило материальный и морально-физический вред владельцам товара. Адресанты уведомили военного губернатора, что вынуждены отказаться от использования проверенного и удобного маршрута «по причине расстройства вездущего из Оренбурга в Азию тракта»²¹ и готовить имущество «к отправлению чрез Сорочиковскую крепость»²². Хотя, как уверяли торговцы, этот маршрут требовал от них больших издержек, но он был гораздо безопасней²³.

Поскольку путь занимал у купцов до двух месяцев и более, то за этот продолжительный срок караванщиков могли постигнуть разные неприятности. Из-за внезапно

¹³ Очерки Зауральской степи... С. 19.

¹⁴ *Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву... С. 22.

¹⁵ *Ягмин А.* Киргиз-кайсацкие степи и их жители / Сочинение штаб-лекаря Альфонса Ягмина. СПб., 1845. С. 6.

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 276А. Л. 20. Л. 26–26об.

¹⁷ *Янжул И.И.* Исторический очерк русской торговли с Средней Азией. М., 1869. С. 38.

¹⁸ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии... С. 201.

¹⁹ *Янжул И.И.* Исторический очерк русской торговли... С. 39.

²⁰ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии... С. 201.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 276А. Л. 234.

²² Там же.

²³ Там же.

разыгравшейся пустынной бури можно было сбиться с пути. Задержка в дороге могла привести к расходу всего провианта и запасов пресной воды, происходил падеж верховых и вьючных животных, что неминуемо грозило гибелью всему каравану.

Питание купцов во время маршрута было однообразным. О скудости пищевого рациона караванщиков, способного довести человека до морального истощения, оставил воспоминание Н. Уралов, ощутивший в свое время все тяготы долгого путешествия через степь. Он писал: «А хуже всего отравляло путешествие отсутствие пищевого довольствия. Сухари опротивели, баранина, дурно сваренная, часто без соли, без приправ, пресная, словно трава, кумыс подозрительной чистоты, – все это довольно чувствительно отражалось и на здоровье, и на состоянии духа»²⁴. Вкусовые пристрастия жителей Бухары зафиксировал П.И. Небольсин. Автор заверял, что на столе у бухарцев обязательным блюдом была «разварная баранина с небольшим количеством наваара и с щедро наложенными пряностями, которые у Бухарцев во всем имеют почет и место»²⁵. Опираясь на эту информацию, можно предположить, что в случае отсутствия так любимых бухарцами приправ прием в пищу даже привычной для представителей Азии баранины являлся не очень приятным занятием.

Стоит отметить, что в условиях исчерпания продуктовых припасов сопровождающие караван возчики из казахов находились в более выгодном положении, нежели их наниматели, поскольку происходил переход на мясо верховых животных, а конина была излюбленным блюдом степняков. Бухарцы не слишком жаловали такое мясо. П.И. Небольсин писал по этому поводу: «Копченая конина и колбасы из конины же, подаются редко; Бухарцы неохотно и очень немного едят этого мяса: по их словам, оно возбуждает жажду, производит жар и вообще составляет нездоровое кушанье»²⁶.

Наряду с риском погибнуть от жажды или катаклизма природного характера, угрозу для жизни и здоровья людей в тот период представляла и местная фауна²⁷. В источнике был зафиксирован случай нападения тигров на людей кокандского хана Алима в 1816 г.²⁸ Алим-хан пообещал щедро вознаградить смельчаков, которые смогут убить хищников. Картина охоты выглядела следующим образом: «нукера открывают огонь; тигры бросаются на выстрелы и рвут еще нескольких человек, после чего большая часть нукеров разбегается»²⁹. Хищники, не контактировавшие с людьми, использующими современное вооружение, не испытывали чувство страха перед огнестрельным оружием. В результате даже соответствующе оснащенная охрана каравана вряд ли могла полностью обезопасить людей и рабочих животных от нападения диких зверей.

Поиск проводников, аренда верблюдов и меры безопасности во время движения

Несмотря на трудности, азиатские предприниматели активно вкладывали средства в снаряжение торговых караванов, запасались пользующейся спросом в России продукцией, и отправлялись в дорогу. Как отмечал Д.Х. Разаков, «бухарские купцы с риском, часто не надеясь достичь цели, отправлялись вглубь России»³⁰.

²⁴ Уралов Н. На верблюдах: Воспоминания из жизни в Средней Азии. СПб., 1897. С. 170–171.

²⁵ Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. С. 17.

²⁶ Там же.

²⁷ См. об этом подробнее: Абдрахманов К.А. Контакты Оренбуржья и казахской степи в середине – второй половине XIX века по данным архивных источников // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сб. статей междунар. науч.-практич. конф. Оренбург, 2020. С. 158.

²⁸ Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 97.

²⁹ Там же.

³⁰ Разаков Д.Х. Внешние торговые связи Бухарского ханства (60–90 гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995. С. 12.

Деловые операции в Оренбургской губернии осуществляли не только представители крупнейшего бухарского купечества. О государственной принадлежности азиатских предпринимателей, численности купцов и работников в составе торговых миссий, количестве вьючных животных и интенсивности посещения городов Оренбуржья иностранными коммерсантами можно узнать из архивных материалов.

Представленные документы относятся к докладам оренбургской пограничной таможни военному губернатору Г.С. Волконскому. В частности, в источнике написано: «Отправился от сей таможни чрез киргизскую степь хивинский караван на 277 верблюдах. В караване сем отправилось хивинцев 26 человек и отпущено тюков с разным российским и европейским товаром 554»³¹. Далее в докладе отмечается, что в 20-х числах июля 1809 г. «выехали чрез киргизскую степь из Бухарии в меновой двор на наемных двух ста сорока семи верблюдах киргизских бухарские купцы в числе двадцати девяти человек при караванных начальниках Мирхасане Мирабдуллине и Мумбеке Талипове при коих кошелев десять, тюков с товаром больших и малых пятьсот четырнадцать»³².

Предлагаемые данные демонстрируют регулярность посещения азиатскими купцами городов Оренбургской губернии, позволяют оценить размеры их караванов, а упоминание в тексте «киргизских верблюдов», показывает организационные детали рабочего процесса коммерсантов из Азии.

Специфической особенностью караванной торговли являлось отсутствие у купцов возможности осуществить перевоз товаров через степь самостоятельно, то есть при помощи проверенных надежных людей, служивших долгое время своему нанимателю. В деле транспортировки имущества предпринимателям приходилось рассчитывать на помощь проводящих и возчиков из казахских родов. А.И. Левшин акцентировал внимание на том, что именно торговые люди Средней Азии особенно зависимы от наемных проводников и возчиков, вынуждены полностью уповать на честность и ответственность своих проводящих. Используют посредничество казахов «купцы хивинские, бухарские, ташкентские, кашкарские и других соседних городов потому, что не могут достигнуть пределов наших, ни возвратиться из оных иначе, как чрез степи киргизские, где, как известно, нет проложенных дорог, и где странник без путевода и защиты ежеминутно подвержен опасности быть ограбленным, убитым, или умереть от недостатка воды»³³. К тому же большинство среднеазиатских купцов не являлись собственниками верблюдов, а брали их в аренду у казахов-проводников. Об этой специфической черте караванного торгова сказано: «киргизы принимают в этой торговле самое деятельное участие своими верблюдами»³⁴. «Но торговцы, не имеющие своих верблюдов, как например все приезжие бухарцы и некоторые из наших купцов, входят для этого в сношения с киргизским караван-баши», – уточняет отсутствие у бухарцев вьючного скота источник³⁵.

Еще один недостаток услуг, предоставляемых казахами, заключался в утрате владельцем товара контроля за движением каравана. После устного оформления договора с начальником каравана и простыми сопровождающими собственники имущества «теряют всякое право располагать ходом каравана, или вмешиваться в какие-либо по оному распоряжения»³⁶. Время перехода через казахскую степь ста-

³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 276А. Л. 20. Л. 156.

³² Там же. Л. 43.

³³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 397.

³⁴ Очерки Зауральской степи... С. 19.

³⁵ Там же. С. 20.

³⁶ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 398.

новилось для купцов периодом, когда «вожатые делаются господами»³⁷. В результате наниматель и главный владелец груза на необходимый для преодоления опасных степных участков срок терял возможность управлять ситуацией. Подобное положение дел противоречило купеческому менталитету. По мнению Г.К. Гинса: «Максимальное выражение предпринимательской психологии – это ненасытная склонность организовывать...»³⁸. В процессе движения каравана в заданную точку, весь контроль сосредотачивался в руках предводителя возчиков.

В большинстве случаев обеспечить успех доставки товара до пункта назначения могла только надежная и хорошо оснащенная охрана. Как указано в этногеографическом очерке, «кроме извозчиков караван сопровождали всегда вооруженные киргизы, по два или по три десятка на каждую сотню верблюдов»³⁹. Однако не все караваны азиатских купцов имели надежную степень защиты, как по количественным показателям, так и по технической оснащенности сопровождающих. Наблюдался недостаток в огнестрельном стрелковом оружии. Например, вышедший из Оренбурга в 1805 г. караван под предводительством Гафуржана Муминжанова состоял из 160 человек бухарцев (купцов, приказчиков, дипломатов) и 119 работников⁴⁰. В качестве транспорта были задействованы 17 верблюдов и 42 лошади⁴¹. На вооружении охраны имелись 23 сабли и всего 2 ружья⁴². Для сравнения, несколько меньший по размеру караван ростовского купца Александра Кайдалова и казанского предпринимателя Сулеймана Бабанова сопровождала охрана, в арсенале которой значились 5 ружей, 4 пистолета и 4 сабли⁴³.

Несмотря на то, что в бухарском караване имелось достаточное количество живой силы, отразить нападение тренированных в грабежах и хорошо вооруженных кочевников сопровождающие предпринимателей работники вряд ли бы смогли. Подтверждает этот факт письмо из тройки таможи военному губернатору П.К. Эссену, датированное летним периодом 1817 г. В нем было написано следующее: «Некоторые возчики при разграблении караванов, когда делают сопротивление, лишаются жизни. Само по себе видно, что возчики никак не могут сохранить везомые в Бухарию, или сюда товары от сильной грабительской руки...»⁴⁴. Аналогичную картину раскрывает и другой источник: «Шайке удалых наездников не стоило большого труда разбить и ограбить незащищенный караван, и тотчас же скрыться от преследования»⁴⁵.

Нападения на караваны азиатских купцов и их последствия

Большой ущерб интересам, здоровью и жизни купцов всегда наносили нападения банд грабителей. О неудобствах перемещения грузов сухопутным путем при помощи тяглового скота Ф. Бродель писал: «Прибавим сюда немалый риск разбойничьих нападений, которые по всему свету были обычным делом, маргинальным признаком постоянного экономического и социального недуга»⁴⁶. Отправившемуся в путь предпринимателю приходилось ожидать нападения разбойников на всем пути следования каравана.

³⁷ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 398.

³⁸ Гинс Г.К. Предприниматель. М., 1992. С. 63.

³⁹ Очерки Зауральской степи... С. 21.

⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 242А. Л. 1.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 1598. Л. 80.

⁴⁵ Очерки Зауральской степи... С. 21.

⁴⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация... С. 453.

Даже нахождение вблизи крупных городов не снижало угрозы налета. Р.Н. Гизатуллин отмечал, что нападения «случались не только в безлюдной степи, но и буквально у стен города»⁴⁷. А весной 1817 г. директор троицкой таможни М.С. Чекалов в письме военному губернатору П.К. Эссену утверждал, что «никак нельзя поручиться, чтобы караваны купеческие нетокмо за 300 верст от границ могли быть безопасны от грабежа зловердных киргиз-кайсаков, но даже и за 100 верст расстояния легко могут подвергаться несчастному грабежу с большим убытком для торгующего купечества»⁴⁸. Участниками грабительских акций в основном выступали степные кочевники, принадлежавшие к различным казахским родам. В начале XIX в. «хищнические нападения разбойных Киргизов на караваны были делом весьма обыкновенным», – объяснял обстановку в степи источник⁴⁹. В результате обеспечение сохранности имущества в период транспортировки было основной частью повседневных забот купечества, занятого в караванной торговле.

В сентябре 1803 г. бухарские купцы пострадали при нападении кочевников на делегацию поручика Я.П. Гавердовского. Отряд налетчиков насчитывал около 3 тыс. человек, поэтому у казаков, караванной охраны, купцов, приказчиков и извозчиков, общей численностью около 80 человек, не было шансов на победу в противостоянии⁵⁰. Примечательно то, что сведения о потерях азиатских предпринимателей в результате атаки на торгово-дипломатическую миссию Я.П. Гавердовского содержит письмо, составленное именно бухарским купцом. Предприниматель писал, что вместе с императорским посланником в путь отправились бухарцы Мухаррем Ибрай, Ходжихмет и Ниагмет Хан Бай⁵¹. Бухарская составляющая объединенного каравана насчитывала 300 верблюдов, которые везли товар стоимостью 1 тыс. золотых червонцев⁵². Отдельной статьёй в имуществе азиатских купцов значились драгоценные камни⁵³. У сопровождающих российский караван татар имелась сумма в 20 тыс. голландских червонцев. После подсчета потерь было установлено, что «отправленные с ним посланником бухарцами нашими Ходжихметом и Ниагмет Хан Баем яхонты, изумруды и алмазы отбиты да из татарских 20000 голландских червонцев 4600 обратно сюда (в Оренбург. – К.А.) вывезено, а остальные ограблены...»⁵⁴.

Уникальной особенностью эго-материала является сильная эмоциональность текста, когда автор описывает свои чувства и переживания, героизирует приглянувшегося ему участника событий, превращает в антагониста неприятного для него человека. Неизвестный бухарский предприниматель отмечает активность своего земляка при обороне каравана от налета степняков. «Причем наш бухарец Мирнizamутдин, находясь при помянутом посланнике оказал при сшибке с киргизцами великую храбрость и чрез то изобрел себе хорошую славу, а иначе сей посланник был бы совершенно побежденным...»⁵⁵. Абстрагируясь от определенной патетики в освещении вклада бухарского подданного в отражении атак степняков, можно отметить, что купцы, отправлявшиеся в путешествие с караванами, обладали навыками обращения с оружием, были физически крепкими людьми.

⁴⁷ Гизатуллин Р.Н. «Многие бухарцы приезжают сюда пожить на распашку...». С. 170.

⁴⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1552. Л. 19.

⁴⁹ Очерки Зауральской степи... С. 21.

⁵⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24А. Л. 7об.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

Нередко столкновения сопровождающих караван людей с налетчиками приводили к человеческим жертвам. Так, в декабре 1816 г. следовавший из Бухары караван подвергся нападению со стороны подданных хивинского хана. В документе отмечается: «...следовавший с ними российский и бухарского купечества караван более тысячи верблюдов в сторону красных песков в расстоянии от Сыр-Кувана на 300 верст, хивинцами, каракалпаками и трухменцами был ограблен. Причем убито российских приказчиков из татар три, бухарцев 4, возчиков караванных 40 человек, и такое же число ранено»⁵⁶.

Следует подчеркнуть, что тяжелые, практически экстремальные условия ведения дел, обусловленные многочисленными опасностями степных переходов, способствовали формированию особого купеческого менталитета. Их не останавливал даже страх физической расправы в результате разбойничьего нападения на караван. Подобная решительность могла обеспечить финансовый успех в такой рискованно-специфической и нестабильной сфере коммерции. Анализируя трудовую повседневность работников германских промышленных предприятий первой половины XX в., А. Людтке заметил, что «превозмогая ежедневно трудности и часто подвергаясь опасности несчастных случаев на производстве, многие рабочие обретали чувство своенравного упрямства»⁵⁷.

Поддержка бухарских купцов правительством эмирата и властями Российской империи

Официальные лица среднеазиатских ханств, прибывающие с визитом к оренбургскому или общеимперскому руководству, нередко совмещали представительские функции с занятием предпринимательством. Наряду с дипломатической корреспонденцией они привозили в Россию и предметы коммерческого характера. Например, представитель бухарского эмира Мухамед Юсуф Байкишев «проживал в Оренбурге, где совмещал свою дипломатическую функцию с успешной торговой деятельностью»⁵⁸. Желая встретиться с размещившимся в Оренбурге хивинским посланником П.И. Небольсин оставил запись о длительности своего ожидания. «Один только дюжий купчина, как после оказалось, первый секретарь посольства, проходя через переднюю, заметил меня...»⁵⁹. Но даже дипломатический статус посланников не спасал их от разбойничьих нападений при пересечении дикой степной местности.

В сентябре 1801 г. из Правительствующего Сената на имя оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева пришло предписание с просьбой взять под контроль дело ограбленного кочевниками хивинского посланника Исхана Тангрибердина. Представитель хивинского хана подвергся нападению еще в 1781 г., но дело о поиске виновных и возврате утраченного имущества осталось нераскрытым. И. Тангрибердин был застигнут во время следования из Хивы в Оренбург казахами под «предводительством Каратай султана», которые убили нескольких купцов и похитили ценностей на 29,689 тыс. рублей⁶⁰. Поскольку российское правительство держало курс на выстраивание тесных политических и экономических контактов со среднеазиатским регионом, то Н.Н. Бахметеву рекомендовалось оказать немедленное содействие представителю Хивы в поиске и наказании участников налета.

Жертвами нападения номадов на миссию поручика Гавердовского в сентябре 1803 г. стали братья бухарского дипломата Мир Алла-Аддина, находившегося с

⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1552. Л. 34 об. – 35.

⁵⁷ Людтке А. История повседневности в Германии... С. 196.

⁵⁸ Гизатуллин Р.Н. «Многие бухарцы приезжают сюда пожить на распахку...». С. 170.

⁵⁹ Небольсин П.И. Рассказы проезжего... С. 203.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 10А. Л. 2.

официальным визитом в Санкт-Петербурге. Представитель эмирата письменно уведомил министра коммерции графа Н.П. Румянцева о печальной участи своих родственников. В послании было указано: «...для препровождения Гавердовского до Бухарии отправил он с ним двух своих братьев, из которых один при защищении каравана и подданных Вашего Величества жестоко изранен»⁶¹. В результате нападения «потеряли они товаров и дорогих камней на 9,526 руб. 80 коп.»⁶². В качестве компенсации нанесенного вреда здоровью и финансам братьев бухарский посол попросил «Всемилюстивейшего дозволения пропустить ему чрез Астраханский порт 15000 пудов стали»⁶³. Имперское правительство посчитало необходимым удовлетворить просьбу бухарского дипломата⁶⁴.

В декабре 1816 г. начальник направляющегося в столицу эмирата российско-бухарского каравана получил сведения о намерениях хивинцев и туркменов разграбить доверенное ему имущество. Торговцы находились уже в пределах бухарских земель, и гонцу удалось доставить эмиру просьбу о помощи. Конечно, полностью предотвратить преступный умысел подданных хивинского хана не удалось, но подоспевший вооруженный отряд эмира сумел отбить нападение. Как писалось в источнике: «Бухарский владелец приказал нарядить 500 человек команды, которую и отправил на место, где сделан каравану грабеж, и чтобы киргизцы не опасались ничего, с караваном следовали туда (в Бухару. – К.А.)»⁶⁵.

Забывая о финансовом благополучии своих подданных, эмир Хайдар контактировал с руководством Оренбургской губернии. Дело в том, что даже сотрудничавшие с Россией и Бухарой казахские лидеры вносили с бухарских купцов немалые деньги за безопасный проезд через свои улусы. В 1819 г. П.К. Эссен уведомил главу иностранной коллегии К.В. Нессельроде о настоятельной просьбе бухарского правителя добиться от казахской элиты снижения провозной пошлины для своих подданных⁶⁶. Военный губернатор посчитал нужным пойти навстречу в этом вопросе. Из канцелярии П.К. Эссена в подконтрольные империи земли казахов отправилось требование, «чтобы никто не осмеливался чинить каких-либо притязаний караванам, а напротив того, чтобы каждый султан и старшина всеми мерами способствовал заграничной торговле...»⁶⁷.

Можно констатировать, что трудовая деятельность бухарских купцов в городах Оренбуржья протекала в более комфортной и благожелательной атмосфере, нежели торговля российских коммерсантов на рынках азиатских стран. Речь идет о бухарской системе торгового налогообложения, основанной на конфессиональной идентичности предпринимателей. Летом 1819 г. в оренбургскую пограничную таможенную поступили сведения от Абдрашита Абзалилова, работающего приказчиком у ростовского купца 1-й гильдии Кекина. Вернувшийся из Бухары купеческий служащий объявил на таможене, что «пошлина в Бухарии взимается с привозных и отвозных товаров с тамошних подданных по 1-му червонцу с 40 таковых же; равным образом таковая же взывается и с российских купцов магометанского закона; а с россиян в прежние времена взывалась по 1-му червонцу с 20, ныне же с 10 червонцев 1»⁶⁸.

⁶¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 34. Л. 16 об.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Д. 1552. Л. 35 об.

⁶⁶ Там же. Д. 1644. Л. 27.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 25–25об.

Выводы

В начале XIX в. внешнеторговая деятельность коммерсантов Средней Азии на оренбургском направлении формировала особые условия повседневного трудового быта купцов. В указанное время доставка азиатскими купцами продукции коммерческого назначения до мест деловых операций осуществлялась единственно возможным способом в составе торгового каравана. Процесс подготовки товаров к отправке в Россию или обратно был весьма трудоемким и дорогостоящим делом. Прежде всего, необходимо было нанять надежных и опытных проводников из кочевников казахской степи, которые кроме услуг разнорабочих и следопытов обеспечивали караван тягловой силой – верблюдами.

Основной проблемой в деле осуществления торгового предприятия, с которой сталкивались как азиатские, так и российские предприниматели, была транспортировка товаров и грузов через казахскую степь. Обострение политических отношений России с кочевой элитой казахов ставило под угрозу безопасность находящихся в степи караванов. К тому же и во время дипломатического спокойствия на торговых маршрутах постоянно действовали группировки кочевников, для которых грабеж странствующих коммерсантов был основным источником доходов. В результате встречи купцов и налетчиков первые могли не только потерять имущество, но и лишиться жизни. Однако доходы от внешнеторговых операций заставляли купечество Бухары, Хивы и Коканда отправляться в длительный и опасный путь. Размеры прибыли в этом сегменте коммерции были настолько велики, что в рискованное предприятие вкладывались не только потомственные купцы, но и политические деятели Средней Азии.

Если же каравану удавалось беспрепятственно добраться до центров русско-азиатской торговли, расположенных на территории России, то азиатские предприниматели оказывались в достаточно комфортных условиях. Представители азиатских деловых кругов, стараниями которых расширялись и укреплялись экономические связи империи и ханств, не подвергались в России дискриминации из-за подданства, религиозно-культурных предпочтений или внешнего вида. Региональное и имперское руководство старалось защищать торговые интересы иностранных предпринимателей. Указанные аспекты контрастировали с условиями трудовой повседневности российских купцов-экспортеров, которые, находясь с деловым визитом в любом из государств Азии, могли претерпевать различного рода притеснения со стороны местных властей.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.12.2020

References

- Abdrakhmanov, K.A. "Kontakty Orenburzh'ya i kazakhskoi stepi v seredine – vtoroi polovine XIX veka po dannym arkhivnykh istochnikov." In *Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 156–160. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2020 (in Russian).
- Alikhanov-Avanskii, M. *Pokhod v Khivu (kavkazskikh otryadov). 1873. Step' i oasis*. St. Petersburg: Parovaia skoropechatnia Ya.I. Libermana Publ., 1899 (in Russian).
- Apollova, N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v.* Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1960 (in Russian).
- Apollova, N.G. *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII v.* Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1948 (in Russian).
- Brodel, F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*, vol. 1. Moscow: Progress Publ., 1986 (in Russian).
- Gins, G.K. *Predprinimatel'*. Moscow: Posev Publ., 1992 (in Russian).
- Gizatullin, R.N. "Mnogie bukhartsy priezzhayut syuda pozhit' na raspashku..." (sredneaziatskaya diaspora v dorevolutsionnom Troitske)." In *Gorokhovskie chteniya: materialy pervoi regional'noi mu-*

- zeinoi konferentsii*, 170–174. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei Publ., 2010 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Rossia i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX veka)*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Korusenko, S.N. “Trade and entrepreneurial activity of Bukharans of Tara (based on Census of Enumeration of 1897).” *Herald of Omsk University. Series ‘Historical Studies,’* no. 4 (2018): 267–272. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.4.267-272> (in Russian).
- Krikh, A.A. “Exploration activity of the Siberian Bukharians in the Kirghizsteppe in the 18th century.” *Herald of Omsk University. Series ‘Historical Studies,’* no. 2 (2019): 35–42. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.2.35-42> (in Russian).
- Levshin, A.I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei*. Almaty: Sanat Publ., 1996 (in Russian).
- Lyudtke, A. *Istoriia povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voiny i vlasti*. Moscow: ROSSPEN Publ.; Germanskii istoricheskii institut v Moskve Publ., 2010 (in Russian).
- Mikhailov, M. *Orenburgskie pis'ma dlia zhelayushchikh oznakomit'sia s Orenburgom, Orskom, Troitskom, Fortom Aleksandrovskimi dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1*. St. Petersburg: N. Tiblenaikom Press., 1866 (in Russian).
- Mikhaleva, G.A. *Uzbekistan v XVIII – pervoi polovine XIX veka. Remeslo, torgovlia i poshliny*. Tashkent: Fan Publ., 1991 (in Russian).
- Nalivkin, V.P. *Kratkaia istoriia Kokandskogo khanstva*. Kazan: Tipografiia Imperatorskogo universiteta Publ., 1886 (in Russian).
- Nebol'sin, P.I. *Ocherki torgovli Rossii so stranami Srednei Azii, Khivoi, Bukharoi i Kokandom (so storony Orenburgskoi linii)*. St. Petersburg: [S.n.], 1856 (in Russian).
- Nebol'sin, P.I. *Rasskazy proezzhego*. St. Petersburg: Tipografiia Shtaba voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1854 (in Russian).
- Nikonov, O.A. “Initiatives of the Russian government on expansion of commercial communications with the Asian khanates in 30–60 of XVIII century.” *Biznes v zakone*, no. 2 (2011): 30–332 (in Russian).
- Niyazmatov, M. *Poisk konsensusa. Rossiisko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniia v XVI – nachale XX v.* St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2010 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. “Evolution of the Legal Status of Bukharans in Russian Legislation of the 18th–19th cc.” *RUDN Journal of Law* 21, no. 1 (2017): 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70> (in Russian).
- Razakov, D.Kh. “Vneshnie torgovye svyazi Bukharskogo khanstva (60–90 gg. XIX v.)”. PhD thesis, Tashkent State University, 1995 (in Russian).
- Rychkov, P.I. *Istoriia orenburgskaya (1730–1750)*. Orenburg: Tipo-litografiya I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1896 (in Russian).
- Shkunov, V.N. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie vneshnei torgovli Rossiiskoi imperii v XVIII–XIX vv.* Ulyanovsk: UIGU Publ., 2012 (in Russian).
- Shkunov, V.N. *Rossiisko-indiiskie torgovo-ekonomicheskie svyazi v XVIII–XIX vv.* Moscow: RUSAINS Publ., 2018 (in Russian).
- Tulibayeva, Zh.M. “Kokand historian Hakimkhan’s travel notes about Orenburg in the first quarter of the 19th century.” *Ural Historical Journal*, no. 1 (2018): 74–81. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-74-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-74-81) (in Russian).
- Uralov, N. *Na verblyudakh: Vospominaniia iz zhizni v Srednei Azii*. St. Petersburg: P.P. Soikin Press., 1897 (in Russian).
- Vamberi, A. *Puteshestvie po Srednei Azii v 1863 godu*. St. Petersburg: Yu.A. Bokram Press., 1865 (in Russian).
- Yagmin, A. *Kirgiz-kaisatskie stepi i ik hzhiteli*. St. Petersburg: Karl Krai Press., 1845 (in Russian).
- Yanzhul, I.I. *Istoricheskii ocherk russkoi torgovli s Srednei Aziei*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkovi K°) Press., 1869 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Абдрахманов Константин Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Konstantin A. Abdrakhmanov, Kandidat Istoriicheskikh Nauk [PhD in history], Senior Lecturer of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>

Научная статья / Research article

Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика

С.Н. Брежнева

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10,
brezhneva_s_n@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург как средство коммуникативного контакта российской власти с мусульманской элитой. Подчеркивается, что подарки, награды и пышные приемы являлись способом психологического воздействия на эмира и хана. Коммуникативные приемы во время визитов среднеазиатских правителей создавали условия для инкорпорирования мусульманской элиты в российское общество. В результате постепенного изменения взаимоотношений с протекторатами в высших эшелонах власти Российской империи созрел план присоединения данных территорий. Однако из-за противодействия МИДа, являвшегося давним соперником военного министерства в обсуждении среднеазиатских тем, было принято решение об отсрочке данного мероприятия. Во многом российское правительство само создало ситуацию, когда правители протекторатов получили большие полномочия, превышающие статус даже туркестанского генерал-губернатора. Это позволило им считать себя независимыми правителями. К тому же разница менталитета, конфессий и коммуникативной политики приводила к обособлению протекторатов от Российской империи и толкала их в объятия противников России в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Русские протектораты, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Санкт-Петербург, визиты, коммуникативные приемы, подарки, награды, титулы

Для цитирования: *Брежнева С.Н.* Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 411–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>

The visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice

Svetlana N. Brezhneva

Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
10, Petersburgskoe Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia,
brezhneva_s_n@mail.ru

Abstract: This article considers the visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg as a means for the imperial authorities to communicate with the Muslim elite. It argues out that gifts, decorations and lavish receptions were all means to exert psychological pressure on the Emir of Bukhara and the Khan of Khiva. Together with other practices, these were meant integrate the Muslim elite into Russian society. As relations with the protectorates evolved, the Russian government developed

© Брежнева С.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

a plan to annex them. However, the ministry of foreign affairs effectively blocked the move. At the same time, St Petersburg accorded extensive powers to the protectorates' rulers that even exceeded those of Turkestan's governor-general, encouraging them to consider themselves to be independent rulers. At the same time, differences in outlook, faith, and ways to communicate led the protectorates to separate themselves from the Russian Empire and drove them into the arms its enemies during World War I.

Keywords: Russian protectorates, Bukhara Emirate, Khiva Khanate, Saint Petersburg, visits, communication techniques, gifts, awards, titles

For citation: Brezhneva, Svetlana N. "The visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 411–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>

Введение

В 70-х годах XIX в. в основном было завершено присоединение среднеазиатских территорий к Российской империи. Вслед за созданием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. был установлен российский протекторат над бухарскими и хивинскими землями. Согласно договору с Бухарским эмиратом от 23 июня 1868 г. эмир отказывался вести дипломатические сношения с другими странами, кроме России¹. А по «договору о дружбе», подписанном в Шахрисябсе 24 сентября 1873 г., российское правительство должно было иметь в Бухаре своего политического представителя, без согласия которого эмир не мог решать ни внутренние, ни внешнеполитические вопросы².

Аналогично с Хивой 12 августа 1873 г. после капитуляции хана Мухаммада Рахима II был заключен Гендемианский (Гендумянский) договор, по которому хивинский хан признавал себя «покорным слугой императора всероссийского» и отказывался от непосредственных сношений с соседними владетелями и ханами, от заключения с ними торговых договоров без ведома и разрешения высшей русской военной власти в Туркестане³.

Несмотря на то, что правовой статус этих территорий как протекторатов не был закреплен в законодательных документах, отношение к владетелям этих земель со стороны Российской империи позиционировалось как к подданным.

Проблеме взаимоотношений Российской империи с ее протекторатами посвящено немало исследований. Они касаются различных аспектов, написаны в разные периоды развития исторической науки – дореволюционный⁴, советский⁵ и современный⁶, в связи с чем точки зрения авторов на происходящие процессы в про-

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.147. Оп. 485. Д. 298. Л. 49.

² Там же. Д. 301. Л. 16.

³ Гендемианский мирный договор между Россией и Хивой // Под стягом России: сб. архивных документов. М., 1992. С. 348–351.

⁴ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875; Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом: в 2 т. СПб., 1911. 340; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

⁵ Рябинский А.М. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 3–25; Фиолетов И. Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 68–79; Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX начала XX вв. (1873–1917). Л., 1968; Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. М., 1969; Он же. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974; Он же. Россия и Бухарский эмират на западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М., 1975; Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.

⁶ Никитенко Г.Н. Хива под протекторатом Российской империи // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 7–8. С. 30–41; Егоренко О.А. Зарубежная историография англо-русского противоборства в Бухарском эмирате до и после установления Российского протектората // Омский научный вестник. 2007. № 2. С. 20–24; Брежнева С.Н. Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д.Н. Логофета // Вестник Костромского государственного университета имени

текторатах и взаимоотношения с Российской империей отличаются между собой. В данных работах коммуникационная практика, сложившаяся в результате визитов бухарской и хивинской элиты в Российскую империю, затрагивалась лишь частично. Наиболее близкими нашему исследованию являются монография Р.Ю. Почекаева⁷, где рассматривается влияние личностного фактора на взаимоотношения между Российской империей и ее протекторатами, и статья С.В. Дмитриева⁸, посвященная подаркам бухарского эмира во время его визитов в Санкт-Петербург как средству коммуникативного воздействия на русскую элиту.

Между тем коммуникативные приемы являлись важной частью взаимоотношений между Российской империей и ее протекторатами во время визитов правителей Бухары и Хивы в Санкт-Петербург. Визиты дают возможность проследить за видоизменением коммуникативных практик, а в итоге, – выяснить отношение к главам протекторатов, уточнить их правовой статус в Российской империи.

Наша работа построена на анализе архивных документов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве и отражающих визиты правителей российских протекторатов в столицу Российской империи – Санкт-Петербург. Документы дают возможность проследить за выстраиванием и изменением взаимоотношений между Российской империей и ее протекторатами на протяжении более 30 лет – с 80-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны.

Визиты эмира Бухарского в Санкт-Петербург в 80-е годы XIX – начале XX в.

В 70-х годах XIX в. анализ обмена дипломатическими посольствами между Бухарским эмиратом и Российской империей дает основание убедиться в изменении церемониала встречи высокопоставленных гостей в связи с изменившимся статусом главы Бухары.

После подписания договора «о дружбе» 1873 г. русских представителей, даже тех, кто не имел официального статуса, а являлся просто путешественником, в Бухаре встречали очень торжественно: сам эмир Музаффар (1860–1885) «снизошел» до личной аудиенции. Вероятно, причиной такого поведения эмира было опасение, что российские власти могут принять решение о присоединении бухарских территорий к Российской империи⁹. Однако со временем, убедившись в беспочвенности подобных убеждений, эмир стал вести себя иначе, надменностью подчеркивая превосходство своей «царственной особы». Его преемники Сейид Абдул-Ахад (1885–1910) и Сейид Алим-хан (1910–1920) продолжили соблюдение данной традиции.

Эмир Музаффар, являвшийся четвертым эмиром из династии Мангытов, вероятно, никогда не был в России. Время правления Музаффара (1860–1885) было наполнено судьбоносными событиями для Бухарского эмирата. Он потерпел пора-

Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 12–17; *Уразметов М.Т.* Вынужденный компромисс хана Хивинского (конец XIX в.) // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 766–767; *Перевезенцева Т.В.* Бухарский эмират под протекторатом Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань май 2015 г.). Казань, 2015. С. 13–18; *Почекаев Р.Ю.* Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184; *Он же.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // Восточный архив. 2017. Вып. 1 С. 21–30.

⁷ *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начало XX в. М., 2017.

⁸ *Дмитриев С.В.* «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р.П. Рахимова. СПб., 2008. С. 117–129.

⁹ *Почекаев Р.Ю.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // Восточный архив. 2017. Вып. 1 С. 21–30.

жение в войне с Россией, проиграв одно за другим несколько сражений и сдав главный город страны – Самарканд, в результате чего над Бухарским эмиратом был установлен русский протекторат.

В 1883 г. эмир Музаффар был награжден российским орденом Святой Анны I степени, украшенным бриллиантами, что явилось ответным жестом со стороны императора Александра III на пожалование ему ордена Восходящей звезды Бухары. В Бухару награда была доставлена специальным посольством во главе с генерал-майором князем Ф.А. Витгенштейном. Дипломат В.В. Крестовский, находящийся в составе делегации, оставил яркое описание как внешности эмира, так и сдержанности приема, дав ему свое объяснение¹⁰.

Из всех трех эмиров на долю Сейид Абдул-Ахада (в русских источниках Сеид-Мир-Абул-Ахад) приходится большая часть визитов в Российскую империю. Эмир был довольно образованным человеком, полиглотом, немного знал и русский язык. Впервые он посетил Санкт-Петербург в 1883 г., когда официально был признан Александром III наследником бухарского престола. Об этом имеется свидетельство военного министра П.С. Ванновского в письме министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову, в котором он пишет, что «Сейид Абдул-бей... представлял тогда на коронации (Александра III) покойного эмира»¹¹.

Эмиром Сейид-Абдул-Ахад был провозглашен после смерти своего отца Музаффара в октябре 1885 г. Первый официальный визит Сейид Абдул-Ахада «как владельца Бухары», в Российскую империю состоялся в 1893 г.¹² Этому событию предшествовал прием бухарского посольства российским императором Александром III 25 марта 1889 г. Члены посольства присутствовали на церковном параде и получили подарки на сумму 23 тысячи рублей, отпущенные из государственного казначейства. Кроме того, эмиру были пожалованы бриллиантовые знаки ордена Белого орла. В справке, написанной военным министром П.С. Ванновским и прикрепленной к письму, адресованному министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову, был представлен список вещей, подаренных эмиру, его сановникам, лицам, составляющим посольство и слугам «по принятому обычаю одаривать среднеазиатские посольства, прибывающие по разным случаям»¹³. Список подарков впечатляет. Бухарскому эмиру – 18 наименований, в т.ч. парчовый халат, бархатный халат, бархатная шуба, серебряный чайный сервиз с позолоченными орлами и т.п. Для посланца эмира Джан Мирзы бея Перваначи – 9 наименований, для старшего советника посольства Мирзы Насрулла бея – 7 наименований. Не были забыты свита, прислуга и конюхи¹⁴.

Вообще визит эмира был назначен и утвержден российским императором на июль 1892 г. Шла подготовка. Генерал-губернатором Туркестанского края бароном А.Б. Вревским были отправлены телеграммы о желании эмира, собиравшегося прибыть вместе с сыном, после Петербурга посетить Тифлис и Владикавказ, а также о количестве человек, следовавшим вместе с ним. Эмиром были подготовлены подарки в Петербург – 30 лошадей при 15 конюхах. Велась обширная переписка между военным министром П.С. Ванновским, министром императорского двора И.И. Воронцовым-Дашковым и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества Н.С. Петровым по согласованию маршрута следования эмира. Сейид Абдул-Ахада ожидали в Петербурге 12–15 июля 1892 г. Однако ввиду разразившейся в

¹⁰ Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887. С. 134–136.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 23 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 901. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 3–5.

Средней Азии холерной эпидемии «император выразил желание, чтобы эмир отложил свою поездку до более благоприятного времени»¹⁵.

В результате эмир отправился в путешествие из Бухары 7 декабря 1892 г., о чем туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский сообщил военному министру П.С. Ванновскому¹⁶. В свою очередь Ванновский уведомил министра Императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова о маршруте следования эмира. Предполагалось, что эмир проследует в Баку, затем пароходом каспийской флотилии в Тифлис, Владикавказ, Рязань и Москву, после чего пребудет в Петербург. Для встречи эмира в Баку был откомандирован полковник Генерального штаба Д.В. Путята, на которого были возложены обязанности приема и размещения эмира. Общие заботы относительно пребывания эмира в Петербурге возлагались на заведующего Азиатской частью Главного штаба генерал-лейтенанта А.П. Проценко. Для представления эмира императору было задействовано министерство иностранных дел¹⁷.

17 декабря 1892 г. эмир Сейид Абдул-Ахад прибыл в Баку на пароходе, торжественно встреченный первыми лицами города и полковником Д.В. Путятой, который должен был его сопровождать до Петербурга. В доме Гасан-бека, где остановился эмир, ему нанес визит губернатор Бакинской губернии В.П. Рогге. По пути дальнейшего следования эмира его встречали вице-губернаторы, в Тифлисе эмир нанес визит Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе С.А. Шереметеву, после чего последний посетил эмира в Москве. Подробную запись о своем посещении Баку и Тифлиса Сейид-Абдул-Ахад оставил в своем дневнике¹⁸.

В Москве вначале предполагалось размещение эмира в одной из лучших гостиниц. Однако Д.В. Путята в телеграмме сообщил, что это было бы «крайне нежелательным» и предложил разместить его в Кремлевском дворце, что и было сделано¹⁹. В Большом Кремлевском дворце эмир проживал с 27 по 31 декабря 1892 г. Согласно подробному реестру, визит эмира в Москву обошелся казне в 3 тыс. 209 руб. 65 коп.²⁰

1 января 1893 г. эмир Сейид-Абдул-Ахад прибыл в Петербург по Николаевской железной дороге. На следующий день поступили подарки эмира царствующим особам. Дары были подробно описаны в журнале «Нива». Из них особенно выделялись сабля в золотых ножнах, осыпанных бриллиантами, предназначавшаяся в дар русскому императору, и сшитый сплошь из жемчуга зонтик для императрицы. Подробно расписывались лошади различных пород, предназначенные для подарков царской семье²¹. Забегая вперед, следует отметить, что в результате последующих визитов эмира в Санкт-Петербург в столице скопилось огромное количество дорогостоящих подарков. Некоторые из них пополнили музейные собрания, но в основном они скапливались во дворцах, принадлежащих царской фамилии²². Принято было одаривать также и чиновников самого различного ранга, в том числе находящихся в Туркестанском генерал-губернаторстве.

На страницах журнала «Родина» кроме описания визита и подарков эмира Бухарского был представлен словесный портрет «Его Светлости» (данный титул был

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Там же. Л. 20–22.

¹⁸ Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского / пер. И. Гаспринского. Казань, 1894.

¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 29, 30.

²⁰ Там же. Оп. 17. Д. 238. Л. 1.

²¹ Подарки эмира Бухарского, поднесенные Государю Императору, Государыне Императрице и другим Членам Августейшего Дома // Нива. 1893. № 3. С. 74.

²² См.: *Дмитриев С.В.* «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб., 2008. С. 119.

пожалован эмиру в этом году): красиво сложенный брюнет, «с очень выразительным лицом и большой, черной, как смоль, окладистой бородой»²³. Сохраняя пиетет по отношению к высокопоставленной особе, журнал сообщал о том, что эмир, являясь поклонником русской культуры, переносит ее в свою страну. Он уничтожил невольничество, сократил армию, уничтожил тюрьмы и т.п. Все это, безусловно, являлось явным преувеличением.

Вместе с Сейид Абдул-Ахадом прибыл его двенадцатилетний сын Сейид Алим-хан, который по просьбе эмира и с согласия императора был официально признан наследником бухарского престола²⁴. Тот факт, что он был определен в Николаевский кадетский корпус, где обучался в течение трех лет, свидетельствует о постепенном инкорпорировании мусульманской элиты в российское общество. Будущий, последний эмир Бухары в совершенстве знал русский язык, во время учебы приобрел много друзей и знакомых среди детей высших чинов империи. По окончании учебы в апреле 1896 г. он был произведен в хорунжие с зачислением по Терскому казачьему войску и с присвоением звания «флигель-адъютант». В Бухару он вернулся с титулом Наследника Его Высочества Бухарского эмира.

Эмир был размещен в Зимнем дворце в покоях, которые до него занимал персидский шах. Чиновники были расквартированы по наемным помещениям²⁵.

Распространенной практикой было также и взаимное награждение орденами не только первых лиц государства, но и их родственников. Так, уже после завершения своего визита в Петербург, в октябре 1893 г. эмир Бухарский послал Великому князю Владимиру Александровичу (брату императора Александра III) бриллиантовые знаки бухарского ордена Короны с лентой, о чем сообщил в письме²⁶. Этот орден был учрежден Сейид Абдул-Ахадом в 1886 г., и присуждался как местным чиновникам, так и представителям русской администрации.

После смерти российского императора Александра III эмиру Бухарскому был пожалован портрет императора стоимостью 3 тыс. 992 руб. для ношения на груди. Его предполагалось доставить в Бухару с посланцем Астанкулом-бием-Диванбеги²⁷.

В 1896 г. эмир вновь посетил Санкт-Петербург по случаю коронации Николая II. В этот раз 12 мая 1896 г. император пожаловал Бухарскому эмиру титул «Высочество»²⁸. Поскольку хану хивинскому в это же время было пожаловано звание «Сиятельство»²⁹, можно заключить, что эмира расценивали в России, как более значимую фигуру, т.к. титул «Высочество» применяли только к принцам крови, а «Сиятельство» – к князьям и графам. Это обстоятельство позволяло Российской империи играть на чувствах правителей своих протекторов.

Ранее в 1894 г. был принят закон о включении Бухарского эмирата, равно как и Хивинского ханства, в единую с Российской империей таможенную черту, что предполагало будущую экономическую интеграцию с данными государствами при сохранении их юридической самостоятельности³⁰. На этот же период (1893 г.) приходится проведение денежной реформы в Бухарском эмирате, вызванной финансовым

²³ См. *Недвецкий А.Г.* Правители Бухары. URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (дата обращения: 14.04.2021).

²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 52. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 192. Л. 1, 4.

²⁸ Там же. Д. 732. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ См. *Почакаев Р.В.* Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2016. № 3. С. 181.

кризисом. Это побудило русское правительство настоять на переходе к чеканке бухарской танги с лигатурой, равной русскому двугривенному, что «будет равносильно полному монетному объединению с Россией»³¹, как писал в письме министру финансов туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский. Теперь эмир не имел права возобновлять чеканку танги без согласия туркестанского генерал-губернатора.

С этого времени отношения между Россией и среднеазиатскими территориями стали видоизменяться, обеспечивая империи большее влияние на внутреннее развитие ханств, что сказалось на отношениях между правителями государств.

В следующий раз эмир Сейид Абдул-Ахад посетил Россию летом 1898 г. В мае этого года военным министром А.Н. Куропаткиным было внесено предложение относительно сокращения подарков со стороны эмира туркестанскому генерал-губернатору. Однако, будучи знатоком среднеазиатских обычаев, А.Н. Куропаткин призывал действовать дипломатично, учитывая восточную психологию, чтобы не затронуть чувства эмира отказом³². Тем не менее в августе 1898 г. по ходатайству Куропаткина и с согласия императора было принято решение о прекращении посольств с подарками к туркестанскому генерал-губернатору³³. Эмир был поставлен в известность через политического агента в Бухаре. Однако подарки продолжали отправляться в Ташкент. На Санкт-Петербург и Россию в целом это решение не распространялось, и вопрос этот не обсуждался до 1910 г.

В 1898 г. на подарки эмиру и его сопровождающих было отпущено 7 тыс. 40 руб. из кабинета ЕИВ, в том числе медальон с портретом императора, украшенного бриллиантами для ношения на груди, для эмира на сумму 5 тыс. 815 руб.³⁴

Зимой 1902 г. эмира встречали с такой же пышностью, как и монархов иностранных государств. В Москве эмир пробыл с 6 по 9 февраля 1902 г., останавливался в Большом кремлевском дворце. Согласно ведомости Московского дворцового управления, для встречи эмира был открыт кредит в 900 руб. 38 коп. для оплаты по счетам³⁵. На пребывание эмира в Москве на обратном пути с 24 по 26 февраля испрашивалась сумма кредита в 870 руб. 05 коп.³⁶ За время пребывания эмира в Петербурге с 10 по 23 февраля из кабинета Его Императорского Величества было отпущено подарков на сумму 15 тыс. 019 руб., на счет военного министерства было отнесено чуть более двух тысяч рублей³⁷.

На оплату пребывания эмира со свитой и подарки средства изымались из канцелярии министра Императорского двора, занимавшейся обеспечением его деятельности, а также из кабинета ЕИВ, ведавшего личным имуществом императорской фамилии, а также из военного министерства. Если судить по переписке между ними, постоянно шли споры по поводу выделения необходимой суммы. Так, например, на просьбу военного министра в 1898 г. был получен категорический отказ от управляющего кабинетом Н.С. Петрова, который писал, что расходы на подарки в этот раз не могут быть отнесены на средства кабинета ЕИВ³⁸. Однако, согласно документам, средства все-таки были выделены.

В 1906 г. эмир прибыл в столицу 19 ноября около 8 часов вечера. По сложившейся уже практике его визиту предшествовали телеграммы туркестанского генерал-губернатора, составление списков прибывающих вместе с ним, включая политического агента в Бухаре действительного статского советника Я.Я. Лютша и военного

³¹ РГИА. Ф. 570. Оп.76. Д. 3565. Л. 4 об.

³² Там же. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 175 об.

³³ Там же. Л. 176 об.

³⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 928. Л. 7.

³⁵ Там же. Оп. 14. Д. 1000. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Там же. Оп. 8. Д. 928. Л. 2.

³⁸ Там же. Оп. 13. Д. 2239. Л. 2.

переводчика Д. Асфендиарова, а также переписка между ведомствами по поводу подарков, получаемых от эмира и вручаемых ему³⁹. В секретном письме военного министра генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера на имя управляющего Кабинетом ЕИВ князя Н.Д. Оболенского от 19 октября 1906 г. сообщалось о том, что в связи с неблагоприятной обстановкой в стране (вероятно, имелись в виду недавние революционные события) отнесение всех средств на встречу и подарки эмиру за счет казны могут вызвать нежелательные толки населения. Поэтому он высказывал предложение о внесении большей суммы на пребывание эмира из ведомства Кабинета, сократив при этом итоговую сумму до 25 тыс. рублей. Остаток, могущий образоваться в результате расходования средств, отнести в распоряжение Кабинета ЕИВ⁴⁰.

На сообщение князя Н.Д. Оболенского императору о предложении военного министра от 21 октября 1906 г., на подлиннике имеется запись: «Высочайшее соизволение последовало»⁴¹. Правда, Оболенский, вероятно, по собственной инициативе, снизил изначальную сумму до 20 тыс. руб. Из государственного казначейства на приезд эмира также были отпущены 20 тыс. руб.⁴² Подарки были вручены эмиру и сопровождавшим его лицам 27 ноября 1906 г. в Зимнем дворце⁴³.

Ранее, 22 ноября 1906 г., в Царскосельском Александровском дворце были вручены подарки эмира Сейид Абдул-Ахада царствующим особам⁴⁴. Вещи, поднесенные императору, должны были храниться в Эрмитаже, а подарки цесаревичу – в камеральной части Кабинета ЕИВ.

Накануне последнего приезда в Санкт-Петербург эмира Сейид Абдул-Ахада также обсуждались суммы, которые следовало отпустить на подарки. В послании военного министра генерала В.А. Сухомлинова министру императорского двора барону В.Б. Фредериксу от 1 декабря 1909 г. называется размер предполагаемой суммы в 15 тыс. руб. Сообщается также, что в предстоящий приезд предполагается преподнести эмиру оружие⁴⁵. Барон Фредерикс в свою очередь испросил у императора разрешение на отпуск кредита из Кабинета ЕИВ в 15 тыс. рублей, на что получил Высочайшее согласие⁴⁶. Таким образом, расходы на подарки постепенно сокращались.

В 1909–1910 гг. возобновилось обсуждение по поводу подарков эмира высокопоставленным чинам империи, начатое еще военным министром А.Н. Куропаткиным в 1898 г. 10–11 августа 1909 г. в Ташкенте под председательством туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова состоялось Совещание, на котором было высказано единодушное пожелание о запрещении принимать подарки⁴⁷. 28 января 1910 г. этот вопрос обсуждался уже на заседании Совета министров. На нем было отмечено, что подношения эмира Высочайшим особам имеют характер «как бы дани». Такую дань «токсан-тартук» по сложившемуся обычаю самому эмиру преподносят зависимые от него беки. В итоге было принято решение о нежелательности упразднить этот обычай, подчеркивавший зависимость эмирата от Российской империи⁴⁸.

Визит эмира в 1910 г. совпал с 25-летием его правления в Бухарском эмирате. В честь этого события эмиру был преподнесен бриллиантовый орел к цепи ордена Андрея Первозванного, образца для нехристиан, пожалованного эмиру в 1908 г.⁴⁹

³⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 288. Л. 38–39.

⁴⁰ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 928. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 2 об.

⁴² Там же. Д. 1040. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 928. Л. 24.

⁴⁴ Там же. Л. 29.

⁴⁵ Там же. Д. 1040. Л. 1 об.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 193.

⁴⁸ Там же. Л. 177.

⁴⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1040. Л. 15.

Специально для торжественного события был изготовлен нагрудный бриллиантовый знак для ношения на Андреевской ленте с цифрой «XXV». 8 февраля 1910 г. заведующий камеральной частью Кабинета ЕИВ гофмейстер Высочайшего двора докладывал о вручении подарков эмиру и его свите⁵⁰.

Этот визит эмира был ознаменован еще одним знаковым событием. Сейид Абдул-Ахад еще ранее испросил у русского правительства разрешения на постройку мечети в Санкт-Петербурге, пожертвовав 350 тыс. руб. на выкуп земельного участка для нее, и 100 тыс. на само строительство. Кроме того, им был организован сбор средств среди бухарских купцов для этой цели. Было собрано более 200 тыс. руб.⁵¹ Властями Санкт-Петербурга церемония официальной закладки мечети была приурочена к 25-летию юбилею правления эмира и состоялась в его присутствии 3 февраля 1910 г. Мечеть стала крупнейшей в Европе, и сегодня она является украшением северной столицы. Как было написано в известном петербургском издании «Нива»: «...эмир был совершенно счастлив и очень рад тому, как принимало его население Санкт-Петербурга. Уезжая, он заявил, что “в этот радостный для него, как мусульманина, день, жертвует 5000 рублей для бедных столицы”»⁵². На 159 странице издания была помещена фотография эмира в окружении мусульман столицы.

Закладкой мечети в Санкт-Петербурге эмир Сейид-Абдул-Ахад как бы поставил точку в своих деяниях в Российской империи. В ночь с 22 на 23 ноября 1910 г. он скончался в Кермине, о чем туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов немедленно доложил в Петербург, предварительно предложив наследнику эмира Тюрю-Джану Сейид-Мир-Алиму взять в свои руки бразды правления⁵³. Сам Сейид Мир-Алим в телеграмме императору сообщал о смерти отца и о том, что он, согласно указанию туркестанского генерал-губернатора, переданного через политического агента в Бухаре Я.Я. Лютша, «вступил во временное управление страной». Примечательна подпись: «флигель-адъютант Сейид-Мир-Алим». 25 декабря министр иностранных дел С.Д. Сазонов испросил разрешение у императора именовать нового эмира «Высочеством», на что Николай II ответил согласием. Эмир также выслал Я.Я. Лютшу 100 тысяч рублей и просил представить их в общество Красного Креста в память его покойного отца, «всегда сочувственно относившегося к нуждам сего общества»⁵⁴.

Уже 11 мая 1911 г. нового эмира принимали в Санкт-Петербурге. В апреле последовала традиционная переписка, начинавшаяся, как обычно, с телеграммы туркестанского генерал-губернатора, содержащей список сопровождающих эмира лиц. Согласно установленному порядку эмира должны были встречать в губернских городах администраторы и чины местной полиции. Из Оренбурга его сопровождали до столицы⁵⁵. Здесь визит эмиру должны были нанести все министры.

Ввиду издержек Кабинета ЕИВ было решено ассигновать на встречу эмира 15 тыс. рублей⁵⁶. В день Высочайшей аудиенции «Его Высочество эмир Бухарский, числящийся по Терскому казачьему войску, флигель-адъютант полковник Сейид-Мир-Алим был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту ЕИВ»⁵⁷. Кроме того, эмиру лично императором был вручен орден Белого Орла с бриллиантами⁵⁸.

⁵⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1040. Л. 24.

⁵¹ *Недveckий А.Г.* Правители Бухары. URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (дата обращения: 14.04. 2021)

⁵² Закладка мечети в Санкт-Петербурге // *Нива*. 1910. №8. С. 160.

⁵³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 225.

⁵⁴ Там же. Л. 229, 233, 243.

⁵⁵ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167. Л. 2–2 об., 10–10 об.

⁵⁷ Там же. Л. 13.

⁵⁸ Там же. Л. 21 об.

Следующий приезд эмира Сейид Мир-Алима в феврале 1913 г. был приурочен к празднованию 300-летия дома Романовых. Для этой цели был приглашен и хивинский хан. На встречу эмира было отпущено из Кабинета ЕИВ 15 тыс. руб., а хивинского хана – 10 тыс. руб.⁵⁹. В честь празднования выдающейся даты для эмира был изготовлен портрет императора, украшенный бриллиантами стоимостью 5 тыс. руб., который был доставлен для вручения в Зимний дворец 23 февраля в 10 часов утра⁶⁰. Двумя днями ранее 21 февраля в еще строившейся мечети в Санкт-Петербурге в присутствии Сейид Мир-Алима было совершено первое торжественное богослужение, приуроченное к празднованию 300-летия царской династии Романовых.

В последний раз эмир был в Санкт-Петербурге в 1915 г. 30 декабря он был произведен в генерал-лейтенанты по Терскому казачьему войску и назначен генерал-адъютантом. Тот факт, что на деньги эмира в Санкт-Петербурге для него был выстроен дом, свидетельствует о перспективе дальнейшего взаимодействия с Российской империей. Однако восстание в Средней Азии 1916 г., а затем и случившаяся в России революция положили конец дальнейшим официальным отношениям.

Визиты хивинского хана в Санкт-Петербург в конце XIX – начале XX в.

Политика России в Хивинском ханстве после заключения Гендумианского договора была аналогична той, которую проводила империя в других районах Средней Азии. Тем не менее, она имела ряд особенностей. До завоевания Хивы ханство оставалось потенциальным противником России. Еще свежи были в памяти жестокая расправа над отрядом А. Бековича-Черкасского в 1717 г. и неудачный поход оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского в 1833 г. Кроме того, Хивинское ханство открыто противостояло России. Хивинский хан Мухаммад-Рахим (1864–1910), являвшийся политическим долгожителем, т.к. правил он 46 лет, во взаимоотношениях с туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом всячески подчеркивал свое превосходство, не соглашаясь ни на какие переговоры. Когда русские войска заняли Хиву, хан бежал, полагая, что прощен он не будет никогда. Несмотря на значимые кандидатуры претендентов на хивинский престол (дядя и брат хана), К.П. фон Кауфман сделал ставку на действующего главу государства, который, в конечном итоге, и вынужден был подписать договор о вассалитете.

В знак расположения император Александр III в 1883 г. распорядился наградить хивинского хана во время его визита в Санкт-Петербург Орденом Святой Анны I степени с бриллиантами. Эта награда утверждалась за заслуги на государственном поприще, поэтому жест императора можно рассматривать как реверанс в отношении своих вассалов (эмиру бухарскому орден был доставлен в Бухару в этом же году). В 1891 г. последовало награждение хивинского хана орденом Белого орла, являвшимся династической наградой, причем бухарскому эмиру аналогичный знак был вручен два года спустя во время его визита в Санкт-Петербург.

В 1896 г. хан Мухаммад-Рахим прибыл в Санкт-Петербург на коронацию Николая II. 7 мая он и Бухарский эмир Сейид Абдул-Ахад были торжественно приняты императорской четой в Петровском дворце. В честь коронации хан получил бриллиантовый вензель Его императорского Величества Николая II. Кроме того, ему был пожалован титул «Сиятельство»⁶¹.

26 мая 1896 г. туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский обратился к министру Императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову с письмом, в котором ходатайствовал о возвращении хивинскому хану Сейид-Мухамеду-Багадурю головного убора, взятого во время штурма ханского дворца в Хиве в 1873 году рус-

⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1336. Л. 1 об.

⁶⁰ Там же. Л. 5, 13.

⁶¹ Там же. Оп. 8. Д. 732. Л. 4.

скими войсками и находящимся ныне в Эрмитаже. Хан видел свою фамильную реликвию в Эрмитаже во время его посещения в 1883 г. и желал бы ее вернуть. Подчеркивалось, что головной убор этот не имеет большой ценности, но для хана представляет бесценную память, т.к. перешел к нему от его предков⁶². В ответном письме И.И. Воронцов-Дашков информировал А.Б. Вревского «О Величайшем разрешении Государя о возвращении сего головного убора»⁶³.

В 1900 г. хивинский хан был награжден Орденом Святого Александра Невского. В этом году наследник хивинского престола Сейид Асфендиар-Тюря во время своего визита в Санкт-Петербург получил орден Святой Анны I степени с бриллиантами, установленный для нехристиан, и вензель Его Величества, также украшенный бриллиантами. Сопровождавшая его свита была награждена золотыми (5 штук) и серебряными (7 штук) часами⁶⁴. В кассу министерства императорского двора было внесено 4 тыс. 216 руб. за доставленные из Кабинета ЕИВ подарки для наследника хивинского хана и сопровождавшим его лицам⁶⁵.

16 сентября 1905 г. в докладе по Главному штабу военного министра генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера была озвучена просьба туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Тевяшева. Последний неоднократно докладывал о своих встречах с хивинским ханом, во время которых он имел возможность убедиться в искренней преданности хана лично императору и Российской империи в целом. Несмотря на не совсем удовлетворительное состояние своего здоровья, Сейид Мухамед-Рахим-хан старается лично следить за спокойствием и порядком в своих владениях и сдерживать по возможности туркменские племена. Указывалось, что большую помощь в управлении ему оказывает наследник Сейид Асфендиар-Тюря. Ввиду всего сказанного туркестанский генерал-губернатор ходатайствовал о награждении хивинского хана портретом императора, усыпанного бриллиантами, для ношения на груди. Наследника хивинского хана предлагалось произвести в чин полковника⁶⁶.

С 1902 г. хивинский хан носил титул «Ваша Светлость». Хотя в этом отношении хан уступал Бухарскому эмиру, носившему с 1896 г. титул «Высочество», однако достоинство «Светлость» было выше дарованного хану «Сиятельства» в том же 1896 г. Последней высочайшей наградой хивинскому хану было производство его в январе 1904 г. в генералы от кавалерии, а наследника – в Войсковые старшины по Оренбургскому казачьему войску. В подлиннике за подписью А.Ф. Редигера от 18 сентября 1905 г. стоит запись «Высочайшее соизволение на испрашиваемое последовало»⁶⁷.

20 сентября 1905 г. начальник Азиатского отдела Главного штаба генерал-майор Ф.Н. Васильев обратился в камеральное отделение Кабинета ЕИВ с просьбой об изготовлении и присылке в возможно непродолжительное время медальона с портретом Николая II, украшенного бриллиантами стоимостью в 5 тыс. руб., для подарка хивинскому хану⁶⁸.

Хивинский хан Сейид-Мухамед-Рахим бывал в Санкт-Петербурге гораздо реже бухарского эмира. Однако он не был обойден монаршей милостью. В 1907 г. он получил бриллиантовые знаки к Орденом Александра Невского, а в 1908 г. ему был пожалован Орден Святого Владимира I степени.

⁶² РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2130. Л. 1.

⁶³ Там же. Л. 3.

⁶⁴ Там же. Оп. 8. Д. 411. Л. 11.

⁶⁵ Там же. Л. 12.

⁶⁶ Там же. Д. 901. Л. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 4.

В отношении подарков хивинскому хану – денег на них отпускалось всегда меньше, нежели Бухарскому эмиру, в случае, когда они пребывали в Санкт-Петербург вместе. Однако на описанном выше заседании Совета министров 28 января 1910 г., где обсуждался вопрос об упразднении подарков, Хивинскому ханству также было уделено внимание, как и на совещании туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте. В пространном ответе Министерства иностранных дел говорилось: «В вопросе о Хивинском ханстве, положение которого в значительной степени отличается от положения Бухарского эмирата, МИД присоединяется к принятому в Ташкенте решению и полагает сохранение в отношении этого ханства «статус кво» по тем же соображениям, что и в Бухаре»⁶⁹. В заключение МИД приветствовал меры к прекращению обычая подношения как эмиром бухарским, так и ханом хивинским подарков местной русской администрации⁷⁰.

Удивительно, но оба правителя российских протекторатов покинули этот мир в один год с разницей в четыре месяца. Хан хивинский Сейид-Мухамед-Рахим ушел в мир иной 16 августа 1910 г., скончавшись от паралича сердца. Об этом печальном событии немедленно доложил туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов в телеграмме, где говорилось также о том, что согласно «Высочайшему соизволению» в управление ханством вступил Сейид-Асфендиар-Тюрк⁷¹.

Асфендиар-хан дважды с официальными визитами посещал Санкт-Петербург, причем оба раза они совпадали с визитом бухарского эмира, вероятно, не случайно. Пышные приемы отходили в прошлое, денег в казне не хватало. Экономнее было принимать обоих правителей протекторатов одновременно, при этом на прием хивинского хана денег отпускалось меньше, чем на прием бухарского эмира.

Вот и на встречу хивинского хана 26 мая 1911 г. было отпущено из Кабинета ЕИВ 10 тыс. руб., тогда как на прием бухарского эмира 15 тыс. руб.⁷² Также как во время встречи бухарского эмира порядок встречи в туркестанских городах всецело зависел от туркестанского генерал-губернатора. В губернских городах России генерал-губернаторы должны были наносить визит хану только в случае его длительной остановки в этом городе. А встречать на вокзале хана должны были их представители. В Москве хана должен был встретить штаб-офицер, который препровождал его до столицы. А в Петербурге хана встречал Начальник Азиатской части Главного штаба генерал-майор С.В. Цейль. До представления императору Хивинский хан должен был нанести визиты премьер-министру и некоторым министрам, а также получить ответные визиты. Срок пребывания хана ограничивался 10–14 днями⁷³. Такой порядок соблюдался и в следующий приезд хана в 1913 г.

Министр Императорского двора В.Б. Фредерикс по соглашению с военным министром представил императору список подарков для хивинского хана на сумму 8 650 руб., а также знаки ордена Белого Орла для личного вручения императором 27 мая 1911 г.⁷⁴ Еще в 1910 г. в бытность Асфендиар-хана наследником ему было присвоено звание генерал-майора, а во время визита 1911 г. он был зачислен в свиту Его Величества.

В следующий раз Асфендиар-хан прибыл в Санкт-Петербург в 1913 г. на празднование 300-летия правления династии Романовых. Как уже отмечалось, Бухарскому эмиру был пожалован портрет ЕИВ, украшенный бриллиантами. Военный министр В.А. Сухомлинов интересовался у временного управляющего Министерства

⁶⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 179 об.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 214.

⁷² Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167. Л. 2–2 об., 10–10 об.

⁷³ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.

⁷⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167. Л. 23.

императорского двора В.С. Кочубея будет ли подобный подарок вручен Хивинскому хану⁷⁵, на что был получен ответ, что Хивинскому хану предполагается подарить настольный медальон, также украшенный бриллиантами⁷⁶.

Всего на подарки хану было израсходовано 8 тыс. 914 руб., для хивинских сановников предполагалось три пары золотых часов⁷⁷. Подарки предполагалось вручить 23 февраля в 10 часов утра, доставив их к Комендантскому подъезду Зимнего дворца с Дворцовой площади⁷⁸. Подарки российским лицам, сопровождающим хана, были вручены за счет военного министерства⁷⁹.

Наряду с подарками Хивинский хан получил от императора титул «Высочество». Таким образом, он был приравнен к статусу бухарского эмира. Вместе с Сейид-Мир-Алимом Асфендиар-хан участвовал в первом богослужении в новой соборной мечети в Санкт-Петербурге, заложенной отцом действующего эмира Сейид-Абдул-Ахадом, о чем с восторгом писала петербургская пресса⁸⁰. Правда, использовать статус «Высочество» хивинский хан в полной мере не успел. В 1914 г. началась Первая мировая война, а в 1918 г. Асфендиар-хан был убит в ходе государственного переворота приспешниками предводителя туркменского племени Джунаид-хана.

Выводы

Итак, визиты правителей российских протекторатов в Санкт-Петербург использовались властью как коммуникативное средство общения. При этом, делая ставку на властные структуры протекторатов, русское правительство всячески расширяло полномочия элиты.

Встречали гостей по высшему разряду. Встречам предшествовали долгие согласования между министерствами Императорского двора, Кабинетом Его Императорского Величества, военным министерством. Министерство иностранных дел не было задействовано в переговорах, в его обязанности входило представление гостей императору. Это может служить свидетельством тому, что владельцев протекторатов рассматривали не как иностранных гостей, а как подданных Российской империи. Несмотря на дорогие подарки, денежные суммы, которые были весьма солидными, и российские награды, зависимость Бухарского эмира и Хивинского хана от Российской империи подчеркивалась, начиная с процедуры встречи. О визитах их, как правило, сообщал генерал-губернатор Туркестанского края, без санкции которого не начиналась процедура оформления встречи.

В 1909–1910 гг. поднимался вопрос об окончательном присоединении Бухарского эмирата и Хивинского ханства к России. На совещании в Ташкенте, проходившем 10–11 августа 1909 г., туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов прямо заявил, что «полное присоединение» этих территорий к России разрешит все вопросы, возникающие между ханствами и империей⁸¹. Однако решение принято не было из-за извечного противостояния МИДа и военного министерства. МИД, опасаясь обострения отношений с европейскими державами, высказался против присоединения. Более того, на заседании Совета министров в январе 1910 г. премьер-министр П.А. Столыпин высказал суждение, что присоединение Бухары и Хивы в настоящее время является преждевременным, фактически тем самым поддержав МИД.

⁷⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1336. Л. 10.

⁷⁶ Там же. Л. 28.

⁷⁷ Там же. Л. 16.

⁷⁸ Там же. Л. 13.

⁷⁹ Там же. Л. 56.

⁸⁰ См. Санкт-Петербургские ведомости. 23 февраля (8 марта) 1913. № 44. С. 3.

⁸¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 193 об.

Именно в этот период появилась в печати заказная работа Д.Н. Логофета «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние», а затем «Бухарское ханство под русским протекторатом»⁸², где он писал о нищенском положении населения в Бухаре, о том, что предводители избалованы русской властью подарками и наградами, о произволе бухарской администрации, которая далека была от мысли совместного существования с Россией. И хотя речь шла о Бухарском эмирате, подразумевалось и Хивинское ханство, отношения которого с Российской империей были более сложными в силу особых обстоятельств, изначально сложившихся между Россией и Хивой.

В обоих протекторатах при владельцах находились контролирующие органы. В Бухаре это был политический агент, а в Хиве – Амударьинский отдел, который играл роль, аналогичную политическому агентству в Бухаре⁸³. Тем не менее предводители протекторатов по иерархии были выше туркестанского генерал-губернатора, поскольку оба были награждены титулом «Высочество», им были пожалованы чины генералов, а эмиру бухарскому еще и звание генерал-адъютанта, и орден Андрея Первозванного. Поэтому, если раньше во времена Кауфмана и чуть позже правители протекторатов лично встречали туркестанского генерал-губернатора во время его визита, то теперь эти полномочия были полностью передоверены чиновникам.

Конечно, коммуникативные приемы во время встреч правителей протекторатов имели определенные результаты, особенно это проявилось во взаимоотношениях с бухарским эмиром Сейид Абдул-Ахадом, довольно часто посещавшим Россию. Контакты бухарской и хивинской элит с представителями российских властей неизменно укреплялись. Инкорпорирование мусульманской элиты в российское общество выражалось в обучении наследников в русских учебных заведениях, приобретении недвижимости в России (дома в Ялте и Петербурге). Однако следует иметь в виду, что речь идет о представителях разного менталитета Востока и Запада, отличающихся подчас диаметрально противоположными представлениями в обыденной жизни. Эти нюансы не могли не отразиться на взаимоотношениях метрополии с ее протекторатами.

С конца 1910 г. под влиянием МИДа в отношении Бухары и Хивы правительство России взяло курс на временное сохранение их фиктивной независимости. Отныне в политике Российской империи в отношении этих вассальных стран на передний план выдвигался вопрос о проведении в них некоторых реформ с тем, чтобы подготовить их к присоединению к России.

Вопрос о присоединении этих территорий к России обсуждался на пленарном заседании Государственной думы 14 июня 1914 г., однако и на этот раз никакого решения принято не было. Рассмотрение данной проблемы было перенесено на осень 1914 г., однако начавшаяся Первая мировая война помешала этому.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.04.2021

References

- Arapov, D.Yu. *Bukharskoe khanstvo v russkoi vostokovedcheskoi istoriografii*. Moscow: MGU Publ., 1981 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “Bukharskii emirat perioda protektorata Rossii v trudakh uchenogo-vostokoveda D.N. Logofeta.” *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* 15, no. 4 (2009): 12–17 (in Russian).

⁸² Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909.; Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом: в 2 т. СПб., 1911.

⁸³ Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начало XX в. М., 2017. С. 295.

- Dmitriev, S.V. “‘Bukharskie podarki’: starinnyi vostochnyi obychai v kontekste rossiisko-bukharskikh otnoshenii kontsa XIX – nachala XX v.” In *Rakhmat-name: Sb. statei k 70-letiiu R.R. Rakhimova*, 117–129. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Egorenko, O.A. “Zarubezhnaia istoriografiia anglo-russkogo protivoborstva v Bukharskom emirate do i posle ustanovleniia Rossiiskogo protektorata.” *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 2 (2007): 20–24 (in Russian).
- Fioletov, I. “Bukharskoe i Khivinskoe khanstva i otnosheniia ikh s Rossiei.” *Istoricheskii zhurnal*, no. 3 (1941): 68–79 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Rossii i Bukharskii emirat na zapadnom Pamire (konets XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaia polovina XIX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Krestovskii, V.V. *V gostiakh u emira bukharского*. St. Peterburg: A.S. Suvorin Press, 1887 (in Russian).
- Logofet, D.N. *Bukharskoe khanstvo pod russkim protektoratom*. St. Petersburg: V. Berezovskii Publ., 1911 (in Russian).
- Logofet, D.N. *Strana bespravii. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoianie*. St. Peterburg: V. Berezovskii Publ., 1909 (in Russian).
- Maev, N.A. *Ocherki Bukharskogo khanstva*. Tashkent: B. Bezobrazov & K° Press, 1875 (in Russian).
- Nikitenko, G.N. “Khiva pod protektoratom Rossiiskoi imperii.” *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, no. 7–8 (1997): 30–41 (in Russian).
- Perevezentseva, T.V. “Bukharskii emirat pod protektoratom Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka).” In *Istoricheskie issledovaniia: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan mai 2015 g.)*, 13–18. Kazan: Buk Publ., 2015 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. “Politiko-pravovye realii Bukhary v period ustanovleniia rossiiskogo protektorata.” *Vostochnyi arkhiv*, no. 1 (2017): 21–30 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. “Vklyuchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuyu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.)” *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 3 (2016): 172–184 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnii faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentralnoi Azii XVIII – nachala XX v.* Moscow: Izd. dom VShE Publ., 2017 (in Russian).
- Pogorelskii, I.V. *Ocherki ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Khivinskogo khanstva kontsa XIX – nachala XX vv. (1873–1917)*. Leningrad: Leningradskii universitet Publ., 1968 (in Russian).
- Ryabinskii, A.M. “Tsarskaia Rossiia i Bukhara v epokhu imperializma.” *Istoriik-marksist*, no. 4 (1941): 3–25 (in Russian).
- Tukhtametov, T.G. *Rossii i Bukharskii emirat v nachale XX v.* Dushanbe: Irfon Publ., 1977 (in Russian).
- Tukhtametov, T.G. *Rossii i Khiva v kontse XIX – nachale XX v.* Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Urazmetov, M.T. “Vynuzhdennyi kompromiss khana Khivinskogo (konets XIX v.)” *Molodoi uchenyi*, no. 12 (2013): 766–767 (in Russian).
- Zhukovskii, S.V. *Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie*. Petrograd: tipolitografiia N.I. Evstifeeva Publ., 1915 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Svetlana N. Brezhneva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Russian History of Leningrad State University named after A.S. Pushkin.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-426-436>

Научная статья / Research article

Реорганизация военного духовенства в ходе военной реформы императора Павла I

А.В. Васильев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
115184, Россия, Москва, Новокузнецкая улица, 23Б,
alexv@pstgu.ru

Аннотация: Рассматривается важный исторический этап в развитии института военного духовенства, приведший к созданию в его рамках эффективных систем военного управления, подготовки и подбора кадров и социальной защиты его членов. В период короткого правления императора Павла I произошло не столько эволюционное, сколько революционное развитие этого социального института, выразившееся в организационных преобразованиях в рамках проводившейся военной реформы. На данном этапе военное духовенство все больше приобретает характер политического института. В период правления императора Павла I складывается ситуация, когда военное духовенство выводится из подчинения Святейшего Синода и в лице обер-священника протоиерея Павла Озерецковского замыкается на органы военного управления и высшую политическую власть. В результате оптимальная с точки зрения военно-политического управления и эффективного применения организация военного духовенства была встроена в военную организацию государства, но вошла в конфликт с каноническими церковными нормами и позицией Святейшего Синода и, как следствие, после трагической кончины императора Павла I была по большей части демонтирована.

Ключевые слова: военное духовенство, капелланы, Армейская семинария, Русская православная церковь

Для цитирования: *Васильев А.В.* Реорганизация военного духовенства в ходе военной реформы императора Павла I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 426–436. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-426-436>

Military clergy reorganization in the Paul's I of Russia military reform

Alexey V. Vasilyev

Saint Tikhon's Orthodox University,
23B, Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia,
alexv@pstgu.ru

Abstract: The article examines an important historical stage in the development of military clergy. During this period, effective systems of military administration, training and recruitment and social protection of its members were established. In the process of the Emperor Paul's reform the military clergy acquired the features of a political institution. This was manifested in the active intervention of the state in the managerial system of the clergy. And the head of the military priests becomes the ober-priest of the Russian army and navy. A system of candidates' selection for the positions of military priests has been built. A specialized educational institution was established for recruiting military clergy from the children of military clergy – the Army Seminary. After leaving the military department, martial ober-priests are provided with places in urban parishes, and martial priests are appointed to the rural

churches of the dioceses from which they came to serve. A pension was introduced for the military clergy who were unable to continue serving because of age or illness. The military clergy were extracted from the subordination of the Holy Synod. And in the person of the ober-priest it was subordinated to the highest political leadership. As a result, the organization of the military clergy, which was optimal from the point of view of military-political management and effective use, was integrated into the military organization of the state. But this came into conflict with the canonical church norms and the position of the holy synod. After the tragic death of emperor Paul, this organization was largely dismantled.

Keywords: military clergy, chaplains, Army Seminary, Russian Orthodox Church

For citation: Vasilyev, Alexey V. "Military clergy reorganization in the Paul's I of Russia military reform." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 426–436. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-426-436>

Введение

Краткий период правления императора и самодержца Всероссийского Павла I в отношении его вклада в развитие отечественного института военного духовенства интересен по причине качественных преобразований систем управления, подготовки и подбора кадров, а также социального обеспечения личного состава последнего. Реорганизация, а фактически создание этих систем, происходит в рамках военной реформы Павла I.

Целью данной статьи является выявление ключевых моментов организационной реформы военного духовенства при императоре Павле I. Задачами исследования являются: краткая оценка предшествующего реформе периода развития института военного духовенства, рассмотрение причин, приведших к реорганизации, установление значимых изменений в порядках функционирования, подготовки, подбора и социального обеспечения военного духовенства.

Советский период в силу идеологических причин не отличается скольконибудь глубокими исследованиями института военного духовенства рассматриваемого в статье времени. Относительное потепление отношения государства к Русской церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. позволило Журналу Московской Патриархии, в 1943 г. вышедшему из-под запрета, опубликовать статьи о военном патриотизме православных священнослужителей¹.

По-настоящему востребованными исследования военного духовенства оказались уже в постсоветский период. С начала 1990-х гг. прошлого столетия появляются первые идеологически не predetermined научные публикации. В военной среде возникает дискуссия о возможности использования опыта военных священников в современных условиях². В новом тысячелетии появляется множество работ популярного и реферативного характера, но включающих обширный архивный и иллюстративный материал³. Начинается и собственно научное исследование темы. Из наиболее содержательных, рассматривающих изучаемый в статье период, следует отметить труды В.М. Коткова⁴ и К.Г. Капкова⁵. Историографическое исследование по данной

¹ *Архангельский М.* Патриотизм православного духовенства // Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 1.

² *Галайко В.М.* Священник в русской армии // Тыл вооруженных сил. 1992. № 6/7. С. 94–96; *Новиков В.С.* Армия и Церковь: исторический очерк // Сибирские огни. 1991. № 6. С. 269–280; *Смирнов А.С.* С крестом в руке впереди полка // Наука и религия. 1991. № 9. С. 30–32; *Фирсов С.Л.* Военное духовенство России. К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетия // Новый часовой. 1994. № 2. С. 19–24.

³ *Григорьев А.Б.* Вера и верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. М., 2005; *Новожилов И.К.* Взаимодействие Церкви и армии: история и современность. Екатеринбург, 2004; *Поляков Г.*, прот. Военное духовенство России. М., 2002; *Золотарев О.В.* Стратегия духа армии: армия и Церковь в рус. истории 988–2005 гг.: антология: в 2 кн. 2-е изд., доп. Челябинск, 2006.

⁴ *Котков В.М.* Военное духовенство России: страницы истории: в 2-х т. СПб., 2004. Т. 1–2.

теме в своей диссертации провел М.И. Ивашко⁶. Заслуживающие внимания историографические обзоры присутствуют в исследованиях С.Ю. Чимарова⁷, А.П. Белякова⁸ и А.Г. Баимова⁹. Серьезный объем введенных в научный оборот ранее неизвестных источников присутствует в работах А.А. Бландова¹⁰ и И.Г. Дурова¹¹, посвященных флотскому духовенству. Проблема периодизации истории военного духовенства рассмотрена в работе Е.В. Исаковой¹². Помимо историков, институту военного духовенства посвящают свои научные изыскания представители иных гуманитарных направлений. Эволюция организационной структуры военного духовенства подробно рассмотрена доктором педагогических наук В.П. Ивановым¹³. Непосредственно к заявленному периоду относится статья иеромонаха Серафима (Тищенко)¹⁴. К сожалению, богатой фактологическим материалом работе не хватает содержательного заключения, подводящего итог рассматриваемого периода.

Зарубежная историография по теме исследования весьма скудная и опирается в основном на вторичные источники. Существует множество трудов иностранных авторов по истории института военных капелланов западной христианской традиции, по военной истории России и Русской православной церкви рассматриваемого периода¹⁵. Но речь о русском военном духовенстве в них идет обычно вскользь, наряду с освещением других, более важных с точки зрения исследователей исторических явлений.

Основные источники и исследовательская литература по теме статьи представлены в библиографическом списке. Следует лишь отметить, что, несмотря на наличие как исторической, так и современной научной литературы, в данной постановке развитие военного духовенства в рамках военной реформы Павла I рассматривается впервые.

Наряду с общенаучными методами исследования в статье использовались: историко-генетический метод, историко-системный метод и историко-сравнительный метод.

⁵ *Капков К.Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX века: итоги к 1917 году. М., 2009; *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX века: справочные материалы. М., 2008.

⁶ *Ивашко М.И.* Российская армия и церковь (XVIII – начало XX вв.): историографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук, Воен. ун-т. М., 2007.

⁷ *Чимаров С.Ю.* Русская Православная Церковь и Вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999. С. 15–40.

⁸ *Беляков А.П.* История флотского духовенства и его роль в воспитании военных моряков до-революционной России // ДелоРус. URL: <http://delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (дата обращения: 26.01.2021).

⁹ *Баимов А.Г.* Военное духовенство в Российской Империи: Краткий историографический обзор // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. Ч. 2.

¹⁰ *Бландов А.А.* Православное духовенство в российском военно-морском флоте XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

¹¹ *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого: монография. Н. Новгород, 2002. 719 с.

¹² *Исакова Е.В.* Периодизация истории Института военного духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 2005. № 1 (662). С. 40–48.

¹³ *Иванов В.П.* Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих русской армии в XVIII – начале XX века: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2014.

¹⁴ *Тищенко С.А.* Развитие института военного духовенства в царствование императора Павла I // Труды Воронежской духовной семинарии. 2018. № 10. С. 101–122.

¹⁵ *Freeze G.L.* The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century // Russian Research Center Studies. 1977. Vol. 78; *Hartley J.M.* A Social History of the Russian Empire 1650–1825. London and New York, 1999; *Hughes L.* Peter the Great. A Biography. New Haven and London, 2002; *LeDonne J.P.* The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. Oxford, 1997; *Keep John L.H.* Soldiers of the tsar: Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, 1985; *Janet M. Hartley.* A Social History of the Russian Empire, 1650–1825. London and New York, 1998; *Bergen Doris. L.* The Sword of the Lord: Military Chaplains from the First to the Twenty-First Century. South Bend, 2004.

Краткая характеристика военного духовенства в предшествующие эпохи

Характерной особенностью военного духовенства является то, что оно возникает в результате взаимодействия двух социальных институтов: армии и религии. А.В. Васильев отмечает: «С древнейших времен религиозные сознание и практика пронизывали все сферы общественной жизни, в том числе и вооруженную борьбу народов. С одной стороны, это проявлялось в наличии многочисленных языческих богов, покровительствующих войне, с другой стороны – в существовании специальных жреческих братств или коллегий, обеспечивающих ее ритуальный, сакральный характер.

Оформление религиозных верований и вооруженного противостояния народов в виде социальных институтов повлекло за собой возможность их взаимодействия и взаимовлияния на общественном уровне.

Известно, что священники сопровождали в сражениях предводителей и их армии с самого зарождения человеческого общества»¹⁶. И в нашем Отечестве военное духовенство прошло долгий путь от религиозной социальной практики до общественного института в развитой организационной форме. Как отмечает Е.В. Исакова, «на Руси с началом христианской эпохи священники традиционно сопровождают князей с их дружинами и чтимые иконы»¹⁷. Институциональное же оформление военного духовенства происходит значительно позже, чем в Европе, и с учетом уже имеющихся иностранных образцов. Исторический период, предшествующий военной реформе Павла I, характеризуется слабой степенью институализации военного духовенства и отсутствием какой-либо перманентной организационной структуры. Именно создание больших регулярных армий и флота в Петровскую эпоху привело в дальнейшем к качественному изменению института военного духовенства.

Военное духовенство на рубеже XVIII и XIX вв. формируется в виде вполне сложившейся социальной группы в рамках духовного сословия со своими специфическими социальными нормами и правилами, обусловленными особенностями военной службы. В соответствии с ними вырабатываются соответствующие процедуры, закрепляемые развивающимися законодательными механизмами. Остро назревает необходимость институционального оформления сложившейся социальной практики.

Основные причины реформирования военного духовенства

По причине постоянно увеличивающихся армии и флота деятельность военного духовенства в рамках прежних социальных институтов – вооруженных сил и Церкви становится малоэффективной. Двойное подчинение духовному и военному начальству не способствует оперативности управления. В иерархическом церковном подчинении также не наблюдалось единообразия. В зависимости от места дислоцирования войск обер-полевые священники могли быть подчинены как Святейшему Синоду, так и местным епархиальным архиереям¹⁸. И в целом военное духовенство не имело постоянной самостоятельной организации и рекрутировалось по мере необходимости из приходского на время ведения военных действий¹⁹.

Военные реформы императора Павла I, несмотря на короткий характер его царствования, послужили существенной эволюции института отечественного военного духовенства. Менее чем через две недели после своего воцарения, 29 ноября

¹⁶ Васильев А.В. Генезис института военного духовенства Российской Империи // Наука и военная безопасность. 2016. № 4. С. 6.

¹⁷ См.: Исакова Е.В. Периодизация истории Института военного духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 2005. № 1 (662). С. 40.

¹⁸ См., например: Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 49, 50.

1796 г., Павел I издает указ о принятии новых воинских уставов: «О полевой и пехотной службе», «О полевой кавалерийской службе» и «Правила о службе кавалерийской»²⁰.

Организационные преобразования военного духовенства

В уставе «О полевой и пехотной службе»²¹ в части первой, главе второй «О распределении Штаб-Офицерам и Капитанам рот в полку, сколько всех чинов Офицеров при полку и о распределении Офицеров по ротам» дается роспись, в том числе и духовенства полка: 1 священник и 2 церковника. В части шестой, главе второй «Как при смотре роту строить», предписывается «священнику с церковниками ... стоять позади первой роты в 15 или 20 шагах от третьей шеренги»²². В части двенадцатой, главе четвертой «О лагере Армии», указывается «Аудитору и Священнику стоять в одной палатке»²³. В части восьмой появляется доселе отсутствующая в предыдущих уставах глава пятнадцатая «Об освящении новых знамен, и об отдаче старых». В части двенадцатой отдельной главой четырнадцатой «О отправлении службы Божией» регламентируются богослужения в полку. Предписывается «всякий же день в 5 часов петъ вечерню, а вместе с утреннею зорею заутреню»²⁴, «людей водить к обедне по крайней мере дважды в неделю, по воскресеньям и середам, а когда праздники случатся, то и чаще; к вечерне же и заутрене тех, которым служба помешает обедню в тот день слушать, располагая таким образом, чтоб каждый человек побывал на одной из трех служб в назначенный день; при которых всегда быть достаточному числу Офицеров и унтер-офицеров»²⁵. В специальном «Примечании» указывается «смотреть накрепко, чтобы как Офицеры, так и унтер-офицеры и рядовые побывали каждый год на Исповеди и у Причастия».

«Правила о службе кавалерийской»²⁶ не содержат каких-либо указаний для военного духовенства, но уже «Воинский устав о полевой кавалерийской службе»²⁷ двадцать пятой главой вводит понятие «О церковном параде» и регламентирует торжественное шествие личного состава в храм в воскресные и праздничные дни.

Введенный в действие 25 февраля 1797 г. «Устав Военного флота»²⁸ в части первой, главе двенадцатой «О священниках» в целом повторяет аналогичную главу девятую «О священниках. О начальном священнике» петровского Морского устава 1720 г. В частности, параграф третий главы гласит: «На котором корабле положена будет церковь, там, когда погода позволит, [священник] будет отправлять литургию, а где нет оной, положенную молитву всякий день в 9 часов по полуночи»²⁹. Вместе с тем представляет интерес новая глава первая части пятой «О службе Божией», а именно параграф восьмой, предписывающий «наблюдать, чтобы в течение года все люди непременно на исповеди побывали и причастились, и когда случится флоту в Великий пост быть на море, то, как положено походной церкви быть на корабле Главного Начальника, с оного можно получить запасные Дары для говельщиков и на прочие корабли; на якоре же говельщикам для причастия ездить на корабль Главного Начальника, когда на берегу не будет для того церкви»³⁰.

²⁰ Все даты в статье приводятся по Юлианскому календарю.

²¹ Воинский Устав. О полевой пехотной службе // ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17588.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Правила о службе Кавалерийской // ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17589.

²⁷ Воинский устав о полевой кавалерийской службе // ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17590.

²⁸ Устав Военного флота // ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17833.

²⁹ Там же. С. 379.

³⁰ Там же. С. 486.

Введенные в действие в самом начале царствования указы и правила были разработаны при самом активном участии Павла I еще в период до его вступления на престол. «Павел Петрович многие годы трудился над созданием таких уставов, совершенствуя отдельные положения за годы создания и выпестовывания своего “гатчинского войска”»³¹, – писал А.Н. Боханов. По свидетельству современников, Павел I был также набожным и богословски образованным человеком, что способствовало проведению им реформ не только в военной, но и в духовной сферах. Во многом он обязан этим одному из своих воспитателей, митрополиту Московскому Платону (Левшину), оставившему замечательные воспоминания³². Так, составленный императором Павлом I Петровичем «Акт о наследовании Всероссийского Императорского Престола», Высочайше утвержденный 5 апреля 1797 г., в день священной коронации Императора Павла I и положенный для хранения на престол Успенского Собора, 4 января 1788 г., гласил, «что Государи Российские суть Главою Церкви»³³. Этому заимствованному еще Петром Первым протестантскому положению придавался юридический характер. В дальнейших законодательных комментариях на это положение его действие существенно ограничивалось. Так, в статье 42 «Основных законов», помещенных в «Свод законов Российской Империи» от 1832 г., утверждалось, что «Император яко христианский Государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правотверия и всякого в Церкви святой благочиния». В примечании к этой статье читаем: «В сем смысле Император в Акте о наследии престола 1797 г. апреля 5 именуется Главою Церкви». Император же трактовал это положение дословно. В этой связи А.Н. Боханов пишет: «Объявив при Коронации себя “главою Церкви”, Павел I вознамерился отправлять в качестве священника литургию и возжелал стать духовником своей семьи. Это было покушением на непрерываемую традицию. Члены Синода с трудом отговорили его от подобных поползновений, приводя бесспорный контраргумент: канон Православной Церкви запрещает совершать святыя Таинства священнику, женившемуся во второй раз»³⁴.

Тем не менее Павел Петрович в короткий период своего царствования смог многого достичь в деле церковного устройства. В частности, по данным А.Н. Боханова: «Почти в два раза были повышены оклады от казны духовенству, увеличены вдвое земельные наделы приходским священникам, установлено призрение вдов и сирот священников. В 1797 году духовное сословие было освобождено от сборов на содержание полиции, вдвое увеличены субсидии на содержание архиерейских домов, а также дополнительно им выделялись мельницы, рыбные и прочие угодья. За четыре года расходы из казны на содержание епархий возросли более чем вдвое: с 463 тысяч до 982 тысяч рублей»³⁵. Был приостановлен процесс секуляризации монастырских земель и закрытия самих монастырей, набравший обороты при Екатерине II.

Выстраивание системы управления военным духовенством

Но главному реформаторскому воздействию подвергся институт военного духовенства. Можно сказать, что преобразования Павла I положили начало новому периоду в его развитии. До этого не существовало единообразного порядка управления как морским, так и армейским духовенством. Военные священники по-прежнему оставались в ведении Синода и своих архиереев и считались как бы откоман-

³¹ Боханов, А.Н. Павел I / Александр Боханов. М., 2010. С. 231.

³² См.: Платон (Левшин), митр. Московский «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М., 1996. С. 30.

³³ Акт, Высочайше утвержденный в день священной коронации Императора Павла I и положенный для хранения на престол Успенского Собора // ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17910. С. 587.

³⁴ Боханов А.Н. Павел I. М., 2010. С. 240.

³⁵ Там же.

дированными. Древняя каноническая норма, подтвержденная российскими законами, все же имела прецедент нарушения. П.В. Знаменский отмечает: «Полномочия епархиальной власти, по законам Петра Великого, должны были простираться на все церковные учреждения и на всех людей, находящихся в епархии, без исключения. Но исключения все-таки были, и остались. Кроме ставропигиальных монастырей, из круга епархиального ведомства выделилось придворное духовенство, подчиненное Синоду и дворцовому управлению и поставленное под непосредственное начальство протопресвитера – духовника их Величеств. На тех же началах при имп. Павле в особое ведомство выделилось духовенство военное. В прежнее время оно находилось в подчинении епархиальным начальствам по местам расположения полков и только в военное время поступало под ведение особых флотских обер-иеромонахов и полевых обер-священников, учрежденных воинским (1716 г.) и морским (1720 г.) уставами Петра»³⁶.

Регламентируя и упорядочивая деятельность армейских и флотских структур, оптимизируя систему управления ими «и замечая повсюду медлительность при назначении и увольнении полковых и флотских священников епархиальными властями (равно и многие другие неудобства, и затруднения, встречаемые самим Святейшим Синодом в деле непосредственного управления военным духовенством), император пришел к мысли об учреждении отдельного, независимого от епархиальной власти, управления и для военного духовенства»³⁷.

Для формирования новой вертикали власти требовалось осуществить кадровый выбор руководителя нового ведомства. К моменту принятия административных решений «в войсках уже имелось шесть обер-полевых священников: Озерецковский, Стефановский, Игнатьев, Москаленко-Александровский и Зальский»³⁸. Начиная с 4 апреля 1800 г., император чередой своих указов подчинил на постоянной основе Полевому обер-священнику все духовенство армии и флота, а также лейб-гвардии как в судебном, так и в административном отношениях. Главою всех военных священников стал протоиерей Озерецковский Павел Яковлевич³⁹. «Озерецковский, во все время царствования Павла, пользовался исключительным положением при Дворе. В день представления избранных полевых обер-священников и подчиненных им полковых священников императору Павлу последний посвятил Озерецковского в свои планы об устройстве особого самостоятельного управления военным духовенством, под непосредственным Высочайшим наблюдением, вверил ему это дело, наградил званием обер-священника армии и флота, камилавкой, крестом мальтийского ордена и предоставил ему право доступа к государю во всякое время дня и ночи. Потом, 6-го апр. 1799 г., Озерецковский, по Высочайшему повелению, был назначен присутствующим в Синоде, 4-го декабря того же года награжден митрой и крестом, а 9-го апреля 1800 г. был назначен главным и единственным обер-священником всей армии, чем управление всем духовенством военного ведомства было сосредоточено в руках его одного полевого обер-священника»⁴⁰. Таким образом, была создана важная составляющая социального института военного духовенства – собственная система управления. Дальнейшее развитие института шло по пути развития его организационного компонента.

³⁶ Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 2000. С. 332, 333.

³⁷ Котков В.М. Военное духовенство России: Страницы истории. СПб., 2003. С. 86.

³⁸ Котков В.М., Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. СПб., 2005. С. 25.

³⁹ Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 21.

⁴⁰ Давидович И. Озерецковский, Павел Яковлевич // Большая биографическая энциклопедия. М., 2018.

В результате военные священники теряли какую-либо связь со своим правящим архиереем. Протоиерей Озерецковский получил также право непосредственного сношения, помимо Синода, с епархиальными архиереями. «28 апреля П.Я. Озерецковский сообщил Святейшему Синоду о распоряжении царя, в котором говорилось, что “священнослужители, находящиеся в гвардии, точно так, как армейские и флотские состояли в его ведении”»⁴¹. В короткое правление Павла I вошло в традицию, что решения относительно вопросов, до этого непосредственно входивших в компетенцию Святейшего Синода, принимались без его ведома императором и обер-священником армии и флота особенно и затем доводились Озерецковским до сведения священноначалия в виде императорских Указов. Так, Указом от 9 мая 1800 г. сообщалось, что «Государь Император Высочайше повелеть изволил, что все воинские чины по делам, Духовного Начальства касающимся, относились прямо к Обер-Священнику, а не в Консistorии»⁴². В плане централизации управления и упорядочения практики такая субординация наилучшим образом соответствовала военной специфике, но с позиции церковных канонов оказалась сомнительной. Высочайшим повелением императора Павла I от 27 июля 1800 г. взамен упраздненных полевых обер-священников назначались благочинные, в том числе и из «обер-полевых и других священников, оставшихся за штатом»⁴³.

В целях воспроизводства института военного духовенства были приняты важные кадровые решения: «Святейший Синод ... предписал всем епархиальным архиереям по требованию обер-священника Озерецковского направлять иеромонахов или священников, испытанных «в честном и добропорядочном поведении», для службы в войсках»⁴⁴. Для контроля над уже имеющимся военным духовенством обер-священник П.Я. Озерецковский запросил списки и служебные характеристики священнослужителей, а также другую информацию, имеющую отношение к прохождению службы. Растущий объем работы требовал соответствующей военно-духовной управляющей структуры, а именно: «Армейской духовных дел канцелярии»⁴⁵, которая была создана в мае 1800 г. Именным указом императора Павла I Синоду от 15 мая 1800 г. из средств, выдаваемых на Духовный Департамент, выделялись суммы на жалование, помимо самого обер-священника еще трем лицам созданной канцелярии: Титулярному Советнику Кузьмину, Регистраторам Дмитриеву и Озерецковскому⁴⁶. «В таком штате канцелярия существовала до 3 апреля 1827 г. Впоследствии штат увеличивался по мере расширения ведомства обер-священника»⁴⁷.

Меры социальной защиты военных священников

Протоиерей Павел Озерецковский добился Высочайшего соизволения, чтобы «соответственно произведенному тогда подразделению всего войска на 14 инспекций, и все полковое духовенство было распределено по количеству инспекций на 14 округов благочиний, представители коих (благочинные) обязаны осматривать полковые церкви, наблюдать в них порядок, иметь строгое смотрение за поведени-

⁴¹ Котков В.М. Военное духовенство России... С. 87.

⁴² О сношении всем воинским чинам по делам, до Духовного начальства касающимся, с Обер-Священником // ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19415. С. 155.

⁴³ Барсов, Т. В. Об управлении русским военным духовенством. С. 102.

⁴⁴ Котков В.М. Военное духовенство России... С. 87.

⁴⁵ См.: Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 год: (с портретами главных священников и о. протопресвитера). СПб., 1901. С.11

⁴⁶ См.: О произведении жалования находящимся при полевом Обер-Священнике чинам из положенной на Духовный Департамент суммы // ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19419. С. 156.

⁴⁷ Беляков А. П. История флотского духовенства и его роль в воспитании военных моряков до революционной России // ДелоРус. URL: <http://delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292>

ем священников и быть при этом посредниками сношений военного духовенства и начальства по церковным делам с ним, обер-священником»⁴⁸. Ходатайством отца Павла военным благочинным была назначена прибавка к годовому жалованию в размере 50 руб., а для отличия от других священников они награждались крестами⁴⁹. Благодаря Озерецковскому система управления военным духовенством стала стройной и компактной.

Не осталась без внимания проблема увольнения с военной службы священников: «Озерецковский исходатайствовал пред Императором право сноситься с епархиальными преосвященными об определении оставшихся без мест, за реформированием полков, полевых обер-священников к городским, а полковых к сельским приходам, отправляя их в те епархии, из которых они поступили в армейское ведомство»⁵⁰. Впервые были введены пенсии для военных священников, а Святейший Синод требовал от Озерецковского отчета о расходах «на пенсии полковым священникам»⁵¹.

Обер-священником в дальнейшем предпринимались попытки улучшения благосостояния военного духовенства, но в связи со сменой императора оставшиеся безрезультатными⁵².

Формирование системы подготовки кадров

1 июня 1800 г. стараниями протоиерея Павла была открыта специальная Армейская семинария⁵³. Период ее деятельности составил около 18 лет. Главное назначение семинарии состояло в подготовке хорошо образованных, специально подготовленных и лично известных, во всех отношениях, обер-священнику кадров. Ее учащимися становились дети военных священников, а выпускники пополняли ряды военного духовенства. Поступающие в семинарию проходили серьезный отбор, и в процессе обучения выяснялась их способность к священническому служению в военной среде. Не отвечавшие высоким требованиям неукоснительно отчислялись либо переводились в другие учебные заведения, необязательно духовные. Помимо греческого и латыни обязательным было изучение современных европейских языков. Показавшие блестящие успехи, в том числе и в освоении иностранных языков, определялись к научной или государственной деятельности.

После упразднения семинарии 4 сентября 1818 г. дети военных священников сохранили право обучения за счет государственных средств в епархиальных духовных училищах и семинариях. Эта возможность была у них вплоть до окончательного прекращения существования института военного духовенства.

Со смертью императора Павла I в силу нежелания его наследника императора Александра I вступать в конфронтацию со Святейшим Синодом и отсутствия у него интереса к институту военного духовенства происходит возврат, по крайней мере в организационной части, к состоянию допавловских реформ⁵⁴. Инициативу берет на себя Святейший Синод, руководствуясь каноническими нормами. Фактическое управление военными священниками от обер-священника возвращается Синоду.

⁴⁸ Очерки из истории управления военным и морским духовенством... С. 12.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Невзоров Н.* Исторический очерк управления духовенством Военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 21, 22.

⁵¹ *Барсов Т. В.* Об управлении русским военным духовенством. С. 62, 63.

⁵² См.: *Невзоров Н.* Исторический очерк... С. 23.

⁵³ «Собственною рукою Павла I подписано на докладе Озерецковского об устройстве армейской семинарии: “Прекрасно. Быть посему”». Цит. по: *Невзоров Н.* Исторический очерк... С. 17.

⁵⁴ См. *Невзоров Н.* Исторический очерк... С. 63.

Выводы

Период реформ императора Павла I был весьма кратким, но результативным в отношении развития института военного духовенства. Во многом это произошло благодаря обнаружившимся единомыслию и энергичности главных преобразователей: Павла Петровича и Павла Яковлевича Озерецковского. Развитие военного духовенства как социального института шло преимущественно в организационном плане. В этом отношении он явно приобретает черты политического института. Выстраивается самостоятельная система управления. Возникает механизм отбора кандидатов для замещения должностей военных священников. Создается специализированное учреждение подготовки собственных кадров – Армейская семинария. Начинают решаться вопросы социального обеспечения, в том числе и пенсионного, военных священников. Фактически военное духовенство выводится из подчинения Святейшего Синода и через обер-священника протоиерея Павла Озерецковского замыкается на органы военного управления и самого императора. К сожалению, практически сложившаяся система эффективного участия военного духовенства в военной организации государства вошла в конфликт с каноническими церковными нормами и позицией Синода и после трагической кончины императора Павла I была во многом демонтирована.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.01.2021

References

- Barsov, T.V. *Ob upravlenii russkim voennym dukhovenstvom*. St. Peterburg: tip. F. Eleonskogo i K^o Publ., 1879 (in Russian).
- Belyakov, A.P. "Istoriia flotskogo dukhovenstva i ego rol' v vospitanii voennykh moriakov dorevolutsionnoi Rossii." *DeloRus*. Accessed January 26, 2021. <http://delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (in Russian).
- Bergen, Doris. L. *The Sword of the Lord: Military Chaplains from the First to the Twenty-First Century*. South Bend, IN: University of Notre Dame Press, 2004.
- Bohanov, A.N. *Pavel I*. Moscow: Veche Publ, 2010 (in Russian).
- Freeze, G.L. "The Russian Levities: Parish Clergy in the Eighteenth Century." In *Russian Research Center Studies*. 1977. Vol. 78.
- Goremykin, N.D. "Pavel Ozeretskivskii – pervyi po vremeni, ober-svyashchennik (Iz dnei Pavla I)." *Russkaya starina* 56, no. 12 (1887): 842–845 (in Russian).
- Hartley, J.M. *A Social History of the Russian Empire 1650–1825*. London and New York: Longman, 1999.
- Hartley, J.M. *A Social History of the Russian Empire, 1650–1825*. London and New York: Addison Wesley Longman, 1998.
- Hughes, L. *Peter the Great. A Biography*. New Haven and London: Yale University Press, 2002.
- Isakova, E.V. "Periodizatsiia istorii Instituta voennogo dukhovenstva." *Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva: Zhurnal Sinodal'nogo Otdela Moskovskogo Patriarkhata po vzaimodeistviyu s Vooruzhennymi Silami i pravookhranitel'nymi uchrezhdeniiami*, no. 1 (2005): 40–48 (in Russian).
- Kapkov, K.G. *Pamiatnaia kniga Rossiiskogo voennogo i morskogo dukhovenstva XIX – nachala XX vekov. Spravochnye materialy*. Moscow: Letopis' Publ., 2008 (in Russian).
- Keep, John L.H. *Soldiers of the tsar: Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874*. Oxford: Clarendon Press, 1985.
- Kotkov, V.M. *Voennoe dukhovenstvo Rossii: Stranitsy istorii*. St. Petersburg: Nestor Publ., 2003 (in Russian).
- Kotkov, V.M., and Kotkova, Yu.V. *Voennoe dukhovenstvo Rossii. Stranicy istorii: Ucheb. Posobie*. St. Petersburg: [N.s.], 2005 (in Russian).
- LeDonne, J.P. *The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment*. Oxford University Press, 1997.

- Nevzorov, N. *Istoricheskii ocherk upravleniia dukhovenstvom Voennogo vedomstva v Rossii*. St. Petersburg: Tip. F. G. Eleonskogo i A. I. Popovickogo Publ., 1875 (in Russian).
- Platon (Levshin), mitr. Moskovskii *'Iz glubiny vozzvakh k tebe, Gospodii...'* Moscow: Palomnik; Russkii Dvor Publ., 1996 (in Russian).
- Vasilyev, A.V. "Genezis instituta voennogo dukhovenstva Rossiiskoi Imperii." *Nauka i voennaya bezopasnost'*, no. 4 (2016): 5–16 (in Russian).
- Znamenskii P.V. *Istoriia Russkoi Tserkvi*. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii Publ.; Paris: Bibliotheque Slave de Paris, Centr russkikh issledovaniy v Medone Publ., 2000 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Валентинович Васильев, иерей, кандидат политических наук, доцент кафедры систематического богословия и патрологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Alexey V. Vasilyev, Priest, Kandidat Politicheskikh Nauk [Ph.D], Associate Professor of the Department of Systematic Theology and Patristics, Saint Tikhon's Orthodox University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-437-447>

Research article / Научная статья

Post-Soviet diasporas in the age of the internet

Efim I. Pivovarov^a, Vitaly F. Ershov^a, Maria V. Katagoshchina^b

^aRussian State University for the Humanities,
6, Miusskaia Sq., Moscow, 125993, Russia,
rggu@rggu.ru, ershov_vf@mail.ru

^bMoscow Pedagogical State University,
1/1, Malaia Pirogovskaia Str., Moscow, 119991, Russia,
marya.katagoshina@yandex.ru

Abstract: This article examines the impact of recent developments in the diasporas of post-Soviet nationalities during the early 21st century. Its authors argue that new information technologies have a major impact on the creation of identities in diasporas, their interaction with the host countries and the historical homeland, as well as the social adaptation of migrants. Focusing on the evolution of expatriate communities in Russia and its “Near Abroad,” they point out that these diasporas use the Internet to promote common historical, cultural and civilizational values. The article goes on to analyze the information policies of ethnic and cultural organizations, the integration of intellectual elites of post-Soviet diasporas into scientific and educational institutions, the impact of digital technologies on the business activity of diasporas, the daily life of migrant workers, as well as the participation of diasporas in international culture and public diplomacy. The authors conclude that modern means of communicating information have created a fundamentally new environment for migration flows and the creation of diasporas in the post-Soviet space and around the world. Today, this trend plays an important role in economic and cultural integration and social development of Eurasia.

Keywords: CIS, Eurasia, information technologies, financial technologies, public diplomacy, dialogue of cultures, Eurasian integration

For citation: Pivovarov, Efim I., Ershov, Vitaly F., and Katagoshchina, Maria V. “Post-Soviet diasporas in the age of the internet.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 437–447. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-437-447>

Постсоветские диаспоры в век глобальной информационной цивилизации

Е.И. Пивоваров^а, В.Ф. Ершов^а, М.В. Катагощина^б

^аРоссийский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6,
rggu@rggu.ru, ershov_vf@mail.ru

^бМосковский государственный педагогический университет,
119991, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., 1/1,
marya.katagoshina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена влиянию тенденций глобального развития начала XXI века на мир диаспор народов постсоветских стран. Авторы выдвигают гипотезу о существенном влиянии информационных технологий на формирование идентичностей в диаспорах, характер взаимодействия диаспор с обществами принимающих стран и исторической родиной, на процессы социальной адаптации мигрантов. В работе отмечено широкое использование русскоговорящими диаспорами глобальной сети для продвижения общих историко-культурных и цивилизационных ценностей.

© Pivovarov E.I., Ershov V.F., Katagoshchina M.V., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Основное внимание авторы уделяют эволюции диаспор народов стран СНГ в России и центров российского ближнего зарубежья в условиях информационного общества. Анализируется информационная политика этнокультурных организаций, интеграция интеллектуальных элит постсоветских диаспор в регионально-глобальные научные и образовательные системы, влияние цифровых технологий на деловую активность диаспор, повседневную жизнь трудовых мигрантов, участие диаспор в международном диалоге культур, мероприятиях публичной дипломатии. Авторы приходят к выводу о том, что современная информационная цивилизация создает принципиально новый социально-культурный, правовой, финансовый контекст развития миграционных потоков и формирования диаспор на постсоветском пространстве и во всем мире. Во втором десятилетии XXI в. данная тенденция приобретает существенное значение как фактор международной экономической и культурной интеграции и социального развития Евразии.

Ключевые слова: СНГ, Евразия, информационные технологии, финансовые технологии, публичная дипломатия, диалог культур, евразийская интеграция

Для цитирования: Пивовар Е.И., Еришов В.Ф., Катагощина М.В. Постсоветские диаспоры в век глобальной информационной цивилизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 437–447. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-437-447>

Introduction

Scholars have been studying ethnic diasporas for several decades. The literature includes important theoretical works by V. Tishkova, G. Schaeffer, M. Esman, and others,¹ as well as a large number of publications devoted to specific diasporas and their interaction with states and public institutions. The emergence in the late 20th century in the Near Abroad of Russian-speaking diasporic communities and the development of multi-vector migrations in the post-Soviet space created many new topics for study as well as new theoretical approaches in the field.²

The ongoing evolution of the social image and institutions of post-Soviet diasporas, their growing economic and cultural importance, as well as changes and intensification of migration flows continue to pose new research challenges for scholars.³ Understanding the impact of diasporas on socio-economic and cultural developments in the post-Soviet space is becoming more relevant in the context of Eurasian integration in the 21st century.⁴ Scholars at the Institute for Post-Soviet and Interregional Studies⁵ at the Russian State University for the Humanities (RUSH) have paid particular attention to this question.

This article's objective is to examine how the study of the diasporas of post-Soviet countries have developed under the impact of broader cultural changes in the 21st century.

¹ V.A. Tishkov, "Istoricheskii fenomen diaspory [Historical phenomenon of the diaspora]," in *Natsionalnye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv. Sbornik statei* [National diasporas in Russia and abroad in the XIX–XX centuries] eds. Yu.A. Poliakov, and G.Ya. Tarle (Moscow: The Institute of Russian History of RAS Publ., 2001), 9–44; G. Sheffer, *Diaspora Politics: At Home Abroad* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003); M.J. Esman, *Diasporas in the Contemporary World* (Cambridge, MA: Polity Press, 2009) etc.

² P. Kolstø, "Territorialising Diasporas: The case of Russians in Former Soviet Republics," *Millennium: Journal of International Studies*, 28, no 3 (December 1999), <https://journals.sagepub.com/toc/mila/28/3>; R. Brubaker, "Accidental Diasporas and External 'Homelands' in Central and Eastern Europe: Past and Present" Institute for Advanced Studies, Vienna, *Political Science Series*, no 71 (October 2000), https://aei.pitt.edu/32402/1/1208853582_pw_71.pdf; etc.

³ M. Moseikina, "La experiencia de la adaptación social y la integración de los migrantes en Rusia a la luz de la crisis europea de migración," in *Migración desde la ex URSS. La diáspora veinticinco años después* (Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, Unidad Xochimilco, 2017), 187.

⁴ E.I. Pivovar, *Evraziiskii integratsionnyi proekt na postsovetском prostranstve: predposylki, stanovleniie, razvitiie, (1991–2015 gg.)* [Eurasian integration project in the post-Soviet space: prerequisites, formation, development, (1991–2015)]. (St. Petersburg: Aleteia Publ., 2017).

⁵ A. Guschin, and A. Levchenkov, "Post-Soviet space in contemporary curricula and cooperation projects," *Baltic Region*, no. 3 (2010), 46–48; V.M. Shneider, "Fenomen ukrainskoi identichnosti. Istoricheskii ocherk [The phenomenon of Ukrainian identity. The phenomenon of Ukrainian identity. Historical feature article]," in Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 1 (Moscow: RSUH Publ., 2018), 115–137 etc.

The authors argue that intensifying informatization is leading to some changes in the world's diasporas, including those in the Eurasian space.

In this article “Eurasia” refers to the post-Soviet states. Meanwhile, the term “diaspora” is used for the communities of emigrants from the post-Soviet states living outside their historical homeland and united by a common identity. Their members express this identity by preserving their original citizenship as well as maintaining a strong interest in their personal ties with their homeland. They are characterized by a desire to preserve their identity as a group and some isolation from the society of the host country. The degree of such isolation is determined by the level of a particular diaspora's adaptation and assimilation to its host country.⁶

The article studies the various ways scholars have defined the term “diaspora”. Meanwhile, it considers the development of dialogues between peoples in the context of the “complex and changing identity” of modern diasporas.⁷

Some theoretical aspects of the study of post-Soviet diasporas

Since the turn of the 21st century scholars have increasingly considered the diaspora as a cross-border network structure comprising a variety of contacts and connections.⁸ Digitalization and the global dissemination of information have strengthened diaspora networks. On the one hand, this leads to blurred diaspora identities among youth who actively absorb globalized popular culture. But on the other, modern electronic resources allows both traditional and new diasporas to exchange more information. Beyond forming and consolidating their identities, this enables more effective mechanisms to provide legal and social support for migrants in host societies. Indeed, it has become possible to stay “in the diaspora outside the diaspora,” as distance learning specialists, legal consultants, human rights defenders, financial experts, journalists, and others communicate with the inner world of diasporas throughout the world. This is particularly evident in the case of post-Soviet diasporas in the Eurasian space.

Today, the information space of the Russian abroad is actively developing as electronic media and corporate websites actively promote the exchange of information about the Russian diaspora. At the same time, its communities also work with each other, both thanks to private initiatives as well as such institutions as the International Council of Russian Compatriots and the Russkii Mir Foundation. This information space is linked to Internet resources in Russia, the European Union, Israel, the United States, China, and other countries, including Russian-language networks in the post-Soviet states.

It has been repeatedly noted that preserving its native language is an essential, but not necessary, component of maintaining a diaspora's identity. Thus, even third- and fourth-generation Russian emigrants who do not speak Russian, still identify themselves as being Russian. Nevertheless, the Russian language plays an important role in forming the diaspora's identity. The identities of many members of Russian-speaking communities abroad are complicated by ethnicity, language and ideas about the home country (region). For example, older migrants who left the USSR for the West still maintain a “Soviet” identity. This phenomenon finds its expression in their everyday traditions, interest in music, theater, and the media throughout Russia and its near abroad. Meanwhile, they preserve the memory of the Great Patriotic War, the flight of Yuri Gagarin, and other significant events in the history of the USSR. They also manifest their common identities

⁶ Yu.P. Platonov, *Etnicheskii faktor: Geopolitika i psikhologiya* [Ethnic Factor: Geopolitics and Psychology] (St. Petersburg: Rech Publ., 2002), 406.

⁷ I.D. Loshkarev, “Evolutsiia poniatiia ‘diaspora’ v sovremennoi politicheskoi nauke [Evolution of the concept of ‘diaspora’ in modern political science],” *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, no. 4 (2017): 77–78.

⁸ G. Sheffer, *Diaspora politics: At home abroad*, 167.

on such occasions as the New Year holiday and Tatiana's Day, among other. Depending on their republic of origin, this Soviet diaspora sees its historical homeland both as Russia, Belarus, Ukraine, Kyrgyzstan and other republics as well as the Soviet Union as a whole. The same is also often true for members of more recent diasporas from Russia and other post-Soviet countries, as the Internet suggests. The Facebook page of Russian Youth of America proclaims,

By Russian youth, we do not mean exclusively immigrants from Russia... This group is for those who, while living in the United States, love Russia, remember its history and are proud of it!⁹

The combination of a historical memory and (as a rule) the Russian language forms a new identity, a “transnational community,”¹⁰ which can, with certain reservations, be called a Eurasian one. Russian, Belarusian, Kazakh and other national diasporas outside of post-Soviet Eurasia have adopted this identity to various degrees, and it is the basic bond for small Russian-speaking communities of emigrants from the CIS. This phenomenon manifests itself periodically, especially on common holidays, such as Victory Day, which marks the end of the Second World War. Thus, on May 9, 2021, citizens of Belarus, Ukraine, Kazakhstan, and a number of other countries joined the march of the “Immortal Regiment” held under the auspices of the Russian Consulate General in Shanghai.

The appearance of many documents and photographs of the war era on the Internet enabled thousands throughout the diaspora to feel that they helped preserve the memory of the Great Patriotic War's combatants. For migrants within the post-Soviet space, the feeling that they are part of a common Eurasian past helps to integrate themselves in their country of residence.

The informatization of the Russian diaspora, both as a single community and as a network of different ones, promotes the interaction of Russian compatriots throughout the world while also encouraging business, cultural, and educational cooperation.

The diasporas of CIS countries and their institutions

Spurred by the rise of nationalism during the twilight years of the Soviet Union, ethnic minorities in Russia, Kazakhstan and other constituent republics began to set up cultural and humanitarian organizations around 1990, a process that been boosted by modernization among the post-Soviet states and increased Eurasian integration in the early 21st century.

The Internet has provided many new opportunities for members of the diaspora to express themselves in traditional and social media, as well as electronic scholarly publications. At the same time, modern electronic communications are mostly used by diasporas with strong institutions, more highly educated people, as well as representatives in government, business, the scientific community, the arts, and the media. Such diasporas endeavor both to achieve a high level integration in the host country while also preserving their national culture.

The Azerbaijani diaspora's “Ojag” society headed by, among other the philologist, Professor T.V. Melikli, is striking example of an organization that involves members of the academic and cultural intelligentsia. The Azerbaijani diaspora in Russia is one of the largest; according to the 2010 census, its numbers over 600,000 Azeris. For many years its leading leading institutions have been the All-Russian Azerbaijan Congress and the Azerbaijani Youth Association of Russia (AMOR), and there are various other lite-

⁹ Russkaia molodezh' Ameriki. Obshchedostupnaia gruppa [Russian youth of America. Public group], <https://www.facebook.com/groups/rusyouthusa/>

¹⁰ V.A. Tishkov, *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology] (Moscow: Nauka Publ., 2003), 464.

rary, historical and cultural societies.¹¹ These organizations actively promote a positive image of their homeland's traditional culture and the achievements of modern Azerbaijan through their official websites and social media. Meanwhile, AMOR's website provides extensive coverage of news about Russia, Azerbaijan and the Azeri diaspora in Russian, Azerbaijani and English, as well as of its own initiatives, such as the AMOR School of Young Scientists.¹²

The Belarusian, Armenian, Georgian, and Ukrainian diasporas have similar social and cultural organizations in Eurasia. Thus, Belarusian publishers, institutions, museums, clubs, and radio stations carry out various cultural activities to support their national traditions in Russia and through the Internet.¹³ Established in 2018, one of the main goals of the Association of Armenians of Russia is to support educational projects and a dialogue of cultures through its "Portal to the Armenian World."¹⁴ At the same time, the website of the Federal Georgian National-Cultural Autonomy in Russia provides a wide range of materials about the history of the Georgian Diaspora in Russia, its institutions, prominent individuals and public initiatives.

Despite its large size (about 647,000 people according to 2010 data), the Kazakh community in Russia uses the Internet less actively to promote the activities of its cultural and social organizations, and only a few of them have professionally designed sites and pages on social media. Meanwhile, there are almost no independent websites of the Uzbek diaspora's institutions, although the Moscow House of Nationalities, the House of Friendship of Peoples of the Samara Region and some other Russian public organizations keep databases of relevant information. The low educational levels and poor language skills of Central Asian migrants in Russia considerably hampers their integration into Russian and Eurasian society and culture.

Details about ethno-cultural associations in Kazakhstan are posted on the website of the Assembly of Peoples of Kazakhstan and on social media, while the joint portal, "Russian Compatriots in the Republic of Uzbekistan," provides some information about Russian, Bashkir and Tatar cultural centers there. As for Azerbaijan, expatriate organizations, including the Russian Community of Azerbaijan, the Association of Russian Youth of Azerbaijan (ARMA), the Center of Russian Culture, etc., use the Internet more actively.

Post-Soviet diasporas in regional and international intellectual dialogs

One of the new century's most important social developments is the rise of organizations of scientists and other academics of the diasporas. These include communities of Russian-speaking scientists and students in the Near and Far abroad. Some function as transnational networks that bring migrants from the USSR and post-Soviet countries together, including the Russian-speaking Academic Science Association (RASA), Association of Russian-Speaking Science & Technology Professionals (SciTech), and Association of Russian-Speaking Bio-Scientists (BIORUS), etc. Others have been established for scientist in diasporas in a particular country: Russian American Medical Association (RAMA), the Society of Russian-speaking Scientists and Innovative Entrepreneurs of Finland Science, etc. The Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences (AMAN) brings together Rus-

¹¹ U.M. Mehdieva, "Azerbaidzhanskaia diaspora v Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy [Azerbaijani Diaspora in Russia: Historical Experience and Prospects]," *Klio*, no. 8 (2014): 103–106.

¹² Shkola mladogo uchenogo AMOR [School of a young scientist AMOR], *AMOR website*, <http://amor.az/> 12-мая-прошла-заключительная-лекция-шко/

¹³ D.A. Taras, "Organizatsii belorusskoi diaspori v Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [Organizations of the Belarusian diaspora in Russia in the late XX – early XXI century]," in *Aktual'nie problemy mezhdunarodnykh otnosheniy i global'nogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of international relations and global development: a collection of scientific articles]. Issue 6, (Minsk: BSU Publ., 2018), 165–182.

¹⁴ "Sostoialas' prezentatsiia obshchestvennoi organizatsii 'Ob'edinenie armian Rossii' [Presentation of the public organization 'Union of Armenians of Russia']," *REGNUM*. Yerevan, June 9, 2018, <https://regnum.ru/news/society/2429479.html>

sian scientists and representatives of the diasporas of the Adyge peoples of the European Union, the United States, the Middle East, and other regions of the world.

The intellectual elites of post-Soviet diasporas often organize themselves in associations of university graduates in 68 countries. In 2015, the Global Alumni Alliance was founded in Moscow to provide mutual social and professional support to its members, as well as to develop an international intellectual dialogue. One of its endeavors is to organize meetings of Russian university graduates in the CIS, Europe, and Africa. In 2020, the alliance's priority was to create an International Media Resource Center to conduct its public diplomacy and to develop contacts with graduates of Soviet and Russian universities.

These post-Soviet academic diasporas of the 21st century take an active interest in science and higher education in the historical homeland.¹⁵ More than 80% of the representatives of the academic diaspora in Russia and the CIS countries maintain links with their colleagues at home as well as participating in joint research and scientific publications.¹⁶ The governments of Russia, Belarus and other CIS countries also cooperate with representatives of their scientific communities abroad. By the same token, Russian-speaking scientists living abroad organize and participate in international research projects, scientific forums, and educational programs. Online systems of communication and scientific publications are evidence of their work.

Post-Soviet diasporas also organize events dedicated to individual disciplines. For example, the St. Petersburg Association of Belarusian language experts has been organizing “St. Petersburg and Belarusian Culture” forums since 1991, while the Association of Scientists-Historians of Uzbekistan and Russia is planning to develop cooperation with colleagues in other Eurasian countries.

Intellectual dialogue in the post-Soviet space is developing under interstate programs of scientific cooperation between the CIS and the EAEU involving the Russian Near Abroad and scientists from post-Soviet countries working in Russia has promoted intellectual dialog among them. The Council for Cooperation in Basic Research of the CIS Member States, the Forum of Scientists-Compatriots of the CIS, and the Eurasian Universities Association play a leading role, while international programs of inter-university cooperation, as well as university networks of the CIS, the EAEU and the SCO also make a significant contribution to the development of modern intellectual communications as a mechanism for Eurasian integration.¹⁷

Due to the difficult geopolitical situation of the late 2010s, Russia's interaction with Russian-speaking communities beyond the CIS diminished. As a result, cooperation between Eurasian scientists has become all the more important.

Diasporas and financial systems in Eurasia

Modern information technologies in the Eurasian space can help integrate post-Soviet countries into the regional and global trade, economic, investment, industrial and technological establishments.¹⁸ Therefore, modernizing the financial systems of the CIS

¹⁵ A.G. Allahverdjian, and N.S. Agamova, “Rossiiskaia nauchnaia diaspora i mobil'nost' uchenykh migrantov v SSHA (konets KHKH – nachalo XXI veka) [Russian scientific diaspora and the scientists-migrants' mobility to the USA (late 20th – early 21st centuries)],” *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 3, no. 3 (2012): 43–53.

¹⁶ V.A. Malakhov, and A.V. Smirnova, “Vzgliad iz-za rubezha: problemy i perspektivy vzaimodeistviia s russkoiazychnoi nauchnoi diasporoi, [A look from abroad: problems and prospects of interaction with the Russian-speaking scientific diaspora],” *Upravlenie naukoj i naukometriia* 14, no. 4 (2019): 584–611.

¹⁷ E.I. Pivovar, *The World of Russian emigres in the late XX – early XXI centuries* (St. Petersburg: Aleteia Publ., 2021), 107–142.

¹⁸ M.A. Eskindarov, “Problemy integratsii finansovykh rynkov stran Edinogo ekonomicheskogo prostranstva [Problems of financial markets integration of the countries of the Common Economic Space],” *Finansy: teoriia i praktika*, no. 1 (2014): 8–19.

and the EAEU countries is priority for the economic and socio-cultural development of the Eurasian region.¹⁹

Much attention is being paid to a currency union and a single payment market in the EAEU, and these are being considered in implementing the strategy for the development of the Russian national payment system.²⁰

The study of financial and economic relations between the post-Soviet countries as one of the key aspects of Eurasian integration is one of the activities of The Institute for Post-Soviet and Interregional Studies.²¹ Research shows that international cooperation between banking institutions together with introducing modern financial technologies and services in the post-Soviet space is important to develop businesses of diasporas in their host countries. By the same token, they play a critical role in the daily lives of migrant workers, who rely on electronic payment systems to send their earnings to their families back home. This relationship between migration and financial flows has encouraged leading banks in Russia, Kazakhstan, and Armenia to set up branches in other CIS countries, as well as to improve their cooperation with major international financial institutions operating in Eurasia.

The business elites of CIS diasporas work well with the banking systems in their countries of residence, while also supporting charitable and humanitarian projects in their historical homeland. For example, one of the leading investment bankers in Russia, R. Vardanian, is a co-founder of the IDEa (Initiatives for Development of Armenia) charitable foundation, and contributed to the opening of the UWC Dilijan College in Armenia, etc.²²

As leading players in facilitating financial flows in the post-Soviet space, Sberbank, Alfa-Bank, VTB, Raffeisenbank, Roseximbank (Russia), BTA Bank, Kazkommertsbank (Kazakhstan), the International Bank of Azerbaijan (IBA) and a number of other financial institutions are actively developing their institutional and technological infrastructure to expand their commercial and private banking. Meanwhile, Eurasia's leading banks also have representative offices in Europe, the United States, and China, which allows them to serve clients among post-Soviet diasporas beyond Eurasia.

The interaction of financial institutions in the Eurasian space boosts its economy, whose growth in the modern age would be impossible without financial information technologies. By the same token, the involvement of diasporas in business in the region is also growing. Thus, on 8 December 2020 the Business Club of the Trade Representative of the Republic of Azerbaijan hosted a Forum on “Azerbaijan-Russia: Economic Diplomacy and Partnership Strategy” in Moscow, which was attended by statesmen, business-

¹⁹ V.F. Ershov, “Finansovaya sistema Rossii v kontekste modernizatsii sotsial'nogo prostranstva SNG i Blizhnego zarubezh'ia [The financial system of Russia in the context of modernization of the social space of the CIS and the Near Abroad],” *Perspektivy nauki*, no. 4 (2015): 158–162.

²⁰ A. Obaeva, and V. Balchinova, “Evraziiskii ekonomicheskii soiuz: perspektivy sotrudnichestva v platennoi sfere [Eurasian Economic Union: prospects for cooperation in the payment sphere],” *Mezhdunarodnye bankovskie operatsii*, no. 2 (2018): 6–12.

²¹ E.Ya. Vittenberg, and E.I. Pivovar, “Sotrudnichestvo rossiiskogo i ukrainskogo biznesa v sfere investitsii (1991–2013) [Cooperation of Russian and Ukrainian business in the sphere of investment (1991–2013)],” in Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 1 (Moscow: RSUH Publ., 2018), 9–72; E.Ya. Vittenberg, “Cooperation of Russian and Kazakhstan business: achievements and problems,” in Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 2, (Moscow: RSUH, 2019), 104–168; V.F. Ershov, “Russia and Kazakhstan: Interbank Interaction within the Eurasian Union,” Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 2 (Moscow: RSUH Publ., 2019), 169–105; E.Ya. Vittenberg, and E.I. Pivovar, “Rossiisko-azerbaidzhanskoe sotrudnichestvo v sfere biznesa: dostizheniia, problemy, perspektivy,” in Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 3 (Moscow: RSUH, 2020), 9–102.

²² “Publichnaia lektsiia R.K. Vardaniiana ‘Migratsiia v budushchee’ [Public lecture by R.K. Vardanian ‘Migration to the Future’],” *Lomonosov Moscow State University. History Department website*, September 17, 2019, <http://www.hist.msu.ru/partnerships/news-cooperation/54246/>

men and diplomats of both countries, including leading representatives of the business community of the Azeri diaspora.

In general, the development of banking technologies encourages international cooperation in business education and science, as well as promoting a dialogue between entrepreneurs, experts, and youth in Eurasia, which ultimately benefits the post-Soviet diasporas there.

Diasporas and culture

Diasporas often best express their identity in their host countries through art and culture.²³ Under the auspices of the Council for Cultural Cooperation of the CIS Member States, as well as governments and leading cultural institutions of the post-Soviet countries, their expatriates organized a wide range of events in the 2010,²⁴ including the “CIS Historical and Cultural Heritage Year” in 2011, the Year of Culture (2018) and a number of other initiatives that were widely covered in the international press.

Creative elites, business circles and many others in diaspora communities have been keen to participate in such initiatives as the Russia-Kazakhstan 21st Century Art Festival (held since 2013), nomadic culture festivals in Kazakhstan and Azerbaijan, as well as days of national culture, including those at the regional level, such as the Day of Belarusian Culture in Moscow (2017) and the Days of Culture of Turkmenistan in Kazan (2019). Members of the diasporas have also participated in such events as the exhibition of works by Russian artists of Azerbaijan (Baku, 2004), the “Georgian Artists” exhibition (Moscow, 2017) and in many other projects, which all create a positive, tolerant space for a cultural dialogue among the peoples of Eurasia.²⁵

Meanwhile, the regular seasonal cultural and artistic festivals that are mainly organized by the diasporas have become true celebrations of friendship and tolerance, including the Moldovan spring festival “Mărțișor,” “The Autumn gifts of Azerbaijan” in Moscow, the “We live in one family” summer festival of the Azerbaijani ethno-cultural association “Vatan” in Kazakhstan, etc.

The Internet, which facilitates the promotion of concerts, fairs, exhibitions, etc., is critical for the cultural life of post-Soviet diasporas in Eurasia. For example, the Moscow blogger Fatima Arifjanova created the project “Untold Stories of Pomegranate” dedicated to Uzbekistan on Facebook, which proved to be the most important cultural event in the life of Moscow’s Uzbek community. In the countries of the CIS, representatives of *Rossotrudnichestvo* (the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation) actively exploit the Internet by posting educational materials, information about events in Russia, the Near Abroad and beyond on their websites, in the media, and social networking websites.

Virtual museums, exhibitions, and concerts that cater to the cultural interests of the diasporas also provide many opportunities. The Russian Museum and the Tretyakov Gallery took the first steps in this direction by presenting digital exhibitions in the Centers of Russian Science and Culture Abroad, including in the CIS countries. In 2010, youth and children around the world were invited to create a Virtual Museum of Space Exploration.

²³ R.S. Tabasaranski, “Diaspora kak prostranstvo dialoga kul'tur [Diaspora as a space for the dialogue of cultures],” in *Dialog kul'tur i vyzovy sovremennoi epokhi: Materialy Bakinskogo foruma, posviashchennogo pamiati Geidara Alieva* [Dialogue of cultures and challenges of the modern era: Materials of the Baku Forum dedicated to the memory of Heydar Aliyev] (Moscow: Kanon+ Publ., 2019), 132–141.

²⁴ Fokin, Bogoliubova and Nikolaeva 2017

²⁵ Vesnina T.L., and T.N. Mikutskaiia, eds. *Iskusstvo za tolerantnost'. Khudozhniki blizhnego zarubezh'ia v kolleksii Tomskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeia: katalog* [Catalogue ‘The Art for Tolerance. The Artists of Post-Soviet Region in Collection of the Tomsk Region Art Museum’] (Tomsk: Tomskii vestnik Publ., 2010).

Meanwhile, a virtual museum of private art collections of Russia is being developed,²⁶ and a Iu. Verbitskaia's collection of contemporary fine arts of Tajikistan as well as Tahir F. Tairov's collection of traditional Central Asian textiles may also become exhibits.

Presenting works of art as well as historical and cultural monuments in cyberspace provides important new opportunities for diasporas to preserve their cultural identity; it has now become possible to provide free access to music, cinema, traditional and new art of the peoples of Eurasia. At the same time, the Internet as a platform for cultural dialogue is still in its formative stage. Its future will depend on the participation of government and public institutions.

Conclusions

Increasing globalization in the 21st century is having growing impact on the diasporas, both on their internal lives as well as on information, financial, economic and cultural interaction between the post-Soviet states. Thus, global information systems ensure the flow of public and private communications within and outside diasporas, financial flows, the organization of online events, communication with relatives and potential employers, and the promotion of images of the historical homeland while also helping to accelerate the adaptation and integration of migrants in their host countries.

Legal reference portals, electronic documentation, signatures, electronic translators, and bank cards create fundamentally different conditions for migration and the development of diaspora institutions in the post-Soviet space. At the same time, how many of these new opportunities are used by diasporas largely determines their role in the economy and culture, while also directly affecting their host countries.

The contribution of the diasporas of the peoples of the post-Soviet countries to developing Eurasia's information in the early 21st century is determined by the activity of scientists, cultural and business figures interested in improving international relations, forming new institutions and other forms of cooperation in their field, as well as participating in the public life of the countries of residence.

The modern post-Soviet ethnic diasporas and their new communities of scientists, university graduates, etc. play a role in developing information communications and the digital economy, thereby promoting Eurasian integration. The future prospects for information technologies in the post-Soviet space is based on creative interaction between the government institutions of the CIS and the EAEU and the civil societies of the Eurasian countries, of which the post-Soviet diasporas are an integral part.

The growing influence of informatization processes on the society, economy, and everyday culture of Eurasian countries necessitates setting new tasks for scholars who study diasporas in the post-Soviet space. It seems particularly important to continue examining the impact of information technologies on the formation of migration flows in Eurasia and on the assimilation of migrants in their host countries. It would also be useful to carry out a comparative analysis of the nature and level of involvement of the diasporas of the post-Soviet countries in the modern information community in Eurasia and elsewhere. And one worthwhile task of applied research would be to build databases of diasporas and various demographic and professional groups within a particular diaspora.

Submitted / Поступила в редакцию: 15.05.2021

²⁶ E.V. Nikolaeva, "Kontsepsiia virtual'nogo muzeia 'Chastnye khudozhestvennye kollektsii Rossii' [The concept of the virtual museum 'Private art collections of Russia']," *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 2 (2017): 112–115.

References

- Allahverdzhian, A.G., and Agamova, N.S. "Rossiiskaia nauchnaia diaspora i mobil'nost' uchenykh migrantov v SSHA (konets XX – nachalo XXI veka)." *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* 3, no. 3 (2012): 43–53 (in Russian).
- Brubaker, R. "Accidental Diasporas and External 'Homelands' in Central and Eastern Europe: Past and Present." *Institute for Advanced Studies, Vienna. Political Science Series*, no. 71 (October 2000), https://aei.pitt.edu/32402/1/1208853582_pw_71.pdf
- Ershov, V.F. "Finansovaia sistema Rossii v kontekste modernizatsii sotsial'nogo prostranstva SNG i Blizhnego zarubezh'ia." *Perspektivy nauki*, no. 4 (2015): 158–162 (in Russian).
- Ershov, V.F. "Russia and Kazakhstan: Interbank Interaction within the Eurasian Union." In Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 2, 169–205. Moscow: RSUH Publ., 2019 (in Russian).
- Eskindarov, M.A. "Problemy integratsii finansovykh rynkov stran Edinogo ekonomicheskogo prostranstva." *Finansy: teoriia i praktika*, no. 1 (2014): 8–19 (in Russian).
- Esman, M.J. *Diasporas in the Contemporary World*. Cambridge, MA: Polity Press, 2009.
- Guschin, A., and Levchenkov, A. "Post-Soviet Space in Contemporary Curricula and Cooperation Projects." *Baltic Region*, no. 3, (2010): 46–48.
- Kolstø, Pål. "Territorialising Diasporas: The case of Russians in Former Soviet Republics." *Millennium: Journal of International Studies* 28, no. 3 (December 1999), <https://journals.sagepub.com/toc/mila/28/3>
- Loshkarev, I.D. "Evolutsiia poniatiiia 'diaspora' v sovremennoi politicheskoi nauke." *Etносotium i mezhnatsional'naia kul'tura*, no. 4 (2017): 77–78 (in Russian).
- Malakhov, V.A., and Smirnova, A.V. "Vzgliad iz-za rubezha: problemy i perspektivy vzaimodeistviia s russkoiazichnoi nauchnoi diasporoi." *Upravlenie naukoj i naukometriia* 14, no. 4 (2019): 584–611 (in Russian).
- Mekhdieva, U.M. "Azerbaidzhanskaia diaspora v Rossii: istoricheskii opyt i perspektivy." *Klio*, no 8 (2014): 103–106.
- Moseikina, M. "La experiencia de la adaptación social y la integración de los migrantes en Rusia a la luz de la crisis europea de migración." In *Migración desde la ex URSS. La diáspora veinticinco años después*, 161–186. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, Unidad Xochimilco, 2017 (in Spanish).
- Nikolaeva, E.V. "Kontseptsiiia virtual'nogo muzeia 'Chastnye khudozhestvennye kollektsii Rossii'." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 2 (2017): 112–115 (in Russian).
- Obaeva, A., and Balchinova, V. "Evraziiskii ekonomicheskii soiuz: perspektivy sotrudnichestva v pliatezhnoi sfere." *Mezhdunarodnye bankovskie operatsii*, no. 2 (2018): 6–12 (in Russian).
- Pivovar, E.I. *Evraziiskii integratsionnyi proekt na postsovetskom prostranstve: predposylki, stanovlenie, razvitie (1991–2015 gg.)*. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2017 (in Russian).
- Pivovar, E.I. *The World of Russian Emigres in the Late XX – early XXI Centuries*. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2021.
- Platonov, Iu.P. *Etnicheskii faktor: Geopolitika i psikhologiya*. St. Petersburg: Rech Publ., 2002 (in Russian).
- Sheffer, G. *Diaspora politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Shneider, V.M. "Fenomen ukrainskoi identichnosti. Istoriicheskii ocherk." In Pivovar, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*, Issue 1, 115–137. Moscow: RSUH Publ., 2018 (in Russian).
- Tabasaranskii, R.S. "Diaspora kak prostranstvo dialoga kul'tur." In Gezalov, A.A., and Mamed-Zade, I.R. eds. *Dialog kul'tur i vyzovy sovremennoi epokhi: Materialy Bakinskogo foruma, posviashchennogo pamiati Geidara Alieva*, 132–141. Moscow: Kanon+ Publ., 2019 (in Russian).
- Taras, D.A. "Organizatsii belorusskoi diasporoy v Rossii v kontse XX – nachale XXI veka." In *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnosheny i global'nogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei*. Issue 6, 165–182. Minsk: BSU Publ., 2018 (in Russian).
- Tishkov, V.A. "Istoriicheskii fenomen diasporoy." In Poliakov, Yu.A., and Tarle G.Ya., eds. *Natsional'nye diasporoy v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv. Sbornik statei*, 9–44. Moscow: The Institute of Russian History of RAS Publ., 2001, (in Russian).
- Tishkov, V.A. *Rekvium po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii*. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Vesnina, T.L., and Mikutskaia, T.N., eds. *Iskusstvo za tolerantnost'. Khudozhniki blizhnego zarubezh'ia v kollektsii Tomskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeia: katalog*. Tomsk: Tomskii vestnik Publ., 2010 (in Russian).

- Vittenberg, E.Ya. “Cooperation of Russian and Kazakhstan business: achievements and problems.” In Pivovarov, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 2, 104–168. Moscow: RSUH Publ., 2019 (in Russian).
- Vittenberg, E.Ya., and Pivovarov, E.I. “Rossiisko-azerbaidzhanskoe sotrudnichestvo v sfere biznesa: dostizheniia, problemy, perspektivy.” In Pivovarov, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*, Issue 3, 9–102. Moscow: RSUH Publ., 2020 (in Russian).
- Vittenberg, E.Ya., and Pivovarov, E.I. “Sotrudnichestvo rossiyskogo i ukrainskogo biznesa v sfere investitsii (1991–2013).” In Pivovarov, E.I., ed. *Institute of post-Soviet and interregional studies*. Issue 1, 9–72. Moscow: RSUH Publ., 2018 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Пивовар Ефим Иосифович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, президент Российского государственного гуманитарного университета, директор Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья МГУ имени М.В. Ломоносова.

Efim I. Pivovarov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University for the Humanities, Head of the Department of History of the Near Abroad, Lomonosov Moscow State University.

Ершов Виталий Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ.

Vitaly F. Ershov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Chief Researcher of the Department of Post-Soviet Abroad Countries, Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities.

Катагощина Мария Всеволодовна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Центра изучения исторической памяти и гражданской идентичности Московского государственного педагогического университета.

Maria V. Katagoshchina, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Leading Specialist of the Center for the Study of Historical Memory and Citizen Identity, Moscow State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-448-460>

Научная статья / Research article

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии в начале XXI в.

Е.В. Кряжева-Карцева, А.А. Идрус

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6,
kartseva-ev@rudn.ru

Аннотация: Проанализированы предпосылки и этапы складывания миссионерской деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в Юго-Восточной Азии. Среди важнейших предпосылок отмечены следующие: опыт дореволюционных духовных миссий в Азии, а также православных общин русских эмигрантов после революции; формирование глобального рынка труда; международный туризм; стремление соотечественников, живущих за границей, сохранить «русский мир». Опираясь на малоизвестные и малоисследованные исторические источники, авторы определили формы проведения миссионерской работы в различных странах, оценили масштаб деятельности, в зависимости от сложившихся конфессиональных традиций, в частности, были выделены особенности миссионерской работы в странах, где преобладают буддисты (Таиланд, Камбоджа, Лаос), христиане (Филиппины), мусульмане (Индонезия, Малайзия). Специальное внимание уделено ситуации во Вьетнаме и многоконфессиональном Сингапуре. Авторы заключают, что миссионерская деятельность Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии к настоящему времени прошла ряд этапов: от появления первых православных общин в регионе до формирования централизованных структур управления новыми приходами, и сложившимися формами миссионерской деятельности с учетом местных особенностей.

Ключевые слова: Внешняя миссия Русской православной церкви, Патриарший экзархат Юго-Восточной Азии

Благодарности и финансирование: Авторы выражают свою благодарность за помощь в подготовке статьи ответственному за азиатское направление Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, советнику Патриаршего экзарха Юго-Восточной Азии Д.И. Петровскому.

Для цитирования: *Кряжева-Карцева Е.В., Идрус А.А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 448–460. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-448-460>

Missionary activities of the Russian orthodox church in Southeast Asia at the beginning of the 21st century

Elena V. Kriazheva-Kartseva, Asrinda A. Idrus

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Mikloukho-Maklaia St., Moscow, 117198, Russia,
kartseva-ev@rudn.ru

Abstract: The article analyses the Russian Orthodox Church's missionary activity of the in Southeast Asia, with a focus on its prerequisites and the stages of its development. ROC missionary work in the region could build on the experience of pre-revolutionary spiritual missions in Asia, as well as on the Orthodox

communities of Russian emigrants after the revolution. Important factors are also the formation of the global labor market; international tourism; and the aspiration of compatriots living abroad to preserve the “Russian World” (Russkii Mir). The article analyses the Russian historiography of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in Southeast Asia. With the establishment of the Patriarchal Exarchate in Southeast Asia in 2018, with its center in Singapore, a new stage of missionary activity in the region began. The establishment of the exarchate in Southeast Asia brought about the systematical management of the numerous Orthodox parishes that appeared at the turn of the millennium in this region. Relying on little-known and understudied historical sources, the authors identified the forms of missionary work in various countries and assessed the scale of activities in relation to the prevailing confessional traditions. This includes an analysis of missionary work in countries dominated by Buddhism (Thailand, Cambodia, Laos), Christianity (the Philippines), and Islam (Indonesia, Malaysia), with special attention paid to the situation in socialist Vietnam and multi-confessional Singapore. The authors conclude that the missionary activity of the Russian Orthodox Church in Southeast Asia has now passed through several stages from the emergence of the first Orthodox communities in the region to the formation of centralized structured management of the numerous new parishes, with missionary work conducted in ways that respond to the local characteristics.

Keywords: the external mission of the Russian Orthodox Church, The Patriarchal Exarchate in South-East Asia

Acknowledgements and Funding: The authors would like to express their gratitude to D.I. Petrovsky responsible for the Asian direction of the Moscow Patriarchate’s Department for External Church Relations, the Advisor to the Patriarchal Exarch in Southeast Asia, for his assistance in this article.

For citation: Kriazheva-Kartseva E.V., Idrus A.A. “Missionary activities of the Russian Orthodox Church in Southeast Asia at the beginning of the 21st century.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 448–460. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-448-460>

Введение

В начале XXI в. все более ощутимым становится понимание, что присутствие той или иной не исторически родной Церкви на инославной территории становится залогом создания если не благоприятной, то терпимой позиции местного населения по отношению к носителям иной культуры, а также механизмом формирования позитивного отношения к государствам, в которых исторически присутствуют данные церковные структуры.

В данном направлении сейчас организована миссионерская работа Русской православной церкви (далее – РПЦ) на неканонических территориях. Миссионерская деятельность РПЦ регламентируется рядом канонических и нормативных документов, важнейшими из которых являются: «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (утверждена на заседании Священного Синода РПЦ 27.03.2007 г.), «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» (Документ принят на заседании Священного Синода РПЦ 16.07.2013 г.) и другие.

С 1988 г., когда в Советском Союзе широко отмечалось 1000-летие Крещения Руси, ставшего отправной точкой возрождения Русской православной церкви после богоборческого периода в государстве, миссионерская деятельность была не только возрождена как особое направление работы, но и прошла несколько этапов развития.

Закономерным результатом миссионерской работы стало учреждение Священным Синодом в 2018 г. Патриаршего экзархата Юго-Восточной Азии с центром в Сингапуре¹. Повышение уровня административного представительства РПЦ Юго-Восточной Азии соответствует системному управлению многочисленными православными приходами, появившимися благодаря миссионерской деятельности РПЦ на рубеже тысячелетий в указанном регионе.

Последнее обстоятельство ставит перед исторической наукой задачу академического осмысления уже достигнутых РПЦ результатов.

¹ Патриарший экзархат Юго-Восточной Азии // Московский Патриархат Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5332938.html> (дата обращения: 10.04.2021 г.).

Академическое изучение миссионерской деятельности РПЦ в Юго-Восточной Азии

В последние десять лет стали появляться публикации, в которых раскрываются определенные аспекты миссионерской деятельности РПЦ в Юго-Восточной Азии. Первый очерк истории распространения православия в Таиланде, наряду с другими христианскими течениями, был представлен в работе игумена Олега (Черепанина)², в настоящее время уже архимандрита.

В дальнейшем в статье доктора исторических наук Г.С. Митыповой было охарактеризовано состояние православной общины в Таиланде, выявлены этапы ее становления³. Данное исследование стало результатом поездки преподавателей исторического факультета Бурятского государственного университета в 2011 г. в страны Юго-Восточной Азии с целью изучения истории распространения православия. Г.С. Митыпова подчеркнула, что «процессы возрождения структур Русской православной церкви, методологически выверенные по имперскому периоду, наличествуют и в деятельности РПЦ XXI в. на данных территориях»⁴.

А.Я. Соколовский, говоря о наиболее значимых публикациях в журнале «Известия Восточного института» за период с 1994 по 2014 гг., отметил статью И.Н. Золотухина «Некоторые аспекты жизни русских в Таиланде (на примере Паттайи)», посвященную возможностям и условиям пребывания русских в «Стране улыбок»⁵. В указанной работе затронут вопрос деятельности РПЦ в Таиланде: «Работает фонд Русской православной церкви, который возглавляет первый тайский православный священник, выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии отец Даниил (Данай Ванна)»⁶. С 1999 г. существует православная община; открытие храмов началось с того же года, с храма святителя Николая Чудотворца. И.Н. Золотухин подчеркнул, что РПЦ признает приоритет буддизма для жителей страны и выполняет помимо религиозных, также и культурно-просветительские функции, консолидируя вокруг себя православную общину, «куда помимо русских входят украинцы, болгары, казахи и даже тайцы». «Местная православная община также оказывает помощь русским туристам, которые из-за незнания законов Таиланда попадают в сложные ситуации»⁷.

Среди первых академических публикаций о миссионерской деятельности РПЦ в Индонезии необходимо отметить совместную статью кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Е.А. Черепневой и Д.И. Петровского, непосредственно интегрированного в церковную ситуацию в Индонезии.⁸

В 2014 г. вышла обзорная статья Е.В. Кряжевой-Карцевой, А.А. Идрус о миссионерской деятельности РПЦ в Таиланде, Камбодже и Индонезии⁹.

² *Олег (Черепанин)*, игумен. Православие в Таиланде // Олег (Черепанин), игумен. История христианства в Таиланде. Бангкок, 2008. С. 179–224.

³ *Митыпова Г.С.* Православие в Юго-Восточной Азии // Вестник Бурятского Госуниверситета. 2011. № 7. С. 166–171.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ *Соколовский А.Я.* Исследования вопросов Южной и Юго-Восточной Азии на страницах журнала «Известия Восточного института» (1994–2014) // Известия Восточного института. 2015. № 1. С. 22.

⁶ *Золотухин И.Н.* Некоторые аспекты жизни русских в Таиланде (на примере Паттайи) // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 85.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ *Черепнева Е.А., Петровский Д.И.* Православие в Индонезии (2007–2008) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 206–215.

⁹ *Кряжева-Карцева Е.В., Идрус А.А.* Новые векторы миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в начале XXI в. (на примере миссий в Таиланде, Камбодже и Индонезии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 2. С. 148–159.

В 2017 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова был успешно завершен проект «Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность», итогами которого стали межинститутская конференция и издание коллективного труда «Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность»¹⁰. Ряд авторов этой коллективной монографии затронули вопрос миссии РПЦ в разных странах Юго-Восточной Азии, а именно, И.М. Булкин (Вьетнам), Е.А. Фомичева (Таиланд), Н.Н. Бектимирова (Камбоджа), Н.А. Толмачев (Индонезия).

Вопросы внешней миссии РПЦ в Юго-Восточной Азии также обсуждались в ноябре 2018 г. в ходе круглого стола «Русская Православная Церковь и соотечественники: опыт сотрудничества в Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании» (Сеул), работу которого возглавил председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион; в ноябре 2020 г. в рамках третьей научной межинститутской конференции «Взаимодействие христианства с традиционными духовными ценностями стран Южной и Восточной Азии. История и современность», проходившей на базе МГУ имени М.В. Ломоносова и Центра современных исследований ИСАА.

Подводя итоги проведенного научного анализа по заявленной проблематике, необходимо отметить, что уже сложился определенный пласт работ о миссионерской деятельности РПЦ в Юго-Восточной Азии, но он имеет страноведческий характер, то есть ощущается недостаток компаративистских обобщающих работ. Кроме того, миссионерский опыт в странах изучен неравномерно. Относительно хорошо изучены такие страны, как Таиланд, Камбоджа, Индонезия. Данное обстоятельство подтверждает необходимость продолжения научных разработок в контексте изучения особенностей миссионерской деятельности РПЦ в Юго-Восточной Азии.

Общая характеристика миссионерской деятельности Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии

Присутствие РПЦ в Юго-Восточной Азии предопределено опытом предшествующих веков.

Российский религиовед, доктор исторических наук Р.А. Силантьев отметил это обстоятельство: «Недавнее создание Патриаршего экзархата Юго-Восточной Азии дает повод для разговора о миссии Русской церкви в этом регионе. Это отнюдь не новая миссия. В исторической ретроспективе миссионерские усилия Русской церкви всегда имели одним из своих основных направлений восток. Столетиями Русская православная церковь продолжала свою миссионерскую деятельность в этом регионе, и она принесла немалые плоды.

Назову в первую очередь созданную к XVII в. российскую духовную миссию в Китае и следовавшие за ней духовные миссии в Японии и Корее»¹¹.

Также историк подчеркнул, что «Азиатские экзархаты нашей Церкви существовали в регионе ранее: в 1946 году был учрежден Восточноазиатский экзархат, который был упразднен в 1956-м в силу скорее политических, нежели церковных причин»¹².

На это же обстоятельство обратил внимание и Патриарший экзарх Юго-Восточной Азии митрополит Сингапурский и Юго-Восточно-Азиатский Сергей (Чашин) в дискуссии с митрополитом Корейским Амвросием (Сеул, Константино-

¹⁰ Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность. М., 2016.

¹¹ Силантьев Р.А. Юго-Восточная миссия. URL: <https://iz.ru/853909/roman-silantev/iugo-vostochnaia-missia> (дата обращения: 05.04.2021).

¹² Там же.

польский Патриархат), считающим деятельность Московского Патриархата в Юго-Восточной Азии неканоничной. Митрополит Сергей подчеркнул: «Позволю себе напомнить историю появления Православия в регионе: русские священники начали свое пастырское служение в Китае в 1685-м году, святитель Николай (Касаткин) прибыл в Японию в 1861-м году, а Российская духовная миссия в Корее была учреждена в 1897-м году. Русские приходы в Индонезии появились в 1934-м году, в том же году был открыт приход в Маниле. Святитель Шанхайский Иоанн (Максимович) совершил первые богослужения во Вьетнаме в 1949-м году. И это всего лишь некоторые из документальных свидетельств начала действия миссии Русской Церкви в тех странах Южной и Юго-Восточной Азии, где в те годы не было представлено ни одной Православной Церкви»¹³.

Миссионерская работа РПЦ в Юго-Восточной Азии началась вскоре после распада СССР и проходила по разным сценариям, в зависимости от конфессиональной ситуации в той или иной стране, а также внешнеполитического курса государств.

К странам Юго-Восточной Азии относятся 11 стран – Вьетнам, Таиланд, Мьянма, Камбоджа, Лаос, Индонезия, Филиппины, Сингапур, Восточный Тимор, Бруней, Малайзия, часть из которых находятся на континенте, часть на островах. По сути, это огромный регион между Японией, Китаем, Индией и Австралией.

Если говорить о преобладающих конфессиях в регионе, то Юго-Восточная Азия традиционно считается центром буддизма, который распространен во Вьетнаме, Мьянме, Таиланде, Камбодже и Лаосе. Ислам доминирует в Индонезии, Брунее, Малайзии. В Восточном Тиморе и на Филиппинах в основном проживают христиане-католики, хотя на Филиппинах присутствует заметная доля протестантов. Мультирелигиозным государством является Сингапур.

Глобализация в сфере трудовой миграции и туризма стала катализатором появления православных приходов в Юго-Восточной Азии. Все страны региона были включены в 2019 г. в зону пастырской ответственности Патриаршего экзархата Юго-Восточной Азии, который включает следующие епархии: 1) Сингапурскую – в пределах Республики Сингапур, Республики Индонезия и Малайзии, Восточного Тимора и Папуа-Новой Гвинеи, с титулом епархиального архиерея «Сингапурский и Юго-Восточно-Азиатский»; 2) Корейскую – в пределах Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея, с титулом епархиального архиерея «Корейский» (это регион – Восточная Азия – прим. авт.); 3) Таиландскую – в пределах Королевства Таиланд, Королевства Камбоджа, Лаосской Народно-Демократической Республики и Республики Союз Мьянма, с титулом епархиального архиерея «Бангкокский и Пномпеньский»; 4) Филиппинско-Вьетнамскую – в пределах Республики Филиппины и Социалистической Республики Вьетнам, с титулом епархиального архиерея «Манильский и Ханойский».

Некоторые из учреждений Русской православной церкви в странах Юго-Восточной Азии уже прошли четыре этапа присутствия, а именно: 1) появление первых общин; 2) юридическая регистрация; 3) активный этап работы, включающий вовлечение все большего количества как соотечественников, так и местных жителей; перевод духовной литературы на местные языки; открытие храмов; рукоположение в православные священники представителей коренного населения; 4) расширение поля активности на сопредельные страны. Подобный алгоритм ха-

¹³ Сергей (Чашин), Митрополит Сингапурский и Юго-Восточно-Азиатский, экзарх Юго-Восточной Азии. Открытое письмо Патриаршего экзарха Юго-Восточной Азии Митрополиту Корейскому Амвросию (Константинопольский Патриархат). URL: <https://pravoslavie.ru/123370.html> (дата обращения: 05.04.2021).

рактен для Таиланда. В некоторых странах миссионерская работа находится лишь на начальной стадии.

Необходимо отметить, что появление РПЦ в странах региона связано в первую очередь с необходимостью пастырского попечения о соотечественниках. Однако в дальнейшем, из-за появления интереса к проповеди православия у местных жителей, был расширен спектр форм миссионерской работы, что в итоге привело в некоторых странах к появлению форм национального православия и поместных церквей.

Миссионерская деятельность РПЦ в буддистских странах Юго-Восточной Азии

К настоящему времени очевидно, что наибольшее число православных приходов было открыто в начале XXI в. в буддистских странах, так как местное население благосклонно относится к православным. Не столь радужной является картина в мусульманских странах и странах, находящихся под духовным контролем Римско-католической церкви.

Если говорить о первом этапе присутствия, то для него чаще всего характерна активная инициатива снизу – со стороны туристов, временных работников, либо уже выбравших путь миграции русскоговорящих православных, а также иногда поддержка местных жителей.

Архиепископ Марк (Головков), посещавший Таиланд с рабочим визитом в 2015 г., отвечая на вопрос о финансировании постройки храмов в Бангкоке, на Пхукете, двух храмов в Паттайе, а также на Самуи, Хуа Хине, Чанге и Чиангмае, отметил: «Большинство храмов строится за счет местных благотворителей. Первый храм в Бангкоке удалось арендовать благодаря госпоже Саманчит Тамовит, буддистке, которая решила помочь православной общине. В Паттайе местная компания-застройщик пожертвовала Русской Православной Церкви участок земли и приняла решение о безвозмездном возведении на нем православного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Храм расположен в так называемом «русском поселке», где основное население – наши соотечественники. В Бангкоке раньше службы проходили в арендованном помещении. Около двух лет назад [храм освещен в 2014 г. главой управления Московской патриархии по зарубежным учреждениям архиепископом Егорьевским Марком (Головковым) – прим. авт.] построили большой храм. Деньги на это собирались всем миром»¹⁴.

Благодаря усилиям православной пасты, а также архимандрита Олега (Черепанина), назначенного первым настоятелем прихода в Бангкоке в 1999 г., а в дальнейшем главой Представительства РПЦ в Таиланде в 2001 г., были достигнуты большие успехи в миссионерской деятельности в стране. Во-первых, была снята ситуация недоверия, особенно после государственного визита в Таиланд Президента России В.В. Путина в 2003 г. и ответного государственного визита в Россию Ее. Вел. Королевы Таиланда Сиричит в 2007 г. В начале 2008 г. Министерством внутренних дел Королевства было принято решение «зарегистрировать православную общину в Таиланде, как юридическое лицо в формате общественного фонда – «Orthodox Christian Church in Thailand»¹⁵.

Во-вторых, активно начали строиться и открываться новые храмы. В настоящее время в Таиланде работает десять храмов, а также мужской монастырь в Ратчабури.

В-третьих, расширяются возможности просветительской работы православной общины в Таиланде. Работает сайт «Православная церковь в Таиланде», изда-

¹⁴ Православие развивается и в Азии // Христианский мир Азии. 2015. Ноябрь. С. 18–19.

¹⁵ Олег (Черепанин), игумен. Православие в Таиланде... С. 174.

ются регулярные печатные издания: журнал «Христианский мир в Азии», газета «Таиланд православный».

В-четвертых, происходит обращение в православие тайцев. Особенно интересной является биография первого тайского священника иерея Даниила (Даная) Вана, который окормляет в настоящее время ряд приходов, возглавляет Фонд Православной Церкви в Таиланде, является одним из переводчиков «Закона Божия» протоиерея Серафима Слободского на тайский язык. Посетив храм в Бангкоке для подключения компьютера, пообщавшись с отцом Олегом, он принял решение посещать службы, а потом прошел обучение в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Когда его спрашивают о причинах выбора Православия, он отвечает: «Католики поют, у протестантов танцуют, молятся только у православных»¹⁶.

Еще один переводчик «Закона Божия» – госпожа Напатра Апхичатапхонг вообще из католической семьи. Она работала в аппарате парламента и стала посещать Бангкокский храм, позднее приняла православие и училась в духовной семинарии в Петербурге.

В-пятых, представительство РПЦ в Королевстве Таиланд также проводит пастырское окормление православных христиан в Камбодже и Лаосе. Интересно, что в результате деятельности представительства в соседних странах, среди клириков тайских храмов появился лаосец, иеромонах Михей (Тонгхам Пхиаксаявонг). В 2016 г. он завершил труд по переводу «Закона Божия» протоиерея Серафима Слободского на лаосский язык¹⁷.

История присутствия Московского Патриархата в Камбодже в какой-то степени является уникальной. Знакомство Камбоджи с православием началось в 1993 г., когда в столице Камбоджи, городе Пномпень, на территории посольства Республики Болгария в память о погибших в стране миротворцах была построена православная часовня во имя святого великомученика Георгия (Болгарский Патриархат). В 2001 г. в ходе поездки по странам Юго-Восточной Азии митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (в настоящее время – Патриарх Московский и всея Руси) совершил панихиду в данной часовне. Тогда же была достигнута договоренность с Болгарской православной церковью о возможности проведения богослужений в храме клириками Московского Патриархата. Постепенно в Пномпене и Сиануквиле сложились два прихода, которые в 2012 г. были приняты в юрисдикцию Московского Патриархата после соответствующего обращения паствы. Приходы были включены в зону пастырской ответственности Представительства РПЦ в Таиланде.

В дальнейшем в 2013 г. была официально зарегистрирована в качестве религиозной организации «Православная христианская Церковь Камбоджи (Московский Патриархат)»¹⁸, духовным окормлением которой занимается иеромонах Паисий (Ипате). Очевиден ряд достижений миссии в Камбодже: издан православный молитвослов на кхмерском языке, начал работу сайт «Православие в Камбодже»: <http://cambodia.orthodox.or.th/>, проводится свободная катехизация кхмеров, некоторые в дальнейшем принимают православную веру. Например, «в октябре 2015 г. в Свято-Георгиевском храме при Болгарском посольстве в Пномпене было совершено крещение тринадцати кхмеров, которые после проведения огласительных бесед, попросили принять их в Православную Церковь <...> Примечательно, что у ново-

¹⁶ Цит. по: Православие развивается и в Азии // Христианский мир Азии. 2015. Ноябрь. С. 19.

¹⁷ Выпускник Духовной Академии перевел на лаосский язык «Закон Божий» протоиерея Серафима Слободского // Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви. URL: <https://spbda.ru/news/vypusknik-duhovnoy-akademii-perevel-na-laoskiy-yazyk-zakon-bojiy-protiiereya-serafima-slobodskogo/> (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁸ Данный формат названия представлен только в нормативно-законодательных актах в Камбодже; с канонической точки зрения приходы в Королевстве Камбоджа относятся к Таиландской епархии Патриаршего экзархата Юго-Восточной Азии.

крестившихся крестными стали ранее крестившееся кхмеры, ныне постоянные прихожане»¹⁹.

В 2013 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил строительство в Камбодже храма в Сиануквиле, который был построен в честь св. великомученика Пантелеимона в 2015 г.

В 2014 г. руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям архиепископ Егорьевский Марк высоко оценил миссионерскую деятельность Представительства РПЦ в Таиланде, Камбодже и Лаосе в деле открытия новых храмов и увеличения количества православных верующих из числа местных жителей.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Социалистической Республике Вьетнам и в Республике Сингапур

В регионе есть две уникальные страны, чьи конфессиональные траектории выходят за рамки традиционного шаблона наличия в государстве одного господствующего вероисповедания.

Официально по ст. 24 Конституции во Вьетнаме гарантируется свобода вероисповедания²⁰. Среди верующих преобладают сторонники традиционных религий (поклонение духам), буддисты, христиане-католики. Тем не менее во Вьетнаме также есть две православные общины. Первая образована русскоязычными сотрудниками совместной русско-вьетнамской нефтяной компании и их семьями «Вьетсовпетро» в городе Вунгтау²¹. На территории компании выделено место для богослужений, приезжают священники, сложились свои традиции. С 2016 г. в Ханое существует вторая православная община в стране.

Священник Георгий Максимов – религиовед, православный миссионер, подчеркнул, что присутствие РПЦ в стране связано с необходимостью пастырского попечения о соотечественниках. Он, в частности, отметил: «Во Вьетнаме не было православной миссии и нет. Православных вьетнамцев немного. Это люди, которые самостоятельно нашли православие, убедились в нем и приняли его. В Ханое богослужения совершаются в Российском центре науки и культуры, их посещают сотрудники российского посольства, а также болгары, греки, румыны. На Пасху в этом году собралось 130 верующих [2018 г. – прим. авт.]. Приход сейчас еще на стадии становления. Там есть потенциал. В целом православных в Ханое больше 130 человек»²².

Свобода вероисповедания гарантирована в Конституции и во второй по плотности стране мира – Сингапуре, светской по своему характеру. Многообразие этносов проецируется на столь же пеструю картину вероисповеданий, представленных буддизмом, христианством протестантского толка (англикане, методисты, баптисты, лютеране, пресвитериане, неденоминационные мегацеркви, независимые церкви, протестантские секты), исламом, даосизмом, индуизмом и другими религиями.

Несмотря на активное увеличение количества адептов христианских мегацерквей Сингапура (Церковь «Город Жатвы», Церковь «Новое творение», Церковь

¹⁹ Головина М., Капенкина Т. Камбоджа – новая земля // Христианский мир Азии. 2015. Ноябрь. С. 11.

²⁰ The constitution of the socialist republic of Viet Nam // Vietnamnews. URL: <https://vietnamnews.vn/politics-laws/250222/the-constitution-of-the-socialist-republic-of-viet-nam.html> (дата обращения: 05.04.2021).

²¹ Булкин И.М. Православный приход во Вьетнаме // Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность. М., 2016. С. 192.

²² Цит. по: Федотова Н. От Филиппин до Тайваня. Миссионеры РПЦ – о служении в Азии // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/other/40155871-ot-filippin-do-tayvanya-missionery-rpts-o-sluzhenii-v-azii/> (дата обращения: 06.04.2021).

«Маяк Евангелизма», баптистская церковь «Сообщество веры»²³, РПЦ также нашла свое место в мегагороде.

В декабре 2003 г. в ходе архипастырской поездки по странам Юго-Восточной Азии митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (в настоящее время – Патриарх Московский и всея Руси) посетил Сингапур. Во время визита он 23 декабря совершил Божественную литургию в армянском храме во имя священномученика Григория Просветителя; участвовал в официальном приеме, где встретился с представителями дипмиссий, англиканским архиепископом Сингапура, настоятелем храма в честь Воскресения Христова (Константинопольский Патриархат), предпринимателями, членами православной общины; провел переговоры с государственным министром образования, общественного развития и спорта Сингапура Чан Су Сенем. В Посольстве Российской Федерации в Сингапуре митрополит Кирилл совершил водосвятный молебен, после чего встретился с сотрудниками российской дипмиссии. Во время беседы Владыка Кирилл обратил внимание на необходимость сохранения православной веры вдали от Родины²⁴.

В 2007 г. Священным Синодом Русской православной церкви был учрежден приход в честь Успения Божией Матери, который посещают до двухсот православных христиан, в основном русских. Местные принимают православие, но немногие. Работает воскресная школа, проходят занятия по церковному пению, чтению, катехизации. «Доброй традицией стало совершение ежегодных паломничеств по святым местам России, Святой земли и иных мест. Регулярно проводятся концерты и постановки, выезды на природу»²⁵.

Несмотря на минимальную долю присутствия православных во Вьетнаме и Сингапуре, можно с уверенностью сказать, что в этих странах РПЦ организовала работу пастырского попечения о соотечественниках.

Миссионерская деятельность РПЦ в христианских (католических) странах Юго-Восточной Азии

Филиппины и Восточный Тимор – это государства, в которых большая часть верующих исповедует католицизм, что предопределяет сложность присутствия православных общин в этих странах. Тем не менее в последние годы наметился позитивный сдвиг и здесь.

Дело в том, что предпосылки современной миссии на Филиппинах были заложены еще в послереволюционный период русской эмиграцией. Первые русские поселенцы появились на островах в 1923 г., когда восемьсот представителей белого движения приехали сюда, спасаясь от преследований большевиков²⁶. Впоследствии, благодаря стараниям епископа Пекинского и Китайского Виктора (Святина) в Маниле в 1934 г. был основан Иверский храм, просуществовавший до 1945 г., до разрушения во время освобождения города американцами²⁷.

В 1949 г., когда сформировалась вторая волна русской эмиграции, 6 тысяч «белых» русских приехали на Филиппины из Китая, где к власти пришли коммуни-

²³ Астафьева Е.М. Мегацерковь для мегагорода: тенденции и перспективы распространения протестантизма в Сингапуре // *Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность*. М., 2016. С. 186.

²⁴ РПЦ – Архипастырский визит митрополита Кирилла в страны Юго-Восточной Азии // Центр Азия. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1072433940> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁵ Приход Успения Божией Матери, Сингапур. Официальный приходской сайт. URL: <http://singapore.cerkov.ru/> (дата обращения: 08.04.2021).

²⁶ *Peñamante L.* Nine Waves of Refugees in the Philippines // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/ph/11886-9wavesrefugees.html> (дата обращения: 08.04.2021).

²⁷ History of the Philippine-Vietnamese diocese of the Russian Orthodox Church // Philippine and Vietnam Diocese. URL: <http://phvieparchy.org/en/eparchy/> (дата обращения: 08.04.2021).

сты. «Тиемпо Русь» или «Русское время» продолжалось на острове Тубабао Филиппинского архипелага с 1949 по 1953 г. Переселенцев окормлял Владыка Иоанн Шанхайский (Максимович), обладавший обширным опытом работы по объединению и сплочению разрозненных епархий. Благодаря его усилиям беженцы были затем переправлены в США²⁸.

Новый этап присутствия православной общины на Филиппинских островах связан с современным периодом. Миссионерская работа РПЦ проводится деликатно, с опорой на местное законодательство. Важную роль в миссионерской деятельности РПЦ в стране играют председатель отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), митрополит Сингапурский и Юго-Восточно-Азиатский Сергей (Чашин), митрополит Манильский и Ханойский Павел. В 2018 г. православные богослужения совершались уже в 16 русских приходах, на острове Минданао, в городах Давао, Макалунгот, Литл-Багио, Саласан и других, а в Маниле начались работы по возрождению Иверского храма²⁹.

В октябре 2019 г., на пленарной сессии XVI ежегодного заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи, президент Филиппин Родриго Дутерте пригласил миссионеров РПЦ приехать на Филиппины, чтобы заняться поисками места для постройки православного храма. Он также упомянул первый православный храм в стране, который, к сожалению, был разрушен³⁰. Инициатива президента была поддержана, и уже в феврале 2020 г. был освящен первый новый православный храм на острове Минданао³¹.

Миссионеры стараются проводить богослужения на местных языках. При храме блаженной Матроны Московской в городе Давао работает образовательный центр, который готовит филиппинцев для поступления в духовные школы РПЦ. Слушатели изучают догматику, апологетику и литургику, русский язык, пение. В приходах проводят библейские вечера.

Важным фактором возрождения православного присутствия на Филиппинах является благотворительная деятельность. В 2013 г. РПЦ вместе с международным сообществом приняла участие в оказании помощи и передаче средств жертвам тайфуна Хайян³²; в 2020 г., в условиях пандемии, оказывалась помощь остро нуждающимся, например, голодающим семьям города Давао и поселка Каюпу³³. Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем возрождение присутствия православных в регионе.

Говоря о Восточном Тиморе, стоит подчеркнуть, что в этом государстве только складывается присутствие РПЦ. 20–21 февраля 2020 г. состоялся первый визит Патриаршего экзарха Юго-Восточной Азии митрополита Сингапурского и Юго-Восточно-Азиатского Сергея в Демократическую Республику Восточный Тимор. В ходе архипастырского визита «в столице Восточного Тимора городе Дили состоялась встреча митрополита Сергея с представителями православных общин страны, которые осе-

²⁸ Исход на Филиппины и в Америку // Владыка Иоанн – Святитель русского зарубежья. М., 2008 // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/28248.html> (дата обращения: 05.04.2021).

²⁹ Федотова Н. Священники идут в миряне: что происходит с православной миссией в Азии. РИА Новости. 22 июня 2018. URL: <https://ria.ru/20180622/1523178718.html> (дата обращения: 08.04.2021).

³⁰ Open Forum at the 16th Annual Meeting of the Valdai Discussion Club. 03.10.2019 [видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Vg8wAS6o4go> (дата обращения: 10.04.2021).

³¹ На Филиппинах освящен первый храм Русской Православной Церкви. 2020 // Московский Патриархат. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5595777.html> (дата обращения: 10.04.2021).

³² Fr. Chrysostomos Sarmiento. Fr. Orthodox Render Assistance to Philippine Victims: Reported from the scene of the event. Tacloban, November 15, 2013. // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/65935.html> (дата обращения: 10.04.2021).

³³ На Филиппинах православные священники помогают нуждающимся семьям // Русский мир. URL: https://russkiymir.ru/news/273019/?sphrase_id=1122258 (дата обращения: 15.04.2021).

нию 2019 г. обратились к Предстоятелю Русской Православной Церкви с просьбой принять их в юрисдикцию Московского Патриархата»³⁴.

Митрополит Сергей обсудил с общинами вопросы дальнейшей работы, а именно, пастырского окормления организации богослужебно-приходской жизни, социальной работы, перевода богослужебных текстов на тетумский язык.

Миссионерская деятельность РПЦ в исламских государствах Юго-Восточной Азии

Индонезия является самой большой мусульманской страной в мире, что предопределяет сложности в работе православной миссии. В стране признаются ислам, католицизм, протестантизм (все христианские конфессии, в том числе православие, попадает в эту категорию), индуизм, буддизм и конфуцианство³⁵.

Первое знакомство с православными состоялось у индонезийцев на острове Ява в 1920-е гг., когда туда приехали эмигранты из России. В 1930–1950-х гг. в городах Батавия (в наст. время – Джакарта) и Бандунг были православные приходы, которые находились под юрисдикцией Харбинской епархии, но миссионерскую деятельность среди индонезийцев они не проводили³⁶. В 1934 г. священник Василий Быстров (с 1947 г. протоиерей) стал настоятелем первого прихода в Батавии, разрешение на открытие которого было получено от правительства Нидерландов. В октябре 1947 г. Архиерейский Синод Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) наградил отца Василия Быстрова наперсным крестом. В 1950-х гг. приход распался, т. к. отец Василий Быстров и прихожане покинули остров из-за войны Индонезии за независимость.

В конце 1980-х гг. в Индонезии началось становление православной общины, и оно было связано с личностью клирика Константинопольского Патриархата архимандрита Даниила (Бамбанга Дви Бьянторо), который, родившись в мусульманской семье, принял крещение в Голландской реформатской протестантской христианской церкви. В дальнейшем он проходил обучение в Евангельской протестантской духовной семинарии в Сеуле (Корея), и сделал свой выбор в пользу православия. В 1980-х гг. он окончил семинарию Святого Креста в США, обучался в университете штата Огайо на отделении антропологии. Вернувшись в Индонезию, архимандрит Даниил в 1990 г. открыл первый приход в городе Соло. Д.И. Петровский и Е.А. Черепнева пишут: «Позднее им была зарегистрирована в Министерстве по делам религии Индонезии «Индонезийская Православная церковь» (Gereja Orthodox Indonesia, GOI) – религиозная организация, насчитывающая около 2000 человек, которая, по мнению архимандрита Даниила (Бьянторо), должна являться зонтичной организацией для всех православных общин в Индонезии»³⁷.

Исследователи отмечают, что первоначально «почти все православные общины в Индонезии созданы трудами лично архимандрита Даниила»³⁸, который в своей миссио-

³⁴ Восточный Тимор // Азбука паломника. URL: https://azbyka.ru/palomnik/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%A2%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%80 (дата обращения: 15.04.2021).

³⁵ Указ Президента Индонезии № 6 за 2000 г. // Официальный сайт Министерства по делам религий Республики Индонезия. URL: <http://www.kemenag.go.id/index.php?a=artikel&id=12446&t=183> (дата обращения: 15.04.2021).

³⁶ Беседа архимандрита Даниила Бьянторо с архиепископом Иларионом из Австралии // Бьянторо, Даниил. *The Beginning of the Eastern Orthodox Mission in Modern Indonesia*. P. 17–19. URL: friendsofindonesia.org/docs/history.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

³⁷ Черепнева Е.А., Петровский Д.И. Православие в Индонезии (2007–2008) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 206–207.

³⁸ Толмачев Н.А. Православие в Индонезии // *Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность*. М., 2016. С. 285.

нерской деятельности учитывал этнокультурные особенности страны, службы проводил на индонезийском языке, после православных таинств устраивал и местные церемонии³⁹.

В 1990–1997 гг. православные приходы подчинялись Новозеландской митрополии Константинопольского Патриархата. В 1997 г. была создана митрополия Гонконга и Юго-Восточной Азии, в ведение которой была передана Индонезийская православная миссия. В 2000 г. отец Даниил обратился в Московский Патриархат с просьбой, чтобы РПЦ оказала помощь становлению православной общины в Индонезии. Шесть индонезийцев прошли обучение в русских семинариях.

В 2004 г. произошел переход индонезийских православных приходов из Константинопольского патриархата в юрисдикцию Русской православной церкви Заграницей, а в 2007 г. было восстановлено каноническое общение Московского Патриархата и Русской Православной церкви заграницей. В 2007 г. делегация РПЦ посетила Индонезию, состоялась встреча делегации единой Русской православной церкви с начальником генерального директората христианский сообществ Департамента религиозных дел Индонезии Я. Ласе, достигнуто согласие о регистрации представительства РПЦ⁴⁰.

Поддержка архимандрита Даниила (Бьянторо) со стороны РПЦ и РПЦЗ в его стремлении к созданию независимой церковной организации привела к обострению отношений с Константинопольским патриархом Варфоломеем, который наложил на отца Даниила прещение за его присоединение без отпускной грамоты к РПЦЗ. Архимандрит Даниил (Бьянторо) стал большую часть времени проводить в США, часто отсутствовать в стране. В настоящее время он уклонился в раскол и находится вне вселенского православия.

Однако на протяжении двух десятилетий XXI в. продолжало увеличиваться количество православных общин в Индонезии. Большинство общин находится на Яве, в том числе две – в столице страны Джакарте; по одной – в городах Соло (Суракарта), Сурабая, Моджокерто, Салатига и Бойолали, на о-вах Бали (г. Санур), Суматре (г. Медан), Сулавеси (г. Манадо), Тимор (г. Купанг) и Новая Гвинея (г. Джаяпура). В Джакарте располагаются кафедральный собор святого апостола Фомы (настоятель о. Борис Сетиаван) и домовый храм святого равноапостольного князя Владимира и другие.

Многие приходы создавались силами миссионеров РПЦ; храмы открывались на средства российских благотворителей, например, на Бали. Поэтому в Индонезии сложилась уникальная ситуация. Здесь служат в храмах как индонезийские священники (в основном в Джакарте и Сурабае), так и приехавшие из России. Такой же пестрый состав прихожан, который состоит из местных граждан и россиян⁴¹.

Хотя некоторые приходы и ушли в раскол вместе с отцом Даниилом, тем не менее большинство находятся в юрисдикции Патриаршего Экзархата Юго-Восточной Азии.

В еще одной мусульманской стране Юго-Восточной Азии – в Малайзии происходит зарождение православных общин. В 2012 г. в городе Куала-Лумпур был открыт приход во имя Архангела Михаила.

³⁹ Черепнева Е.А. Индонезийская Православная Церковь (ИПЦ): этнокультурная специфика и особенности церковного обряда (2005–2006) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2006. № 9. С. 370–385.

⁴⁰ Черепнева Е.А., Петровский Д.И. Православие в Индонезии. С. 209.

⁴¹ См. подробнее: Идрус А.А. Процесс становления Русской Православной Церкви на Бали // Альманах Казачество. 2019. № 42 (6). С. 116–122.

Выводы

Миссионерская деятельность РПЦ в Юго-Восточной Азии в начале XXI в. характеризуется рядом особенностей в организации работы – учетом национальных традиций, интересом к местной культуре, проведением богослужений на национальных языках, публикацией христианской литературы на местных языках, подготовкой клира из местного населения, сохранением братских отношений с миссионерами из других православных церквей в этом регионе, сохранением равновесия при выстраивании общения с другими конфессиями. Подобная стратегия может стать залогом долговременного закрепления в регионе, так как она показала свою успешность. Появление экзархата в Юго-Восточной Азии как структуры для централизованного управления православными приходами стало закономерным итогом многолетней миссионерской деятельности.

Следование новым требованиям внешней миссии позволит прогнозировать дальнейшее расширение поля миссионерской деятельности Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.05.2021

References

- Abylgazyev, I.I., Chief ed. *Khristianstvo v Yuzhnoi i Vostochnoi Azii: istoriia i sovremennost'*. Moscow: Klyuch-S Publ., 2016 (in Russian).
- Cherepneva, Ye.A. “Indonesian Orthodox Church (CPI): ethnocultural specificity and peculiarities of the church rite (2005–2006).” *Southeast Asia: Topical Development Problems*, no. 9 (2006): 370–385 (in Russian).
- Cherepneva, Ye.A., and Petrovskiy, D.I. “Orthodoxy in Indonesia (2007–2008).” *Southeast Asia: Topical Development Problems*, no. 11 (2008): 206–215 (in Russian).
- Golovina, M., and Kapenkina, T. “Cambodia is a new land.” *Christendom in Asia*, no. 4 (2015): 4–11 (in Russian).
- Idrus, A.A. “The process of formation of the Russian Orthodox Church in Bali.” *Almanac “The Cosacks,”* no. 42 (2019): 116–122 (in Russian).
- Kriazheva-Kartseva, Ye.V., and Idrus, A.A. “New vectors of missionary activity of Russian Orthodox church in early XXIst century (the case of missions in Thailand, Cambodia and Indonesia).” *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2014): 148–159 (in Russian).
- Mitypova, G.S. “Orthodoxy in Southeast Asia.” *Buryat State University Journal*, no. 7 (2011): 166–171 (in Russian).
- Oleg (Cherepanin), igumen. “Pravoslavie v Tailande.” In *Istoriia khristianstva v Tailande*, 179–224. Bangkok: [N.s.], 2008 (in Russian).
- Sokolovskiy, A.Ya. “Studies of the issues of South and Southeast Asia on the pages of the Far Eastern Federal University Journal (1994-2014).” *Far Eastern Federal University Journal*, no. 1 (2015): 15–26 (in Russian).
- Zolotukhin, I.N. “Some aspects of Russian life in Thailand (Pattaya).” *Far Eastern Federal University Journal*, no. 1 (2012): 79–89 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Кряжева-Карцева Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Elena V. Kriazheva-Kartseva, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Professor of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Идрус Асринда Аюб, аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Idrus Asrinda Ayub, PhD student of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-461-464>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Z historie exilu. Emigrace z území byvalého Ruského impéria v meziválečném Československu [Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии] / ed. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví, 2019. 176 p.

Е.П. Серапионова

Институт славяноведения РАН,
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32 А,
serapionova@mail.ru

Для цитирования: Серапионова Е.П. Рецензия на книгу: Z historie exilu. Emigrace z území byvalého Ruského impéria v meziválečném Československu [Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии] / ed. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví, 2019. 176 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 461–464. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-461-464>

REVIEW ON:

Michaela Kuthanová, ed. Z historie exilu. Emigrace z území byvalého Ruského impéria v meziválečném Československu [From exil history. Emigration from the Territory of Former Russian Empire to the Interwar Czechoslovakia]. Prague: Památník národního písemnictví Publ., 2019. 176 p.

Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies Russian Academy of Science,
32A, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia,
serapionova@mail.ru

For citation: Serapionova, Elena P. “Review on: Michaela Kuthanová, ed. Z historie exilu. Emigrace z území byvalého Ruského impéria v meziválečném Československu [From exil history. Emigration from the Territory of Former Russian Empire to the Interwar Czechoslovakia]. Prague: Památník národního písemnictví Publ., 2019. 176 p.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 461–464. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-461-464>

В 2020 г. исполнилось 100 лет Русского исхода, а в 2021 г. отмечается столетие так называемой Русской акции помощи чехословацкого правительства русским эмигрантам. Поэтому глубоко символично, что в самом конце 2019 г. в Праге вышла в свет последняя, заключительная монография в серии книг большого исследовательского проекта 2016–2018 гг. на тему «Опыт изгнания/Судьбы эмигрантов с

территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии», осуществленного при финансовой поддержке Программы Министерства культуры Чешской Республики (ЧР). Основным организатором и исполнителем проекта стал архив «Памятники национальной письменности» вместе с рядом исследователей из Славянского института Академии наук ЧР, Славянской библиотеки в Праге, Театрального института Академии наук ЧР и Карлова университета.

Первая книга этой серии «Опыт изгнания» была опубликована в 2017 г., вторая – «Истории изгнания» появилась в 2018 г. Третья книга под названием «Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии» вышла в 2019 г. В рамках проекта в пражском летнем королевском дворце «Звезда» в 2017 г. прошла широкомасштабная выставка документов и материалов по истории российской эмиграции в межвоенной Чехословакии, дополненная тематическими просмотрами, экскурсиями, специализированными лекциями и показом фильмов того времени. Книга «Опыт изгнания» представляет собой каталог показанных на выставке экспонатов, коллективная монография «История изгнания» является продолжением каталога и содержит более подробные тексты по проблемам, не получившим всестороннего освещения на выставке.

В мае 2018 г. в чешской столице состоялась представительная международная конференция по указанной тематике. Основу рецензируемой книги и составили материалы этого форума. Как указывает в предисловии в тому «Из истории изгнания...» его ответственный редактор Михаэла Кутанова, мы живем в эпоху миграций, поэтому изучение эмиграционных волн в Европу становится весьма актуальной проблемой. Причины современных миграционных процессов, конечно же, в корне отличны от эмиграции с территории Российской империи. Если эмиграция из России прежде всего была связана с революционными событиями и Гражданской войной и носила политический характер, то современные миграционные процессы вызваны, прежде всего, экономическими причинами, ростом идеологического экстремизма, религиозного фанатизма и связанными с ними насилием и терроризмом. Но и в том, и в другом случае речь идет о массовом перемещении людей, вызывавшим проблемы и даже кризисы в странах, куда устремлялись потоки эмигрантов.

Российская послереволюционная эмиграция рассматривается сегодня как историческое явление, серьезное изучение которого продолжается последние 30 лет. При этом наши чешские и словацкие коллеги проделали огромную работу по изучению истории русских в Чехословакии. Ими изданы воспоминания и дневники, монографии и сборники документов, статьи в научных журналах и сборниках. Эмигрантской проблематикой занимаются ученые разных специальностей: историки, литературоведы, философы, культурологи и искусствоведы, которые до сих пор ставят вопросы, насколько феномен Русского зарубежья как «России вне России» носит беспрецедентный характер. Что касается Русской акции помощи чехословацкого правительства русским эмигрантам, то ее исключительность состояла в ее официальном характере, организованности, широком масштабе, покровительстве президента, а также в том, что она стала составной частью государственной политики возникшей в 1918 г. Чехословацкой республики (ЧСР). «Русскую акцию помощи» поддерживали практически все чешские и словацкие политические партии, за исключением коммунистов. Специалисты продолжают спорить о мотивах и причинах столь щедрой помощи чехословацких властей беженцам из России, но практически никто не отрицает ее централизованный, широкомасштабный характер, направленность на определенные социальные слои русских эмигрантов. Акция позволила русским эмигрантам выжить в трудных условиях, получить образование и профессию, многим из них – продолжить профессиональную деятельность, трудоустроиться и надолго обосноваться в новой стране. Хотя процесс интеграции был непростым и потребовал длительного времени.

Третий том указанной серии состоит более чем 20 работ ученых из разных стран, принявших участие в пражской международной конференции 2018 г. Они собраны в шести разделах, отражающих основные вопросы, поднятые авторами. В их числе: 1) проблемы и задачи эмиграции; 2) эмигрантский вопрос и Советская Россия; 3) общественные науки; 4) медицина и естественные науки; 5) источники по изучению эмиграции; 6) искусство, театр и литература.

Даниела Коленовска посвятила свою работу белорусской эмиграции в Чехословацкой республике. Белорусские противники советской власти в основном сосредоточили свою деятельность в студенческой среде. Некоторые белорусские представители успешно закончили вузы в Праге, Брно, Подебрадах и Братиславе. Олег Ратушняк остановился на положении казаков в межвоенной Чехословакии, большая часть из которых была земледельцами, меньшая состояла из студенчества. Казаки в эмиграции были весьма активны, основали Донской казачий архив, издавали собственные периодические издания, входили в различные эмигрантские организации. Елена Седова рассмотрела русскую эмигрантскую педагогическую прессу в ЧСР, на страницах которой ставились вопросы о том, как сохранить у молодого поколения связь с родиной, привить любовь к родному языку и культуре и вместе с тем помочь адаптации в чужой среде. В центре внимания Лидии Петрушевой – День русского ребенка, проводившийся в конце 1920-х–1930-е гг. в Чехословакии с целью получения средств на детские организации и школы в разных странах. Александра Микулёнок рассказала о Дне русского инвалида, организованного для сбора денег в пользу наименее защищенной группы эмигрантов – военных инвалидов, которые были существенно ограничены в возможностях трудоустройства, а также об акциях, устраиваемых в их поддержку.

В следующем разделе проанализирована роль русской эмиграции в установлении и развитии советско-чехословацких отношений. Зоя Барбарунова, просмотрев в Национальном архиве личные дела более 4 тыс. русских эмигрантов, пришла к выводу, что около 20 % из них в 1920-е гг. были охвачены сменовеховскими настроениями и были настроены на возвращение на родину. Анна Хулш сравнила литературные тексты писателей Е. Каликина и В. Вилинского, в которых описывались Чехословакия и Советская Россия.

Ирина Щеблыгина посвятила свое исследование оказавшимся в Чехословакии выпускникам Московского университета, среди которых были известные ученые и общественные деятели: Н.П. Кондаков, Н.С. Трубецкой, В.Ф. Булгаков, Н.И. Астров и др. Валентина Волошина продолжила тему «Наука в эмиграции», сосредоточившись на формировании в ЧСР сообщества историков. Валентина Корзун написала о первых опытах составления библиографических работ русских эмигрантов, коснувшись истории возникновения Комитета русской книги и двухтомного библиографического информационно-справочного издания «Русская зарубежная книга», до сих пор не потерявшего значения. Михаил Ковалев описал научные связи между Прагой и Бирмингемом. Источником автору послужили опубликованные материалы личного архива экономиста и политолога Сергея Коновалова.

Судьбы отдельных эмигрантов – врачей, ученых оказались в центре внимания Даны Гашковой, рассказавшей о враче Льве Спинаделе, основателе анестезиологии и реаниматологии в Чехословакии, Зои Бочаровой, описавшей материалы к воспоминаниям астрофизика В.В. Стратонова. Йиржи Мартинек посвятил свое исследование геологам – отцу и сыну Николаю и Дмитрию Андрусовым.

Якуб Хаузер изучил материалы фондов чешских архивов, касающиеся Русского культурно-исторического музея, Мария Липатова рассмотрела музеефикацию русского театра в Праге, Мария Васильева проанализировала материалы, связанные с русской эмиграцией в ЧСР, сохранившиеся в архивных фондах Дома русского

зарубежья. Михаэла Кутанова представила документы по истории Украинского свободного университета, отложившиеся в фондах Литературного архива Музея чешской литературы.

Вера Велеманова подробно разобрала сценографическое творчество русских эмигрантов в пражских театрах, указав, что многие декорации для Национального и других пражских театров выполнили Ксения Богуславская, Иван Билибин, Николай Бенуа, Николай Зарецкий. В работе Елены Букреевой рассказывается о Николае Зарецком – сценографе и декораторе пражских театров. Глава подготовлена на основе переписки Зарецкого с прима-балериной Елизаветой Никольской. Рене Андрейс повествует о судьбе фольклористки, литературного критика Надежды Мельниковой-Папоушковой, уделяя значительное внимание ее адаптации в чешской среде. Дарья Костина остановилась на портретной галерее русского художника-эмигранта Григория Мусатова. В коллекции – портреты писателей Евгения Чирикова и Василия Немировича-Данченко, а также наиболее удавшийся художнику, по мнению специалистов, портрет калмыцкой женщины.

Все три тома, включая последний, являются многоязычными изданиями. Все они богато иллюстрированы уникальными фотографиями из архивных коллекций. Сопровождены справочным аппаратом на русском и чешском языках, а именно: списком сокращений, перечнем избранной библиографии, именованным указателем и резюме на русском, чешском и английском языках. Рецензентами тома являются директор Славянской библиотеки в Праге д-р философии Лукаш Бабка и доцент, д-р философии Гануш Никл. В качестве пожелания хотелось бы высказать предложение редактору и составителю тома размещать в такого рода изданиях краткую информацию об авторах и их координаты для установления и активизации профессиональных контактов. В целом книга получилась интересной, заслуживающей внимания как специалистов, так и всех любителей российской истории и интересующихся Русским зарубежьем.

От души поздравляю коллег с замечательным изданием, в котором жизнь и деятельность русских эмигрантов в ЧСР представлена многопланово, без прикрас, подчеркнут вклад русских изгнанников в развитие чешской науки и культуры и укрепление связей русских с чехами и словаками. Книга, в которой подводится своеобразный итог научной разработки истории Русского зарубежья в ЧСР за последние тридцать лет, стала прекрасным подарком к столетию Русского исхода и начала Русской акции помощи чехословацкого правительства.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.11.2020

Информация об авторе / Information about the author

Серапионова Елена Павловна, доктор исторических наук, заведующая Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ.

Elena P. Serapionova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Head of the Department of the History of Slavic Peoples during the period of World Wars, Institute of Slavic Studies Russian Academy of Science, Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-465-469>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Аманжолова Д.А. Советский проект в Казахстане:
власть и этничность, 1920–1930-е гг.
М.: Институт российской истории РАН, 2019. 488 с.**

И.В. Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17,
siem405@yandex.ru

Для цитирования: Октябрьская И.В. Рецензия на книгу: Аманжолова Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 488 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 465–469. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-465-469>

REVIEW ON:

**Amanzholova D.A. *Sovetskii proekt v Kazahstane:
vlast i etnichnost, 1920–1930-e gg.* [The Soviet project
in Kazakhstan: the power and ethnicity, 1920–1930].
Moscow: The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 488 p.**

Irina V. Oktiabrskaja

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Academician Lavretiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russia,
siem406@yandex.ru

For citation: Oktiabrskaja, Irina V. “Review on: Amanzholova, Dina A. *Sovetskii proekt v Kazahstane: vlast i etnichnost, 1920–1930-e gg.* [The Soviet project in Kazakhstan: the power and ethnicity, 1920–1930]. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 488 p.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 465–469. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-465-469>

Монография Д.А. Аманжоловой, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, одного из известных историков России, стала частью долговременного авторского проекта по изучению национальных движений и национальной политики в имперской России, СССР и странах СНГ¹. Ее выход был приурочен к 100-летию образования Казахской автономии в составе РСФСР и 100-летию образования СССР.

© Октябрьская И.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ См. работы автора: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905–1920 гг.). М., 1994; Аманжолова Д.А. Советская этнополитика (1929–1941 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012. С. 207–262;

Будучи заметным явлением российской историографии, работа Д.А. Аманжоловой посвящена оценке советского федерализма, проблемам формирования и функционирования институтов власти, в том числе в системе отношения центра и советских республик.

В монографии обозначен подход к осмыслению процессов национального строительства и самоопределения Казахстана на основе фундированного освоения широкого круга источников и их системного анализа. Ставка на достоверность документа и точность фактов определяет авторскую стратегию, позволяющую избежать идеологизации в оценке этнополитической истории.

Исследование Д.А. Аманжоловой основано прежде всего на материалах государственных архивов России и Казахстана: РГАСПИ, ГА РФ, ЦГА РК, АП РК, ЦДНИ ВКО, а также на нормативных документах, периодических изданиях, на обширном своде литературы, представляющей различные национальные школы и направления в изучении советской этнополитики.

Анализ советского проекта в Казахстане, предпринятый автором, стал частью широкого пула исследований по этнополитической истории Центральной Азии, где на конец 2010-х гг. были представлены векторы колониальности, постколониальности и деколониальности и проч. В российской, казахстанской, европейской, американской и др. историографии интерпретация (и реинтерпретация) имперского и советского прошлого в их «колониальной» сущности сочеталась с оценкой гибридной природы советского государства, с суждениями об уникальной модернизирующей миссии «советской империи», с концептами неокOLONIALИЗМА и т. д.

В многообразии подходов к оценке ситуации в Казахстане 1920–1930-х гг. монография Д.А. Аманжоловой ориентирована на прагматический, системный анализ политической культуры и практик управления.

Ключевой в исследовании Д.А. Аманжоловой являются понятия «политического класса» – страта, осуществляющего контроль и оказывающего влияние на политическую организацию общества и «элиты» – неотъемлемой части социума, которая осуществляет функции управления и участвует в выработке новых моделей поведения.

Феномен советизации Казахстана и формирования новой политической элиты автор рассматривает в единстве этносоциального, политико-правового, идеологического и административного факторов. Определяющими для советского проекта считает: административно-территориальное структурирование и организацию управления республики; создание ее политической элиты и бюрократии; формирование культуры власти (включая сферу образования административно-управленческого аппарата), отвечающую целям и содержанию процесса нациестроительства. Анализ этих параметров определяет структуру и содержание работы.

Первая глава монографии (С. 21–31) посвящена характеристике Казахстана начала XX в. – накануне и в процессе утверждения советской власти. Давая оценку системным трансформациям, происходившим в казахской степи в этот период, автор подчеркивает, что этносоциальные конфликты революционной эпохи преодолевались в ходе индустриализации и насильственной седентаризации, что сопровождалось трагическими демографическими последствиями и репрессиями. В этих условиях происходило строительство советской административно-хозяйственной системы, создание новой политической культуры.

Во второй главе (С. 32–54) рассматривается социально-политическая ситуация в казахской степи накануне провозглашения Казахской ССР в связи с проблемой формирования советской этнополитической и управленческой элиты. Ключе-

выми сюжетами раздела являются история создания КирРВК, подготовка I Всекиргизского (Всеказахского) съезда Советов и провозглашение в августе 1920 г. Киргизской АССР (с 1925 г. – Казахская АССР, с 1936 г. – Казахская ССР)². Автор доказывает, что политический дискурс и организационные практики, которые сопровождали процесс советизации Казахстана, были ориентированы на создание фундамента казахской советской этнократии на основе рекрутинга из представителей разных социальных групп, проявлявших солидарность с программными положениями большевиков. В конечном итоге органы власти в республике были сформированы на общесоветской основе.

Третья глава (С. 55–77) монографии раскрывает проблемы политического структурирования автономии. В этом разделе анализируются причины неэффективности проекта, связанного с наделением г. Оренбурга статусом столицы Казахстана. Исторически формировавшийся как локус межкультурного взаимодействия, он не отвечал задачам национального строительства и не удовлетворял ни одну из действующих сил, участвующих в формировании системы управления.

В четвертой главе монографии (С. 78–117) тема административно-территориальной организации Казахстана в единстве с созданием системы управления получает дальнейшее развитие. Воссоздавая этот процесс, Д.А. Аманжолова выделяет проблему демаркации границ (при изменении статуса и обозначения Казахстана – от Киргизского края к Киргизской АССР в составе РСФСР, затем к Казахской ССР в 1936 г.). Важным в политической трансформации советского Казахстана автор считает процесс районирования (с учетом этнического картирования), в ходе которого осуществлялась адаптация этносоциальной (жузовой) системы, планировались векторы урбанизации, закладывались механизмы управления и происходила консолидация этнонационального сообщества.

Пятая глава монографии посвящена большевизации этнической элиты Казахстана (С. 118–201). Автор подчеркивает, что в ходе создания советского союзного государства казахи в числе других народов, которые обрели государственность, институализировали этничность, что обусловило исключительную роль местной элиты. В ходе большевизации была выстроена система отбора и практика идейно-политической подготовки и карьерного роста управленцев; произошла коренизация аппарата.

В шестой главе (С. 202–266) на обширном фактическом материале Д.А. Аманжолова доказывает, что в ходе большевизации происходило «перекодирование» традиционных политических и социальных ценностей казахского сообщества. Этот процесс сопровождался обострением внутри- и межэтнических взаимодействий. Становление новых поколений казахской элиты разворачивалось в сложном переплетении традиционных, реформаторских и революционных моделей. Их совмещение, по оригинальному заключению автора, формировало инерцию советской управленческой системы Казахстана 1920–1930-х гг.

В седьмой главе (С. 267–299) речь идет о том, что реструктуризация казахской политической элиты была связана с передислокацией политического центра республики. Автор убедительно показывает, как перенос столицы (из Оренбурга в Кызыл-Орду, затем в Алма-Ату) стал важным фактором политической стабилизации советского Казахстана. Он осуществлялся одновременно с административно-территориальной реорганизацией республики. Уникальная история Казахстана 1920–1930-х гг. получила, по точному замечанию Д.А. Аманжоловой, продолжение в постсоветский период. Ребрендинг столицы повторил управленческую логику совмещения поли-

² До середины 1920-х гг. в науке и официальной сфере советского государства происходил переход от использования этнонимов «киргиз-кайсаки» и «киргизы» к самоназванию «казахи». Окончательное изменение произошло в 1936 г., когда утвердился политоним «Казахская ССР».

тической инженерии с импульсами формирующегося этнонационального самосознания.

В восьмой главе (С. 300–345), продолжая тему соотношения этничности и власти, автор рассматривает идеологию, механизмы и динамику коренизации политического и административного аппарата Казахстана в 1920–1930-е гг. Особое место в этом процессе отводилось реформе письменности и системы образования. Выделяя этапы преобразования: 1920–1929 гг. – введение казахского языка в делопроизводство с использованием арабской графики; 1927–1940 гг. – переход на латинский алфавит; с 1940 г. – введение кириллицы, – Д.А. Аманжолова подчеркивает, что каждый из них имел особенности с точки зрения формирования культуры власти. Трансформация письменности соответствовала задачам политики по ликвидации безграмотности, расширению сферы применения казахского языка, обеспечению равенства и самоопределения в рамках политического пространства Казахстана.

С организацией общесоюзной системы управления особое место в общественно-публицистическом и академическом дискурсе Казахстана заняла проблема казахско-русского двуязычия. Билингва оказывала амбивалентное воздействие на формирование и деятельность республиканского политического класса, сохранившего связь с аутентичной языковой средой в повседневной сфере и переориентированного на русский язык в системе управления. Согласно выводам автора, политико-административный аппарат Казахстана изначально складывался как многонациональный.

Девятая глава монографии (С. 346–371) детализирует обозначенный ранее процесс создания в Казахстане масштабной системы образования и идейно-политической подготовки нового поколения административно-политической элиты. Анализируя динамику политпросвещения в советском государстве, Д.А. Аманжолова подчеркивает, что формировавшиеся этой системой поколения чиновников считались свободными от этники прошлого. Приоритетными были социально-классовые позиции новой элиты. Характер ее подготовки определялся политической конъюнктурой при порой низком уровне образования и навыков управления.

В десятой главе (С. 372–403), отслеживая процесс формирования политической элиты, автор пытается оценить ее установки, которые варьировались в широком социокультурном и морально-нравственном диапазоне, соединяя патриархальные и модерновые ценности. На конкретных примерах Д.А. Аманжолова показывает, как этнобюрократия использовала обычное право и ресурсы власти в решении проблем транзитивного казахского/казахстанского общества 1920–1930-х гг. Последующая централизация в организации управления Казахстана совпадала с процессом политических репрессий.

Воссоздавая трагические страницы этнополитической истории Казахстана, Д.А. Аманжолова сумела показать, как репрессии деформировали этнополитическое самосознание; трансформировали методы отбора и состав элиты, а также структуру и методы власти в масштабах союзного государства и его регионов.

В целом, предпринятый в монографии многофакторный анализ этнотерриториальных, этносоциальных и этнополитических отношений позволил реконструировать процесс советского строительства в Казахстане, в ходе которого произошла организация системы управления с учетом административно-политического взаимодействия союзного центра, автономии и ее частей. Процесс унификации бюрократии в союзном масштабе и ее адаптации к Казахстану определил характер нациестроительства в республике.

В монографии убедительно доказано, что советизация, как и предшествующий ей (несостоявшийся) проект автономизации движения Алаш начала XX в., была ориентирована на модернизацию казахского общества в составе полиэтничной России. Модификация политической культуры и социальных доминант казахского со-

общества, а также формирование новой элиты происходили в условиях динамичного межкультурного взаимодействия.

Детальное (с проекцией на социально-политическую историю) освещение в монографии механизмов формирования номенклатуры и лояльных управленцев позволило автору раскрыть характер этнополитической элиты Казахстана в процессе национального строительства. Один из основных тезисов работы заключается в том, что формирование казахстанской государственности советского типа предполагало не только принципиальную смену политического класса и элиты, но и создание новой системы политических и гражданских институтов и ценностей (включая социально-экономические преференции), а также культурных и образовательных приоритетов.

Предпринятый в монографии анализ этно- и социокультурных процессов в Казахстане 1920–1930-х гг. позволил Д.А. Аманжоловой убедительно доказать неуместность утверждения о «внешнем» характере советской системы для республик СССР. Культура власти, практики управления и политический класс Казахской ССР имели глубокие основания в ее этносоциальном пространстве. «Советское прошлое, пишет автор, – неотъемлемая часть всей истории Казахстана и казахского народа, и советскость в ее казахстанском варианте стала не только проектом, навязанным сверху, но и совокупностью свойств, воспринятых и встроженных в этносоциальный и культурный ландшафт усилиями всех групп общества, делегированным коллективным актором которых стала элита»³.

Эти выводы позволяют оценить реконструкцию советского проекта Казахстана 1920–1930-х гг. Д.А. Аманжоловой с позиций политического менеджмента и прогностики. Монография «Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг.», будучи уникальной по объему информации, воссоздает этнополитическую модель, которую унаследовал Казахстан (как и большинство бывших советских республик) в 1991 г. Выстраивая связь между советским прошлым и современным настоящим, работа дает повод для глубоких размышлений. Она представляет большой интерес для историков, политологов, этнологов, социальных антропологов – теоретиков и практиков, ориентированных на экспертизу этнонациональных проектов прошлого, настоящего и будущего.

Поступила в редакцию / Submitted: 28.02.2021

References

- Amanzholova, D.A. “Sovetskaia etnopolitika (1929–1941 gg.)” In *Etnicheskie i religiozniye faktory v formirovaniye i evolyutsii Rossiiskogo gosudarstva*. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2012 (in Russian).
- Amanzholova, D.A. *Kazahskii avtonomizm. Istoria dvizhenia Alasch (1905–1920 gg.)*. Moscow: Rossiia molodaya Publ., 1994 (in Russian).
- Drozov, K.S., Amanzholova, D.A., and Trepavlov, V.V. “Etnicheskie elity v soiuznykh respublikakh SSSR.” In *Etnicheskie elity v natsionalnoi politike Rossii*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Октябрьская Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН.

Irina V. Oktibrskaia, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Senior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Northern Branch of the Russian Academy of Sciences.

³ Аманжолова Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М., 2019. С. 413.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-470-472>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Синицын Ф.Л. Советское государство и кочевники: история, политика, население. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.

М.В. Монгуш

Государственный архив Российской Федерации,
119435, Россия, Москва, Б. Пироговская ул, 17,
monmarvas@mail.ru

Для цитирования: Монгуш М.В. Рецензия на книгу: Синицын Ф.Л. Советское государство и кочевники: история, политика, население. М.: Центрполиграф, 2019 // Вестник Российской Федерации университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 470–472. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-470-472>

REVIEW ON:

Sinitsyn, F.L. *Sovetskoye gosudarstvo i kochevniki: istoriya, politika, naselenie* [Soviet state and nomads: history, politics, population]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2019. 318 p.

Marina V. Mongush

State Archive of the Russian Federation,
17, B. Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia,
monmarvas@mail.ru

For citation: Mongush, Marina V. "Review on: Sinitsyn, F.L. 'Sovetskoye gosudarstvo i kochevniki: istoriya, politika, naseleniye.' Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2019." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 470–472. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-470-472>

Монография доктора исторических наук Ф.Л. Синицына «Советское государство и кочевники: история, политика, население» представляет собой исследование, в фокусе которого – взаимоотношения Советского государства с миром кочевой культуры, представленным в довольно широком географическом диапазоне – от Европы до Восточной Азии. Процесс этих взаимоотношений очень интересен, т.к. советская политика по отношению к кочевникам, претерпев ряд колебаний, в итоге была нацелена на глубокое вмешательство в жизнь последних и привела к жесткому столкновению между «оседлым» государством и кочевой цивилизацией. Автор поставил своей целью на материалах советской истории выяснить, какими были взаимоотношения «кочевой цивилизации» с «оседлым» государством, а также дать ответ на целый ряд вопросов, касающихся политики СССР по отношению к кочевым народам, которые до сих пор остаются дискуссионными или не до конца проработанными. В основу монографии легли разработки отечественной и зарубежной историографии, а также многочисленные источники, которые включают в себя документы из архивных фондов и опубликованные материалы.

© Монгуш М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Во введении к книге дан подробный анализ различных подходов к поставленной проблеме. Ф.Л. Сеницын отмечает, что современные оценки советской политики в отношении кочевников российскими и зарубежными учеными отличаются широкой палитрой мнений. Среди спорных вопросов – цели советской программы перевода кочевников на оседлость, связь депортаций народов, осуществленных в СССР в 1930-х – 1940-х гг., освоение территории «кочевых» регионов, преемственность политики Российской империи и СССР в отношении кочевников, а также сравнение национальной политики России/СССР и других стран мира в этой сфере.

Пожалуй, главная проблема в отношениях между «оседлым» государством и кочевниками, которая выделена в книге, – это перевод кочевых обществ на оседлость. Автор отмечает, что в XX в. такой процесс шел не только в СССР, но и во многих других странах мира, и оценки его до сих пор неоднозначны. Некоторые ученые делают вывод о неизбежности кризиса кочевой цивилизации, которая так или иначе и приводит кочевников к оседлости, а также считают, что в условиях тесного контакта с «оседлыми» государствами кочевники не способны адаптироваться к условиям, которые диктует «оседлое» индустриальное и урбанизированное общество. Тем не менее необходимость перевода кочевников на оседлость остается спорным вопросом – даже в условиях современного, глобализованного мира.

В результате получилось, как нам кажется, серьезное исследование междисциплинарного характера, представляющее большой интерес для широкого круга читателей. Кроме того, проблема взаимодействия России как «оседлого» государства с народами кочевой цивилизации является чрезвычайно актуальной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Автор справедливо отмечает, что на фоне происходящей массовой миграции в Европу из стран Африки и Ближнего Востока вопросы взаимоотношений между кочевниками и государством обретают особую актуальность, поскольку они связаны с реализацией права человека на свободу передвижения и проблемой трансграничной миграции.

В двух начальных главах книги исследуется наиболее острый период во взаимоотношениях Советского государства с кочевниками (1920–1930-е гг.). Эти взаимоотношения были весьма непростыми. Если власти Российской империи находили общий язык с родовыми властителями кочевых обществ, то для советской власти родовые властители априори были «классовым врагом», причем врагом особо опасным из-за того влияния, которое они имели на массу кочевого населения. В таких условиях кочевая цивилизация была обречена на жесткий конфликт с государством. О другом важном моменте Ф.Л. Сеницын пишет: «До революции миграции кочевников происходили, в основном, в традиционном режиме с экономическими целями. При советской власти откочевки стали приобретать политический контекст как форма бегства от государства. Причем для властей было сложно понять причину каждой конкретной миграции – была она совершена в рамках традиционного скотоводческого кочевья или с политическими целями» (С. 44). В итоге 1920–1930-е гг. в «кочевых» регионах СССР проходили под флагом советизации, которая перешла в тотальный перевод кочевников на оседлость, что в конечном итоге привело к подрыву кочевой цивилизации.

В третьей главе книги рассмотрен период, начиная с 1940-х гг. по настоящее время. Особое внимание при этом уделено процессу советизации и переходу на оседлость малочисленных народов Севера. В этом регионе вопрос о прекращении кочевания не ставился, так как специфика оленеводства (основного занятия местного населения) в значительной мере препятствует оседлой форме хозяйства. Автор подтверждает своим исследованием устоявшийся в современной историографии факт, что процесс перевода кочевников на оседлость был усугублен экспансией промышленности на земли коренных народов Севера. Открытие нефти и газа, при-

ток многочисленного нового населения – к таким быстро меняющимся условиям северянам приспособиться было крайне трудно. В главе также подробно освещено современное состояние «кочевых» регионов России и стран ближнего зарубежья.

В четвертой главе Ф.Л. Сеницын приводит сведения об опыте отдельных зарубежных стран во взаимоотношениях с кочевой цивилизацией. В частности, речь идет о Китае, Афганистане, Иране, странах Ближнего Востока и Северной Африки, Австралии и зарубежной Европы. В книге дан анализ сходства и различий в политике этих стран в сравнении с советским опытом.

В заключении автор приходит к выводу о том, что в политике СССР по отношению к кочевникам проявилась тенденция, характерная для дореволюционной России, – переход от «мягкой силы» к усилению давления на кочевые общества с течением времени. После революции советская власть также начала с мягкого варианта политики – советизации в 1920-е гг. и затем, в начале 1930-х гг., перешла к жесткому варианту – форсированной модернизации. Затем, после осознания трагических последствий форсирования, произошел откат к умеренному варианту политики. Однако этот умеренный вариант тем не менее был намного жестче, чем советизация 1920-х гг.

Наиболее жесткое противостояние оседлой и кочевой цивилизаций было отмечено в тот период в Казахстане (как и в дореволюционные годы). Как известно, это самый большой «кочевой» регион, где проживало наибольшее количество кочевников (до 80 % всего кочевого населения СССР). В советский период в Казахстане появилась еще одна причина, которая способствовала форсированию политики, – жесткая позиция местного руководства. Там же наблюдалась и самая острая идеологическая борьба в отношении судьбы кочевой цивилизации. В других регионах форсирование политики шло не так жестко и имело не такие тяжелые последствия.

По сути, значительная часть монографического исследования Ф.Л. Сеницына, помимо собственно научного анализа, несет в себе и качество первоисточника, что определяет его большое значение для будущих исследований. В книге представлен глубокий, всесторонний анализ взаимодействия «оседлого» Советского государства с кочевыми народами, выявлены и описаны ресурсы и механизмы, которые использовались по отношению к кочевникам, исследованы результаты взаимодействия между представителями таких непохожих друг на друга социально-политических институций, как «оседлое» государство и кочевники в непростых условиях первой трети XX в. Весь этот широкий спектр тем и сюжетов раскрыт автором с должной полнотой и объективностью.

Вместе с тем в ходе прочтения книги появился ряд пожеланий. Во-первых, хотелось бы увидеть более детальный анализ места и роли «кочевых» регионов в общесоюзной национальной политике и классификацию аспектов этой политики в отношении к разным «кочевым» регионам. Во-вторых, интересно было бы более глубоко изучить и религиозный аспект советской политики в отношении кочевых обществ, и реакцию местных религиозных деятелей на эту политику. Однако очевидно, что в рамках одной монографии «нельзя объять необъятное», и эти вопросы можно рассматривать как задел для дальнейшего исследования темы, затронутой в книге.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.08.2020

Информация об авторе / Information about the author

Монгуш Марина Васильевна, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Тува, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации.

Marina V. Mongush, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Honored Scientist of the Republic of Tuva, Leading Specialist of the State Archives of the Russian Federation.